

ИНСТИТУТ
СОЦИОЛОГИИ
ФНИСЦ РАН

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО **И ВЫЗОВЫ времени**

Книга шестая

ВСЬ
МИР

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
**И ВЫЗОВЫ
времени**

Книга шестая

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО **И ВЫЗОВЫ времени**

Книга шестая

Под редакцией
М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой

Москва
Издательство «Весь Мир»
2022

УДК 316.4
ББК 60.56(2Рос)
Р 76

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект № 20-18-00505
«Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского
общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз»,
руководитель проекта – академик РАН *М.К. Горшков*).

Рецензенты:

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук,
член-корреспондент РАН, ФГАОУ ВО «Московский государственный
институт международных отношений (университет) МИД РФ»;

Локосов Вячеслав Вениаминович, доктор социологических наук,
член-корреспондент РАН, Институт социально-экономических
проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской –
обособленное подразделение ФГБУН ФНИСЦ РАН

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0898-4

© ФНИСЦ РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Весь Мир», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1. Ситуация в стране и мире в оценках россиян	11
Глава 2. Динамика социально-психологического состояния российского общества до и после возникновения чрезвычайных ситуаций	37
Глава 3. Общее и особенное в изменении социально- экономического положения разных групп населения в условиях антироссийских санкций	61
Глава 4. Постпандемические последствия <i>Covid-19</i> и их влияние на массовое сознание и поведенческие практики россиян	95
Глава 5. Доверие как консолидирующий / деконсолидирующий фактор духовной атмосферы общества	119
Глава 6. Смысложизненные установки россиян в контексте интересов страны и общества	143
Глава 7. Смысложизненные установки россиян в контексте их личных интересов	174
Глава 8. Отношение к Западу российских граждан и их представления о друзьях и врагах РФ	202
Глава 9. Образ России будущего в массовом сознании россиян	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (к общим выводам)	251
ПРИЛОЖЕНИЯ	270
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	276

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная социальная динамика и усложнение общественной жизни предъявляют повышенные требования к социологическому знанию комплексного, многоаспектного характера, прежде всего в аспектах, касающихся всестороннего анализа и объяснения состояния, тенденций и противоречий развития как отдельных сфер жизни общества, так и социальных изменений, происходящих в нем в целом. Данная проблема особенно актуальна в контексте изучения российского социума, не одно десятилетие переживающего противоречивые трансформационные процессы под воздействием глобального и локального, внутри- и внешнеполитических факторов.

Как известно, комплексные исследования социальных трансформаций, имеющих место в обществах разного типа, предполагающие и нацеленные на учет полифакторных воздействий и взаимовлияний, регулярно становились в последние годы предметом изучения многочисленных областей гуманитарного знания. При этом акцент в них делался по большей части на всеохватность и применение нормативистского и компаративистского подходов. Однако, несмотря на то что компаративные проекты давали возможность увидеть в исследуемых процессах общее и особенное, а также высветить специфические параметры, ключевые особенности и результаты происходящего в конкретных условиях, они не фиксировали «своеобразие момента», позволяющее выявить «живое лицо» каждого отдельного исследуемого социума.

Анализ проводимых исследований различных аспектов социальных трансформаций российского социума демонстрирует присутствие в гуманитарной рефлексии попыток осмысления широкого спектра современных тенденций, связанных с проблематикой изучения причинностей и обусловленности общественных преобразований. Вместе с тем, в них наблюдается дефицит

многоаспектного контекстного аналитического подхода, способного сочетать теоретико-концептуальную и практически-ориентированную исследовательскую работу по выявлению особенностей отечественных социальных трансформаций с установлением количественно-качественных параметров состояния и динамики российского социума по принципу «здесь и сейчас». А ведь именно объективные, постоянно обновляемые данные о реальном воздействии социально-экономических и политических, этнонациональных и религиозных факторов на характер, специфику, направление общественных преобразований в стране, включая их взаимообусловленность, являются важнейшей предпосылкой и неотъемлемым условием успешного решения актуальных задач выработки эффективной государственной политики, осуществления системной модернизации российского общества, обеспечения его социальной и гражданской консолидации.

Примером наиболее масштабного за последнее десятилетие осуществления социологического проекта, направленного на изучение состояния и динамики российского социума, испытывающего на себе одновременное воздействие трансформационных процессов и кризисных условий жизнесуществования, явилась программа реализации Институтом социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС ФНИСЦ РАН) при финансовой поддержке РНФ общероссийского социологического мониторинга¹. Программой выполнения проекта предусматривалось проведение общенациональных социологических исследований, направленных на изучение транс-

¹ Мегапроект РНФ № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018 гг.). Руководитель проекта – академик Российской академии наук М. Горшков. Об основных результатах выполнения мегапроекта см.: 1) Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Издательство «Весь Мир», 2015; 2) Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М.: Издательство «Весь Мир», 2015; 3) Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. М.: Издательство «Весь Мир», 2016; 4) Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Издательство «Весь Мир», 2016; 5) Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Издательство «Весь Мир», 2017; Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Издательство «Весь Мир», 2017.

формационных процессов, происходящих в современной России в контекстах реально складывающихся общественных ситуаций.

Поддержка Российским научным фондом проекта № 20-18-00505 «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» позволила научной группе ИС ФНИСЦ РАН продолжить серию мониторинговых исследований на базе обозначенных выше теоретико-методологических и методических подходов в период 2020–2022 гг.²

Основной целью проекта и всех предусмотренных его концепцией социологических замеров являлось изучение своеобразия проявлений в новой российской повседневности массовидных духовно-психологических образований (социальные чувства, общественные настроения, духовная атмосфера, общественное мнение и др.) и их влияния на консолидацию / деконсолидацию общества. При этом каждая из трех осуществленных волн мониторинга была сопряжена с особой общественной ситуацией в России и за ее пределами. Так, общероссийские опросы 2020–2021 гг. проводились в условиях начала и широкого распространения в России (вслед за другими странами) коронавируса *COVID-19* и проведения массовой вакцинации, реализации государством необходимых мер по стабилизации положения дел в экономике и социальной сфере, адаптации населения к необходимым ограничениям. Реализация же третьей волны, пришедшаяся на вторую половину марта 2022 г., совпала с проведением специальной военной операции на Украине и беспрецедентным давлением на РФ США и примкнувшей к ним коалиции ряда европейских стран, сопровождающимся серией масштабных антироссийских санкций.

Учитывая философскую истину: «Бытие определяет сознание, а сознание, обладая относительной самостоятельностью, активно влияет на бытие», можно утверждать: внутренние и внешние условия периода осуществления проекта РНФ оказались сродни реально возникшей социально-исследовательской лаборатории, среда которой обеспечивала возможность многоаспектного анализа и диагностики различных состояний массового сознания и его трансформации в массовые побуждения и поведенческие практики россиян. В связи с этим программа третьей волны мониторинга

² Это обусловило и решение коллектива авторов настоящего издания обозначить его как «книгу шестую» в продолжение ранее вышедшего многотомника «Российское общество и вызовы времени. Книги первая – пятая».

га готовилась и реализовывалась с учетом выявления отношения наших сограждан как к процессам общего характера, оказывающим влияние на их домохозяйства и их собственное положение, так и к событиям текущего времени, потребовавшим ценностно-мировоззренческой мобилизации российского социума в защите и отстаивании национальных интересов России.

С учетом этого в настоящей книге представлены материалы анализа тех показателей мониторинга, которые демонстрируют:

- как на момент проведения массового опроса россияне оценивали ситуацию в стране и мире;
- какова динамика массового сознания и его психологических проявлений до и после возникновения в стране чрезвычайных ситуаций, осуществления специальной военной операции на Украине;
- как влияют на изменение материального положения различных групп российского общества антироссийские санкции;
- каковы постпандемические последствия *COVID-19* и их воздействие на массовое сознание и поведенческие практики россиян;
- насколько духовная атмосфера и доверие могут выступить консолидирующим / деконсолидирующим фактором общественной жизни;
- в чем состоят смысложизненные установки россиян в контексте интересов страны и личных интересов;
- каким видят будущее России разные поколения наших сограждан;
- что представляют собой доминанты в массовом историческом сознании россиян.

Массовые опросы населения РФ осуществлялись по репрезентативной общероссийской выборке методом индивидуальных интервью. Объем выборочной совокупности составлял в каждом опросе 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, социально-профессионального статуса, образования и типа населенного пункта проживания. Исследования проводились в 22 субъектах РФ с охватом 112 поселений, в том числе два мегаполиса, 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 19 поселков городского типа (ПГТ) и 37 сел.

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районирован-

ной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. При этом на первой ступени выборки районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам Российской Федерации в соответствии с принципами, разработанными и применяемыми Росстатом для контроля социально-экономических показателей в динамике. Вторая ступень выборки включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого территориально-экономического района страны. Третья ступень выборки: внутри субъектов РФ осуществлялось дальнейшее районирование, которое заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности по пяти типам поселений: мегаполисы; административные центры субъектов РФ; административные центры районов; поселки городского типа; села. На четвертой ступени выборки, то есть при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса по заданным квотам, соблюдались квоты по основным социально-профессиональным признакам респондентов, а также возрастные пропорции по пяти возрастным когортам: 18–30 лет; 31–40 лет; 41–50 лет; 51–60 лет; 60 лет и старше.

Общенациональные исследования и подготовка настоящей монографии осуществлены рабочей группой ИС ФНИСЦ РАН в составе: М.К. Горшков (предисловие, заключение, общая научная редакция), А.Л. Андреев (глава 9), А.В. Каравай (глава 5), Н.Д. Коленникова (глава 4), Ю.В. Латов (глава 1), Н.В. Латова (глава 2), Н.Н. Седова (главы 6, 7), Е.Д. Слободенюк (глава 9), П.Е. Сушко (глава 8), Н.Е. Тихонова (глава 3, общая научная редакция), И.О. Тюрина (научный координатор проекта), Ф.Э. Шереги (разработка модели выборки).

Глава 1

СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ И МИРЕ В ОЦЕНКАХ РОССИЯН

В среде отечественных социологов в последние годы поднимается вопрос, не следует ли сформировать «социологию кризиса» в качестве нового направления социологических исследований¹. Такие идеи являются логичной реакцией на чередование кризисов (одних только социально-экономических кризисов — три за последние 15 лет), которое наблюдают современные россияне. Однако научная обоснованность этой идеи неочевидна. Ведь если рассматривать кризис как длительный период нестабильности, то изучением «социологии кризиса» российские социологи занимаются с 1980-х гг., поскольку развитие позднесоветской и постсоветской России в значительной степени совпадает с чередованием разнообразных кризисов. Совсем другое — момент кризиса как таковой, когда общество осознанно переживает состояние «потери старого мира». Такие периоды длятся недолго, их очень трудно «поймать», поскольку в такие периоды фрустрация поражает не только общество, но и самих социологов, и они действительно изучены не слишком хорошо. Однако бывают исключения, когда и бифуркационная ситуация длится несколько недель, и социологам удается «подгадать» с проведением исследования. В марте 2022 г. сотрудникам Института социологии ФНИСЦ РАН удалось провести очередной общероссийский опрос именно в момент начала очередной «эпохи перемен»². В центр внимания при этом была поставлена проблема

¹ См., например: *Зборовский Г.Е.* Социология кризиса и кризис социологии // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XII Международной конференции. 19–20 марта 2009 г., Екатеринбург, 2009. Ч. 2–3. С. 4–7.

² Похожий опыт был в 2014 г., после «Крымской весны», но тогда социологический опрос организовывался сотрудниками Института социологии все же спустя несколько месяцев после начала кризисных событий (Российское общество и вызовы времени. Кн. первая. Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Издательство «Весь Мир», 2015).

проявления у россиян в ситуации кризиса катастрофического сознания – страха перед настоящим и ближайшим будущим³.

Основываясь на данных этого опроса и других исследований ИС ФНИСЦ РАН, рассмотрим сначала мнение населения страны о том, какова была ситуация в российском обществе по состоянию на март 2022 г. Как видно из данных, представленных на рисунке 1.1, в период 2010-х гг. традиционно преобладали оценки ситуации в России как напряженной. Однако даже на этом фоне зафиксированный последним опросом уровень критичности в отношении положения дел в стране выглядит очень высоким: как катастрофическое его оценили 16% при «обычных» 7–11%, а как напряженное/кризисное – 70% опрошенных. Ранее наиболее критично ситуация оценивалась во время социально-экономического кризиса 2014–2016 гг., когда сумма «кризисных» и «катастрофических» оценок достигала 80%.

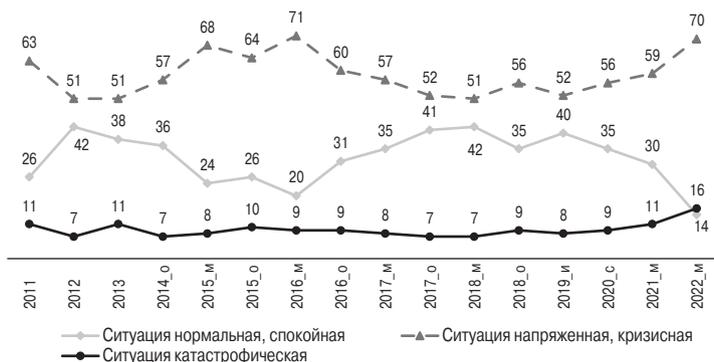

Рисунок 1.1. **Динамика оценок населением страны ситуации в России, 2011–2022 гг., %**

Примечание. Используемые здесь и далее условные обозначения: «2014_о» – опрос в октябре 2014 г., «2015_м» – опрос в марте 2015 г., «2015_о» – опрос в октябре 2015 г., «2016_м» – опрос в марте 2016 г., «2016_о» – опрос в октябре 2016 г., «2017_м» – опрос в мае 2017 г., «2017_о» – опрос в октябре 2017 г., «2018_м» – опрос в мае 2018 г., «2018_о» – опрос в октябре 2018 г., «2019_и» – опрос в июне 2019 г., «2020_с» – опрос в сентябре 2020 г., «2021_м» – опрос в марте 2021 г. и «2022_м» – опрос в марте 2022 г.

³ Проблема катастрофического сознания разрабатывалась российскими социологами еще в 1990-х (см., например: Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века: (по материалам международных исследований). М.: Моск. обществ. науч. фонд: Ин-т социологии РАН: Ун-т штата Мичиган, 1999), но затем она потеряла актуальность и ушла из сферы приоритетных научных направлений.

Исключительность ситуации весной 2022 г. заметна и в том, что впервые за весь период наблюдений доля респондентов, полагающих ситуацию нормальной/спокойной, оказалась ниже доли считающих ее катастрофической (14% против 16%).

В то же время, как и в предыдущие годы, фиксируется четкая закономерность: чем «ближе» к человеку находятся оцениваемые реалии, тем менее критично они воспринимаются (табл. 1.1). В частности, в 2022 г. лишь 6% россиян назвали нормальной/спокойной ситуацию в мире, тогда как применительно к России доля оптимистических оценок составила 14%, к региону проживания респондента – 35%, а к конкретному месту проживания – 44%. «Катастрофические» оценки положения дел в регионах и населенных пунктах по месту проживания с марта 2021 г. по март 2022 г. вообще не выросли. Это отнюдь не означает, что «на местах» не наблюдается ничего тревожного: доля оценок «ситуация напряженная, кризисная» применительно ко всем трем объектам (Россия, регион и населенный пункт) «подскочила» почти одинаково

Таблица 1.1

**Динамика оценок россиянами ситуации в стране и в мире,
2020–2022 гг., %**

Оценка ситуации	В мире в целом	В России	В регионе проживания (области, крае, республике)	В городе, поселке, сельском населенном пункте проживания
<i>2022 г.</i>				
Ситуация нормальная, спокойная	6	14	35	44
Ситуация напряженная, кризисная	73	70	59	50
Ситуация катастрофическая	21	16	6	6
<i>2021 г.</i>				
Ситуация нормальная, спокойная	—	26	48	58
Ситуация напряженная, кризисная	—	54	44	35
Ситуация катастрофическая	—	10	8	7
<i>2020 г.</i>				
Ситуация нормальная, спокойная	—	34	49	57
Ситуация напряженная, кризисная	—	57	44	37
Ситуация катастрофическая	—	9	7	6

(на 15–17 п.п.). Тем не менее есть основания полагать, что рост пессимистических оценок ситуации в стране был в марте 2022 г. симптомом не столько уже свершившегося ухудшения, сколько его ожидания в ближайшем будущем, опосредованного во многом влиянием домыслов, слухов и/или «пугающих» сообщений в СМИ под влиянием начала СВО на Украине.

Даже если не делать поправку на контраст между высокой критичностью массовых оценок ситуации в мире и в России и гораздо более умеренной тревожностью в оценках положения дел в регионе и в населенном пункте по месту постоянного проживания, то весной 2022 г. у большинства россиян в целом не были деструктивно-паническими. Как видно из данных таблицы 1.1, как катастрофическую ситуацию в стране, регионе и месте непосредственного проживания определяли всего от 6% до 16% наших сограждан.

При интерпретации оценок ситуации в России, как она сложилась в марте 2022 г., необходимо учитывать их дифференциацию в разных социально-демографических группах населения (табл. 1.2). Напомним для более точного понимания данных этой таблицы, что март 2020 г. — это период первой эмоциональной реакции на пандемию коронавируса, а март 2022 г. — период первой реакции на СВО на Украине.

Среди различных социально-демографических характеристик наиболее существенно на оценки текущей ситуации в России влияет, как и следовало ожидать, самооценка человеком своего материального положения: чем оно хуже, тем хуже он оценивает и ситуацию в стране, проецируя на макромир состояние собственного микромира. Так, если среди россиян с хорошим материальным положением ситуацию в стране нормальной/спокойной считали в 2022 г. 22%, то среди людей с плохим материальным положением — только 10%. Правда, в среде опрошенных, оценивающих текущую ситуацию как катастрофическую, данная закономерность проявлялась не столь четко: хотя чаще всего эта категория респондентов встречалась также среди людей с бедственным, согласно их самооценкам, материальным положением (27% — более чем каждый 4-й!), но реже всего (около 12%) — среди людей не с хорошими, а с удовлетворительными самооценками такового. Это можно объяснить тем, что ожидавшиеся тогда населением негативные последствия от «войны санкций» должны были сильнее ударить по потребителям иностранных товаров и работающим на закрывающихся предприятиях зарубежных фирм. А их больше среди рос-

Таблица 1.2

**Динамика оценок разными группами россиян ситуации в стране,
2020 / 2022 гг., %**

Группы		Ситуация нормальная, спокойная		Ситуация напряженная, кризисная		Ситуация катастрофическая	
		2020	2022	2020	2022	2020	2022
Возрастные	До 25 лет	35	19	59	68	6	13
	26–35 лет	34	13	54	70	12	17
	36–45 лет	31	15	58	68	11	17
	46–55 лет	36	11	52	73	12	16
	56–65	33	12	57	73	10	15
	66 лет и старше	40	16	52	68	8	16
Образовательные	Общее среднее образование	34	17	55	66	11	17
	Среднее специальное	35	14	55	70	10	16
	Высшее	34	13	56	72	10	15
Поселенческие	Москва, Санкт-Петербург	28	19	63	65	9	16
	Центры субъектов РФ	32	14	58	72	10	14
	Другие города	32	10	56	69	12	21
	ПГТ и села	38	15	50	72	12	13
По самооценкам материального положения	Хорошее	41	22	52	61	7	17
	Удовлетворительное	39	14	53	74	8	12
	Плохое	20	10	56	63	14	27
По массиву в целом		34	14	57	70	9	16

сиян с хорошим материальным положением, которые оценивают ситуацию в стране как «катастрофическую» чаще, нежели наши сограждане с удовлетворительным, по их мнению, достатком.

В период коронакризиса наиболее парадоксальные результаты наблюдались при анализе оценок ситуации в стране в поселенческом разрезе. Как известно, в силу обладания разнообразными дополнительными ресурсами жители столичных мегаполисов, как правило, ощущают себя более защищенными, чем жители менее крупных поселений. Однако поскольку ковид-пандемия «была» сильнее по крупным городам с более скученным населением, то в 2020 г. именно жители Москвы и Санкт-Петербурга оказались наиболее пессимистичными в оценках ситуации в стране (лишь 28% позитивных оценок), а сельчане, наоборот, отличались боль-

шим оптимизмом (38%). Однако ситуация весны 2022 г. породила иной критерий иерархии поселений. В новых условиях наиболее подверженными рискам/угрозам чувствовали себя проживающие в райцентрах (лишь 10% оптимистичных оценок). Это связано с тем, что живущие в последних уже слабо связаны с возможностями самоснабжения, имеющимися у сельчан, но еще не входят в разряд «привилегированных» горожан, таких как москвичи/петербуржцы или жители центров субъектов РФ.

В контексте ковид-пандемии видение ситуации в стране практически не зависело от возраста. В частности, молодежь, обычно более склонная к оптимизму, не выделялась на фоне остальных возрастных групп. Весной 2022 г. влияние фактора возраста также почти не фиксировалось. Так, доли «катастрофических» оценок варьировались: в зависимости от самооценки материального положения – на 15%, от типа поселения – на 8%, в зависимости от возраста – лишь на 4%. Практически не наблюдалось здесь и влияние образования, поскольку доли «катастрофических» оценок варьировались в разных образовательных группах лишь на 1–2%.

В целом следует констатировать, что доминирование мнений о кризисном или даже катастрофическом положении дел было типично в марте 2022 г. для всех социально-демографических групп. Заметно лучше оценивали его более «сильные» и благополучные группы населения – люди с хорошей самооценкой материального положения и проживающие в столицах. Однако и среди них нормальной / спокойной ситуацию в стране считал лишь примерно каждый пятый.

Оценки ситуации в регионах, местах непосредственного проживания наших сограждан и в мире демонстрируют сильную корреляцию с оценками ситуации в России в целом (коэффициенты Спирмена – 0,530, 0,427 и 0,486 соответственно). Это обуславливает схожесть дифференциации оценок положения дел в них с дифференциацией оценок ситуации в стране как таковой.

Следует обратить внимание на то, что, оценивая ситуацию в стране, в регионе и месте проживания, некоторые респонденты давали «катастрофические» оценки дважды, а то и трижды, демонстрируя тем самым последовательный «катастрофизм», гипертрофированно трагическое оценивание ситуации, способное привести в повседневной жизни к паническим реакциям. Их антагонистами выступали представители другой крайности – граждане, которые дважды-трижды оценивали ситуацию (в России, своем регионе и в месте проживания) как вполне нормальную, даже

несмотря на то, что против страны уже была в тот момент развернута масштабная «экономическая война», а экономисты предсказывали рост инфляции и безработицы. В данном контексте необходимо понять, кто же такие носители «катастрофического» и носители «спокойного» сознания, а также чем можно объяснить такое восприятие действительности и как оно влияет на социальное поведение представителей соответствующих групп. В этих целях опрошенные были разделены, в зависимости от их оценок текущей ситуации в России (в стране в целом, в регионе и месте проживания), на три группы: «спокойные», давшие не менее двух ответов «ситуация спокойная» (35% выборки); «катастрофисты», давшие не менее двух ответов «ситуация катастрофическая» (6%); «тревожащиеся» — все остальные (59%).

С чем связана в первую очередь установка на «катастрофизм»? Насколько она зависит от индивидуальных особенностей людей и личной жизни респондентов? Проверка этой связи (табл. 1.3) показывает, что среди «катастрофистов» на 13% больше, чем среди «спокойных», тех, кто ощущает раздраженность, озлобленность и агрессивность, и на 40% меньше испытывающих позитивные эмоции. Однако они мало отличаются по данному критерию от «тревожащихся»: в обеих группах подавляющее большинство переживает умеренно негативные эмоции («тревожность»). Аналогично — по поводу здоровья: среди «катастрофистов» вдвое больше людей с плохим здоровьем (23% против 11%), чем среди «спокойных», однако большинство во всех трех группах полагает собственное здоровье удовлетворительным.

Для проверки связи проявлений «катастрофического» сознания с материальным положением респондентов использовались их самооценки последнего и оценки ими своей самодостаточности (способности содержать себя и семью без поддержки государства). Как и следовало ожидать, среди «катастрофистов» оказалось чуть меньше людей с хорошим материальным положением (на 4%) и способных, по их собственному мнению, к самообеспечению (на 8%), а также заметно больше материально неблагополучных (на 20%) и зависимых от господдержки (на 8%). Однако наиболее значимые отличия между ними — по критериям изменения материального положения за последний год (среди «катастрофистов» на 38% больше тех, чье положение ухудшилось) и оценкам своих перспектив изменения такового на ближайший год (среди «катастрофистов» на 42% больше ожидающих его ухудшения) (табл. 1.3). Можно сделать вывод, что ощущение катастрофы в окружающем

Таблица 1.3

**Взаимосвязь между оценками россиянами текущей ситуации
и их личными характеристиками, 2022 г., %**

Личные характеристики	Группы россиян по восприятию текущей ситуации			По массиву в целом
	Спокойные	Тревожающиеся	Катастрофисты	
<i>Изменение материального положения за последний год</i>				
Улучшилось или скорее улучшилось	14	8	6	10
Осталось без изменений	55	41	25	45
Ухудшилось или скорее ухудшилось	31	51	69	45
<i>Перспективы в материальном плане на ближайший год</i>				
Должны улучшиться или скорее улучшатся	18	10	7	12
Останутся без изменений	42	30	11	34
Должны ухудшиться или скорее ухудшатся	40	60	82	54

мире укореняется преимущественно у переживших в последний год ухудшение собственного материального положения. В то же время данные о реальном уровне доходов, а не о его динамике, не демонстрируют заметных различий между «спокойными» (средне-месячный доход на члена семьи – 24,3 тыс. руб.), «тревожающимися» (27,1 тыс.) и «катастрофистами» (25,4 тыс.). В этом контексте проблема состоит не в плохом материальном положении «катастрофистов» как таковом, а в их фрустрации, опосредованной переживаниями его ухудшения.

Куда более существенные различия заметны при анализе отношения россиян к действующему вектору развития страны. Речь идет, прежде всего, о доверии президенту РФ и правительству России, оценке пути развития страны и поддержке существующей власти (табл. 1.4).

Как видно из таблицы 1.4, у «тревожащихся» (что естественно, учитывая массовость этой группы) пропорция ответов по приведенным показателям примерно соответствует средней по выборке. В то же время среди «спокойных» заметно чаще встречаются «лояльные» оценки, а у «катастрофистов» преобладают (60–74%) суждения, критические по отношению к существующему политическому режиму. Наиболее выразительно выглядят различия по доверию правительству России: структуры мнений «спокойных» и «катастрофистов» почти зеркально противоположны.

Таблица 1.4

Взаимосвязь между оценками россиянами ситуации в России и их отношением к властным структурам, 2022 г., %

Оценки	Группы россиян по восприятию текущей ситуации			По массиву в целом
	Спокойные	Тревожащиеся	Катастрофисты	
<i>Оценка пути развития России</i>				
Путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты	85	68	31	71
Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик	15	32	69	29
<i>Поддержка существующей власти</i>				
При всех недостатках нынешняя власть заслуживает поддержки	88	74	40	77
Нынешняя власть должна быть заменена	12	26	60	23

Среди иных характерных для «катастрофистов» мировоззренческих особенностей стоит упомянуть также об их заметно больше, чем у других россиян, недоверии к полиции (76%), органам местного самоуправления (75%) и даже российской армии (56%). Отличают их на общем фоне и убежденность в том, что страна нуждается в существенных переменах (65%), а также неодобрение спецоперации на Украине (53%).

Стоит отметить, что критичность «катастрофистов» по отношению к существующему политическому режиму не поддается однозначной идеологической трактовке. В современной России принято считать главными «антигосударственниками» западников-либералов. Однако против этатистской идеологии («Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство») высказалось меньшинство «катастрофистов» (42%), что не отличается качественно от показателей «спокойных» (31%) и «тревожащихся» (32%). Когда же речь заходит о неприятии конкретных проявлений жесткости политики государства, то специфика «катастрофистов» проявляется ярче: так, с мнением, согласно которому «если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, то их свободу следует ограничить», не согласны лишь

29% «спокойных», но 61% «катастрофистов». Тем самым можно утверждать, что различия между «катастрофистами» и «спокойными» — это различия в первую очередь социально-политических установок, а не политических идеологий.

Итак, главным фактором, детерминирующим «катастрофическое» восприятие относительно небольшой долей россиян (6%) социальной реальности в масштабах страны, выступает не только субъективно переживаемое ими недавнее ухудшение личного материального положения, но и критическое отношение к существующим политическим институтам и заданному ими пути развития страны. Впрочем, последнее может быть отчасти вызвано негативной динамикой их собственного материального положения.

Обратимся в связи с этим к установкам на готовность к определенным ограничениям в своей жизни «в целях укрепления безопасности России» и на проявления публичного протеста против существующих политических структур (готовность участвовать в массовых выступлениях) (табл. 1.5). При доминировании у россиян в целом «лоялистских» позиций хорошо заметен сформировавшийся в 2022 г. сильный эффект консолидации общества. Однако среди «катастрофистов» доля тех, кто отказывается принять ограничения, связанные с санкциями, введенными Западом в ответ на военную спецоперацию, в разы превышает соответствующую долю среди «спокойных». В плане готовности участвовать в массовых протестных выступлениях «катастрофисты» также демонстрируют значимые, хотя и не кардинальные отличия от «спокойных». Так, готовые участвовать в митингах и демонстрациях против нахождения российских вооруженных сил на Украине встречаются среди «катастрофистов» более чем в 4 раза чаще, чем среди «спокойных» (13% против 3%), но и среди них подавляющее большинство (64%) к подобному участию не готово. Примерно аналогична ситуация и в отношении участия в митингах и демонстрациях в защиту демократических прав и свобод: к участию в таковых несколько более, нежели к протестам по поводу Украины, склонны представители двух из трех выделенных нами групп (в том числе 16% «катастрофистов» против 6% «спокойных»), но и здесь подавляющее их большинство участвовать в них не предполагает.

Таким образом, люди с наиболее «катастрофическим» восприятием текущей ситуации в стране хотя и представляют определенную угрозу сохранению в России политической стабильности, однако не чрезмерную. В среде представителей этой весьма небольшой группы населения доминируют критические по отно-

Таблица 1.5

**Взаимосвязь между оценками россиянами текущей ситуации
и их установками на те или иные действия в ближайшем будущем,
2022 г., %***

Установки	Группы россиян по восприятию современной ситуации			По массиву в целом
	Спокойные	Тревожающиеся	Катастрофисты	
<i>Готовность отказаться от западных товаров длительного пользования</i>				
Готовы	64	55	46	57
Не готовы	30	39	49	36
<i>Готовность отказаться от поездок в страны ЕС и в США</i>				
Готовы	61	53	45	55
Не готовы	8	15	28	13
<i>Готовность отказаться от хранения денег в иностранной валюте</i>				
Готовы	53	45	36	47
Не готовы	6	14	28	12
<i>Готовность отказаться от использования банковских карт систем Visa и MasterCard</i>				
Готовы	64	58	43	59
Не готовы	15	24	38	22
<i>Готовность принять участие в митингах и демонстрациях в защиту демократических прав и свобод</i>				
Безусловно или скорее всего нет	83	77	59	78
Безусловно или скорее всего да	6	8	16	8
<i>Готовность принять участие в митингах и демонстрациях против нахождения российских вооруженных сил на Украине</i>				
Безусловно или скорее всего нет	86	77	64	80
Безусловно или скорее всего да	3	9	13	7

Примечание: * В таблице приведены только альтернативные варианты, без учёта ответивших, что их это не касается и затруднившихся с ответом, поэтому сумма ответов может быть меньше 100%.

шению к существующему политическому режиму позиции, но лишь меньшинство из них (13–20%) имеет установки на участие в протестных политических выступлениях.

От анализа оценок россиянами текущей ситуации перейдем к изучению их мнений о ее динамике. Прежде всего, попробуем понять, насколько изменения ситуации в стране и в мире сказываются на оценках нашими согражданами динамики социальной напряженности в России в целом, а также в их регионе и пункте проживания (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Динамика оценок россиянами степени социальной напряженности в стране, регионе и месте проживания, 2020/2022 гг., %

Тенденции изменения социального напряжения	Россия в целом		Регион		Населенный пункт	
	2020	2022	2020	2022	2020	2022
Напряжение существенно снизилось	5	2	6	2	6	3
Напряжение немного снизилось	12	3	13	5	12	5
Ситуация такая же, как и была раньше	24	7	35	17	40	24
Напряжение немного возросло	35	32	32	46	30	43
Напряжение существенно возросло	24	57	14	30	12	26

Рост социальной напряженности отмечался как в относительно спокойном марте 2020 г., ознаменовавшемся началом в России ковид-пандемии, так и в тревожном марте 2022 г., после старта специальной военной операции на Украине, на всех территориальных уровнях, хотя и в разной степени. На уровне страны в целом о нем говорили два года назад 59% респондентов и 89% весной 2022 г., на уровне региона – 46% и 76%, на муниципальном уровне – 42% и 69% соответственно. Как и ранее, по мере перехода восприятия от «ближней» ситуации к «дальней», ощущаемой не столько на личном опыте, сколько по сообщениям СМИ и «понаслышке», в массиве ответов прослеживается «сгущение красок». Так, доли мнений о существенном возрастании социального напряжения на уровне России в целом и на муниципальном уровне различались в марте 2022 г. так же, как и двумя годами ранее. В то же время мнения о снижении степени социальной напряженности в регионах и населенных пунктах встречались в 2022 г. гораздо реже. Так, если в 2020 г. мнение, что напряжение в России и их населенном пункте существенно или немного спало, выражали 5–6% и 12–13% опрошенных соответственно, то в 2022 г. – лишь 2–3% и 3–5% (табл. 1.6).

Обратившись к динамике за 15 лет, заметим, что высокая оценка уровня социальной напряженности в стране не является для россиян чем-то уникальным (рис. 1.2).

За последнее пятилетие самыми спокойными, с точки зрения оценок россиянами социальной напряженности, являлись 2017 и начало 2018 гг. (когда экономический кризис 2014–2016 гг. в основном завершился), а также начало 2021 г., когда казалось (к сожалению, преждевременно), что коронакризис подходит

Рисунок 1.2. **Динамика оценок населением изменения вектора социальной напряженности в стране в целом, 2008–2022 гг., %**

к концу. В остальные периоды более половины наших сограждан указывали на растущую социальную напряженность. Пиковые показатели этих оценок фиксировались в кризисном 2009 г., когда они были почти такими же, как в 2022 г. Тем не менее сопоставление структур оценок в кризисные годы с оценками предшествующих лет показывает, что в 2022 г. россияне пережили экстраординарный шок: рост оценок, отмечающих усиление социальной напряженности, составил в 2021–2022 гг. 47%, тогда как в 2008–2009 гг. — только 24%.

Значительное увеличение доли негативных оценок социальной напряженности сопровождалось весной 2022 г. некоторым изменением конфигурации озабоченных данным явлением групп россиян (табл. 1.7).

В 2020 г., в начальный период коронакризиса, наиболее заметное влияние на оценки россиянами динамики социальной напряженности оказывали тип поселения (разрыв по суждениям о росте напряженности в 36%) и возраст (разрыв в 11%). Однако в марте 2022 г. в оценках социальной напряженности различия между социально-демографическими группами резко ослабли. Можно отметить несколько повышенную частоту ответов о снижении этой напряженности у людей с хорошим материальным достатком, молодых россиян (до 25 лет) и жителей столиц, но лишь как очень слабую тенденцию. При этом во всех социально-демографических группах абсолютное большинство (более 80%) их представителей заявляло о ее росте. Таким образом, увеличение доли негативных оценок социальной напряженности, как и негативных оценок

Таблица 1.7

Динамика оценок разными социально-демографическими группами вектора социальной напряженности в России, 2020/2022 гг., %

Группы		Напряжение в обществе немного или существенно снизилось		Ситуация в обществе остается такой же		Напряжение в обществе немного или существенно возросло	
		2020	2022	2020	2022	2020	2022
Возрастные	До 25 лет	24	7	19	5	57	88
	26–35 лет	17	5	24	7	59	88
	36–45 лет	17	4	22	6	61	90
	46–55 лет	20	4	21	7	59	89
	56–65 лет	15	5	24	6	61	89
	66 лет и старше	18	5	30	9	52	86
Поселенческие	Москва, Санкт-Петербург	35	10	27	6	38	84
	Центры субъектов РФ	19	4	26	7	55	89
	Другие города	9	3	17	7	74	90
	ПГТ и села	14	6	20	5	66	89
По самооценкам материального положения	Хорошее	21	4	22	5	57	91
	Удовлетворительное	14	4	24	8	62	88
	Плохое	19	5	26	9	55	86
По массиву в целом		18	5	24	7	58	88

текущей ситуации в России, равномерно выражено во всех основных социально-демографических слоях российского населения.

В то же время на оценки социальной напряженности существенно влияет дифференциация россиян на «спокойных» / «тревожащихся» / «катастрофистов» (табл. 1.8). Как и следовало ожидать, среди «катастрофистов» почти никто не отмечает снижения напряжения (1%) или его стабилизации (3%) в России в целом, тогда как среди «спокойных» таких многократно больше (8% и 13% соответственно). При оценках социальной напряженности в местах проживания данный контраст выражен еще сильнее: среди «катастрофистов» почти все (94%) указали на рост напряженности в регионах и населенных пунктах по месту их проживания, в то время как среди «спокойных» — более чем вдвое меньше (42% опрошенных).

Таблица 1.8

**Оценки вектора социальной напряженности в России группами,
дифференцированными по отношению к текущей ситуации в стране,
2022 г., %**

Отношение к ситуации в стране	Напряжение в обществе немного или существенно снизилось		Ситуация в обществе остается такой же		Напряжение в обществе немного или существенно возросло	
	В России в целом	В их населенном пункте	В России в целом	В их населенном пункте	В России в целом	В их населенном пункте
«Спокойные»	8	14	13	44	79	42
«Тревожащиеся»	3	5	4	13	93	82
«Катастрофисты»	1	1	3	5	96	94
По массиву в целом	5	8	7	23	88	69
Разрыв между «спокойными» и «катастрофистами»	7	13	10	39	-17	-52

При объяснении той череды кризисов, с которыми в последние 15 лет столкнулась Россия, в общественно-политических дискурсах и общественном сознании россиян конкурируют два подхода. После «Крымской весны» 2014 г. и вплоть до конца 2010-х в массовом сознании доминировало мнение, согласно которому сложности (включая экономические кризисы), которые переживает современная Россия и ее граждане, обусловлены факторами, главным образом, не внутреннего, а внешнего характера. На пике экономического кризиса 2014–2016 гг. его придерживались до 79% наших сограждан (рис. 1.3). Однако по мере выхода из этого кризиса россияне все больше склонялись к тому, что основные угрозы носят скорее внутренний, нежели внешний характер. Наконец, летом 2020 г., хотя пандемия пришла извне и продолжались западные санкции, соотношение сторонников двух противоположных суждений об источниках основных угроз для страны впервые после 2013 г. выровнялось: 41% опрошенных усматривал основные угрозы вовне, и еще 41% – внутри страны (остальные 18% затруднились ответить). Столь значимое событие свидетельствовало, что с этого момента к правительству России могут предъявляться повышенные требования. Однако переживание коронакризиса (включая «войну вакцин») снова усилило желание искать главные угрозы

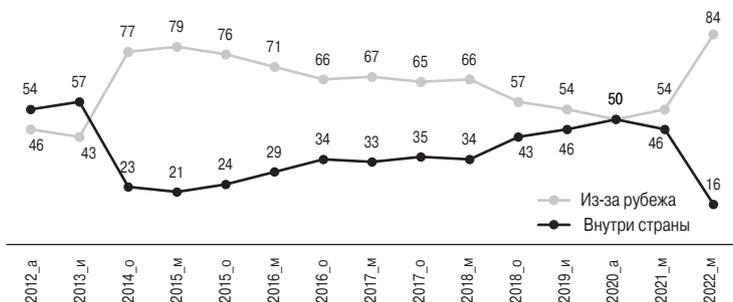

Рисунок 1.3. **Динамика оценок россиянами источников основных угроз для России, 2012–2022 гг., %**

за рубежом, а военная спецоперация на Украине, начатая в конце февраля 2022 г., и новый виток «войны санкций» способствовали повторению эффекта «Крымской весны» 2014 г. В результате весной 2022 г. вновь фиксировалось сильное превышение сторонников мнения о первичности внешних угроз (84%) над сторонниками противоположной точки зрения (16%), причем даже несколько большее, чем в 2014 г.

Подобное «сплочение вокруг флага» является нормальной реакцией граждан любой страны на чрезвычайную ситуацию, связанную с внешнеполитическими факторами⁴. Хорошо видимое на графике сходство траекторий изменений оценок в 2012–2014 и 2019–2022 гг. позволяет предположить, что начался новый цикл эволюции восприятия россиянами источников угроз националь-

⁴ Данное явление исследуется зарубежными обществоведами с 1970-х гг., но в поле зрения российских ученых оно попало лишь в последние годы: *Baker W.D., Oneal J.R. Patriotism or opinion leadership? The nature and origins of the «rally round the flag» effect // Journal of conflict resolution. 2001. Vol. 45. No. 5. P. 661–687; Казун А.Д. Эффект “rally around the flag”. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136–146. Поскольку проявление данного эффекта в 2022 г. было более сильным, чем при схожих ситуациях в 2008 г. (российско-грузинский конфликт) и 2014 г. («Крымская весна»), данное понятие быстро вошло в актуальный лексикон российских обществоведов: «Как ранее пояснял гендиректор ВЦИОМ Валерий Федоров, в условиях спецоперации на Украине... “происходит так называемое объединение вокруг флага. Когда страна вступает в вооруженный конфликт, рейтинги правящих сил всегда растут. То же самое было и в 2014 г.»» (ФОМ сообщил о росте доверия россиян к Путину до 79% // Ведомости. 22 апреля 2022 г. (<https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/04/22/919329-o-roste-doveriya-putinu>).*

ному развитию. От исхода событий вокруг Украины зависит, насколько этот цикл будет отличаться от предыдущего.

Мнения об основных источниках угроз дифференцированы по социально-демографическим группам. Так, в 2020 г. менее всего были склонны списывать возникающие в стране проблемы на внешние обстоятельства молодые люди (52% российской молодежи в возрасте до 25 лет видели источник угроз внутри страны), а также жители Москвы и Санкт-Петербурга (60%). Признание представителями указанных групп первичности внутреннего источника угроз выступало тогда показателем роста определенных ожиданий от действий правительства. В то же время среди людей с плохим (по их самооценке) материальным положением 53% усматривали основной источник угроз внутри страны. Напротив, в 2020 г. жители ПГТ и сел, как и россияне старше 66 лет (42% и 45% соответственно), реже иных видели приоритетные угрозы внутри страны. В 2022 г. эта дифференциация практически исчезла: подавляющее большинство опрошенных во *всех* группах усматривало основные источники угроз за пределами России (табл. 1.9). Теперь тип поселения влиял на взгляды об основном источнике угроз гораздо меньше, хотя по-прежнему в крупных городах (столицах и центрах субъектов РФ) мнение о первичности внутренних угроз встречалось несколько чаще (на 3–4%), чем у жителей райцентров, ПГТ и сел. Однако эти и другие различия наблюдались на фоне абсолютного доминирования среди всех групп россиян мнения, что основные источники угроз находятся за рубежом. Даже в группе молодежи до 25 лет данную точку зрения разделяли весной 2022 г. 75%.

Если представители различных социально-демографических групп опрошенных не демонстрируют значимых различий в оценках источников угроз, то дифференциация россиян на «спокойных» / «тревожащихся» / «катастрофистов» их выявляет. При этом во всех трех группах все же преобладает мнение о доминировании внешнего источника угроз. Однако если среди «спокойных» оно доминирует с абсолютным перевесом, в пропорции 90:10, то среди «катастрофистов» его главенство выражено слабее – 59:41.

Анализ ответов россиян на вопрос, как различные конкретные события февраля-марта 2022 г. повлияли на них лично (табл. 1.10), позволяет уточнить, на основе чего во всех социальных группах наших сограждан значимо доминирует точка зрения, согласно которой основные угрозы концентрируются сегодня за рубежом, а не внутри страны. Однозначно отрицательно оцениваемые собы-

Таблица 1.9

Динамика оценок разными социально-демографическими группами источников основных угроз для России, 2020/2022 гг., %

Группы		Источник основных угроз находится за рубежом		Источник основных угроз находится внутри страны	
		2020	2022	2020	2022
Возрастные	До 25 лет	48	75	52	25
	26–35 лет	50	83	50	17
	36–45 лет	54	86	46	14
	46–55 лет	47	86	53	14
	56–65 лет	53	85	47	15
	66 лет и старше	55	88	45	12
Поселенческие	Москва, Санкт-Петербург	40	83	60	17
	Центры субъектов РФ	46	82	54	18
	Районные центры	50	86	50	14
	ПГТ и села	58	86	42	14
По самооценкам материального положения	Хорошее	51	82	49	18
	Удовлетворительное	52	87	48	13
	Плохое	47	79	53	21
По отношению к ситуации в стране	Спокойные	69	90	31	10
	Тревожащиеся	44	84	56	16
	Катастрофисты	30	59	70	41
По массиву в целом		50	84	50	16

тия – антироссийские санкции со стороны «западных стран» и рост курсов валют как прямое следствие таковых. Противоречиво оцениваемые события – действия российского правительства, то есть проведение военной спецоперации на Украине и контрсанкции против стран Запада.

Переходя к анализу оценок россиянами событий, ожидаемых в будущем, следует подчеркнуть высокую степень зависимости образа будущего от восприятия настоящего, линейную экстраполяцию на будущее существующих тенденций. Следовательно, при изучении мнений наших сограждан о возможных в ближайшей перспективе внутренних и международных событиях необходимо опираться на результаты анализа их восприятия текущей ситуации.

При оценке перспектив развития России в ближайший год подавляющее большинство (76%) россиян в марте 2022 г. счита-

Таблица 1.10

**Оценки россиянами влияния на них лично событий
конца февраля – начала марта 2022 г., 2022 г., %**

События	Оказали положительное влияние	Оказали отчасти положительное, отчасти отрицательное влияние	Оказали отрицательное влияние	Не оказали никакого особого влияния
<i>Оказавшие отрицательное влияние более чем на 50% респондентов и положительное менее чем на 3% респондентов</i>				
Рост курса доллара и евро	2	14	58	26
Введение западными странами новых санкций против России	2	24	51	23
<i>Оказавшие отрицательное влияние менее чем на 30% респондентов и положительное более чем на 15% респондентов</i>				
Признание независимости ДНР и ЛНР и проведение военной спецоперации для защиты их населения	19	29	26	26
Ответные санкции России	17	22	18	43

ло, что «страну ждут трудные времена». Это – самая большая за последнее десятилетие доля пессимистичных оценок ближайшего будущего. Однако хотя данный показатель на 30% превышал показатель предыдущего года, он был лишь на 17% выше прежнего пикового значения марта 2015 г. (рис. 1.4).

Поскольку с 2014 г. Россия почти непрерывно (за исключением 2017–2019 гг.) находилась в состоянии социально-экономического кризиса, оптимистический прогноз «страна будет развиваться успешно» давали за эти годы не более трети опрошенных: в 2022 г., как и в два предшествующих года, – лишь 14%. Довольно редко, лишь в 10% случаев, весной 2022 г. высказывалось мнение «ничего принципиально не изменится», хотя ранее его выражали от 22% до 40% россиян.

Выявленная структура мнений означает, что сложившуюся в начале весны 2022 г. ситуацию мало кто рассматривал как нижнюю точку падения и более $\frac{3}{4}$ наших сограждан ждали дальнейшей эскалации негативных изменений. Как известно, подобные ожидания часто становятся самосбывающимся прогнозом.

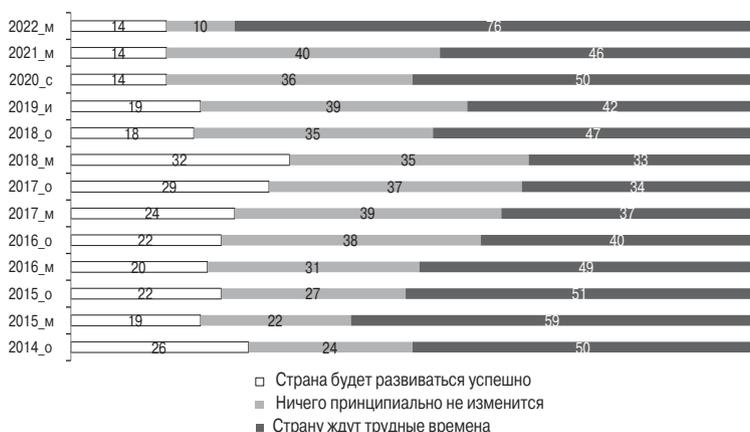

Рисунок 1.4. **Динамика оценок россиянами перспектив развития России в ближайшем будущем, 2014–2022 гг., %**

Анализ сформировавшегося к весне 2022 г. мнения различных групп опрошенных о ближайших перспективах развития страны (табл. 1.11) акцентирует внимание на пессимизме плохо материально обеспеченных и оптимизме финансово благополучных россиян. Среди первых лишь 7% были убеждены, что в ближайший год страна будет развиваться успешно, а 85% полагали, что дальше будет только хуже. Среди вторых почти $\frac{2}{3}$ оценивали перспективы развития страны как «трудные времена», однако доля верящих в лучшее повышалась среди них до $\frac{1}{4}$. Вновь, как и при анализе мнений о текущей ситуации, очевидно, что люди оценивают окружающий мир в значительной степени сквозь призму личного успеха, поэтому преуспевающие меньше боятся любых, уже свершившихся и только ожидаемых, невзгод. Но корректирующую роль подобной «призмы» не стоит преувеличивать: хотя среди материально благополучных россиян на 21% меньше, чем среди россиян с плохим материальным положением, прогнозирующих трудные времена, но в обеих группах последние составляли подавляющее большинство.

В 2020 г. жители Москвы и Санкт-Петербурга были настроены в отношении ближайших перспектив России наиболее пессимистично, а жители ПГТ и сел, напротив, оптимистично: 59% первых прогнозировали трудные времена, поскольку именно в крупнейших мегаполисах влияние пандемии проявило себя сильнее всего (среди сельчан таких оказалось менее половины – 47%). В 2022 г. различия между поселенческими группами нивелировались: во

Таблица 1.11

Динамика оценок разными группами россиян перспектив развития России в ближайшем будущем, 2020/2022 гг., %

Группы		Страна будет развиваться успешно		Ничего принципиально не изменится		Страну ждут трудные времена	
		2020	2022	2020	2022	2020	2022
Возрастные	До 25 лет	13	18	37	7	50	75
	26–35 лет	13	13	39	10	48	77
	36–45 лет	15	12	34	9	51	79
	46–55 лет	15	12	33	9	52	79
	56–65 лет	12	15	37	7	51	78
	66 и старше	18	13	32	12	50	75
Поселенческие	Москва, Санкт-Петербург	10	13	31	7	59	80
	Центры субъектов РФ	16	14	35	8	49	78
	Другие города	15	12	34	10	51	78
	ПГТ и села	14	14	39	11	47	75
По самооценкам материального положения	Хорошее	27	25	39	10	34	65
	Удовлетворительное	16	13	38	10	46	77
	Плохое	5	7	29	8	66	85
По отношению к ситуации в стране	Спокойные	31	26	45	14	24	60
	Тревожащиеся	7	7	32	7	61	86
	Катастрофисты	1	3	19	6	80	91
По массиву в целом		14	14	36	9	50	77

всех типах поселений 75–78% жителей ожидали трудности, тогда как доля надеявшихся на успешное развитие событий варьировалась в узком интервале 12–14%. Что же касается дифференциации по возрастным группам, то как на старте коронакризиса, так и в начальный период проведения военной спецоперации на Украине, возраст практически не влиял на оценку ближайших перспектив развития страны. Почти во всех возрастных группах значительно преобладало предвидение грядущих проблем (более 70%), а мнение о «светлом завтра» высказывали лишь 12–18%.

Как и в предыдущих случаях, дифференциация мнений российских граждан по критерию их отношения к ситуации в стране оказывается гораздо более выраженной, чем по социально-демографическим критериям. Так, среди «катастрофистов» почти все (91%) были уверены, что Россию ждут трудные времена, в то

время как среди «спокойных» данное мнение также доминировало, но с относительно меньшим перевесом (60%). При этом по долям считающих, что страна будет развиваться успешно, между ними наблюдалась почти 9-кратная разница (3% против 26% соответственно), не приводящая, правда, к качественным различиям между указанными группами.

Чтобы понять, что россияне понимают под «трудными временами», следует проанализировать, как часто они обеспокоены различными конкретными событиями и процессами из числа гипотетически возможных внутри России (табл. 1.12) и за рубежом (табл. 1.13). Заметно, что «некоторое беспокойство» наши сограждане испытывали (причем примерно одинаково часто, в интервале 40–60%) в отношении практически всего перечисленного в таблице 1.12. При этом в иерархии их устойчивых страхов наблюдаются примечательные закономерности.

Таблица 1.12

Обеспокоенность россиян вероятностью возникновения в России различных негативных событий и процессов, 2022 г., %

События и процессы	Не беспокоят	Вызывают некоторое беспокойство	Вызывают постоянный страх
<i>Вызывают страх у 40–50% опрошенных</i>			
Дефицит продуктов питания, рост цен на них	6	47	47
Гражданская война, революция, политические беспорядки	13	45	42
Резкий рост безработицы	10	49	41
Дальнейшая деградация системы медицинского обслуживания	9	51	40
<i>Вызывают страх у 25–39% опрошенных</i>			
Дальнейшее снижение уровня жизни значительной части населения	7	62	31
Моральная и культурная деградация значительных слоев населения	17	56	27
Затяжное снижение цен на нефть, дальнейшее снижение курса рубля	16	57	27
Резкий рост уличной преступности	19	55	26
<i>Вызывают страх у 15–24% опрошенных</i>			
Усиление санкций Запада из-за проведения военной спецоперации по защите ДНР и ЛНР	21	57	22
Ограничение прав и свобод граждан, установление авторитарного режима	27	52	21

Таблица 1.12 (окончание)

События и процессы	Не беспокоят	Вызывают некоторое беспокойство	Вызывают постоянный страх
Сокращение рождаемости, вымирание населения страны	25	55	20
Разорение малого и среднего бизнеса в стране	26	55	19
Рост недоверия и подозрительности между людьми	29	53	18
Межэтнические и межконфессиональные конфликты	30	54	16
<i>Вызывают страх менее чем у 15% опрошенных</i>			
Рост недоверия граждан к власти	37	49	14
Сепаратизм регионов, ослабление федерального центра	44	48	8
Раскол правящей элиты	65	32	3

Таблица 1.13

Обеспокоенность россиян возможностью различных негативных событий и процессов в мире, 2022 г., %

События и процессы	Не беспокоят	Вызывают некоторое беспокойство	Вызывают постоянный страх
<i>Вызывают страх у 40–50%</i>			
Дальнейшее обострение вооруженного конфликта на Украине	7	46	47
<i>Вызывают страх у 25–39%</i>			
«Втягивание» России в новые военные конфликты	8	59	33
<i>Вызывают страх у 15–24%</i>			
Дальнейшее ухудшение отношений России и США	21	55	24
Углубление мирового экономического кризиса	17	60	23
Усиление влияния США на мировой арене	27	51	22
Появление и распространение новых разновидностей коронавируса	29	50	21
Дальнейшее ухудшение отношений России и стран Европейского союза	24	57	19
<i>Вызывают страх менее чем у 15%</i>			
Усиление экономического и политического влияния Китая	41	48	11
Запрет для рядовых россиян на посещение ряда зарубежных стран	61	31	8

Первая из них — асимметрия важности экономических и политических проблем. Как многократно указывалось, россияне постоянно и систематически полагают *экономические* проблемы более важными, чем *политические*. Из таблицы 1.12 видно, что последние сосредоточены в основном в нижней части рейтинга. К наиболее опасным из них, вызывающим страх у более чем $\frac{1}{4}$ россиян, относятся только «гражданская война, революция, политические беспорядки». Основные же опасения вызывают экономические проблемы — дефицит продуктов и инфляция (47%), безработица (41%), снижение уровня жизни (32%), обесценивание рубля (27%) и т.д.

Вторая закономерность относится к внешним угрозам (табл. 1.13) и вынуждает уточнить сделанный ранее вывод, согласно которому под влиянием событий на Украине весной 2022 г. большинство россиян (84%) разделяет точку зрения о преимущественном значении внешних, а не внутренних угроз. Парадоксально, но основной массой событий и процессов, связанных с внешними угрозами, наши сограждане обеспокоены меньше, нежели внутрироссийскими событиями и явлениями. Действительно, если в таблице 1.12, отражающей внутренние угрозы, выделяются 8 угроз, которых боятся более четверти россиян, то в таблице 1.13 с приведенными в ней внешними угрозами, таковых лишь две — обострение конфликта на Украине и втягивание России в новые конфликты. В обоих случаях речь идет об угрозах военных конфликтов, заведомо имеющих крайне тяжелые последствия. Разумеется, некоторые внутрироссийские события, вызывающие особый страх (дефицит продуктов, политические беспорядки, снижение курса рубля...), могут в конечном счете быть следствием внешнего давления. Однако, несомненно, что по поводу сугубо внешних угроз (ухудшение отношений России и США, России и стран Евросоюза) весной 2022 г. испытывали беспокойство лишь относительно немногие россияне (24% и 19% соответственно).

Таким образом, ответы россиян о конкретном предмете их страхов демонстрируют парадокс: почти тотально соглашаясь с тем, что главные опасности грозят России из-за рубежа, наши сограждане чаще опасаются угроз, опосредованных внутренними причинами (рост инфляции и безработицы, деградация медобслуживания, моральная и культурная деградация, рост преступности). Вывод о противоречивости понимания россиянами первичности внутренних/внешних угроз подтверждается и тем, что на вопрос «Какие задачи Россия должна решать в первую очередь?» они чаще всего называют борьбу с коррупцией (42%), формиро-

вание эффективной экономики (36%), смягчение социальных неравенств (35%) и иные внутренние проблемы, в то время как «снижение санкционного давления стран Запада на Россию» (13%) оказывается в конце иерархии задач.

При обсуждении ближайшего будущего России следует вспомнить справедливое замечание президента РФ В.В. Путина на Валдайском форуме в октябре 2021 г.⁵ о том, что кризис порождает не только новые опасности, но и новые возможности. В связи с этим в общественном и научном дискурсах давно обращается внимание на неоднозначность последствий антироссийских санкций, которые не только угнетают нашу экономику, но и ускоряют формирование технологической независимости⁶. Диалектика ожидаемых потерь и выгод оказалась частично воспринята и массовым сознанием россиян. При оценке последствий новой гиперволны антироссийских санкций только 26% опрошенных усматривали в них весной 2022 г. лишь негатив, требующий реализации всех возможных мер для их снятия. Самой распространенной являлись позиция признания «серьезного негативного влияния» санкций, которое всё же вполне можно вытерпеть (47%). Наиболее оптимистична была позиция тех 28% наших сограждан, по мнению которых санкции «не окажут существенного негативного влияния, а в чем-то даже принесут пользу», стимулируя российское производство.

При интерпретации оценок россиянами последствий антироссийских санкций со стороны стран Запада следует иметь в виду, что речь идет не об экспертных оценках, но о согласии граждан с проправительственным дискурсом. Это заметно по сопоставлению мнений об ожидаемых последствиях западных санкций в контексте дифференциации россиян по оценке текущей ситуации в стране (табл. 1.14).

В завершении главы подчеркнем: хотя к марту 2022 г. у россиян уже имелся успешный в целом опыт переживания в 2014–2016 гг. последствий «Крымской весны», не только аналитики, но и большинство граждан осознавали, что новая волна российско-украинского конфликта будет заметно ожесточеннее предыдущей. Кроме того, хотя нарастание противостояния России и Украины происходило давно, события конца февраля – начала марта 2022 г. стали неожиданностью почти для всех в мире, включая россиян.

⁵ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 г. (<http://kremlin.ru/events/president/news/66975>).

⁶ См., например: *Нуреев Р.М., Петраков П.К.* Экономические санкции против России: ожидания и реальность // Мир новой экономики. 2016. № 3. С. 14–31.

Таблица 1.14

Взаимосвязь между оценками россиянами текущей ситуации в стране и их отношением к новым антироссийским санкциям, 2022 г., %

Отношение к санкциям	Отношение к ситуации в стране			По массиву в целом
	Спокойные	Тревожающиеся	Катастрофисты	
Они не окажут существенного негативного влияния, а в чем-то даже принесут пользу, так как будут способствовать развитию отечественного производства	43	20	11	27
Они оказывают и будут оказывать серьезное негативное влияние на Россию, но мы сможем их вытерпеть	46	50	27	47
Санкции приведут к крайне негативным последствиям для России, необходимо предпринять все возможные меры для их снятия	11	30	62	26

Результаты опроса в марте 2022 г. интересны именно тем, что они зафиксировали уникальную ситуацию переживания экстраординарного шока, которая длилась не более месяца. Этот короткий период стал своего рода «моментом истины», выявив возможности россиян противостоять ухудшению ситуации «на излом». Ведь сначала, в январе–феврале, свертывание ковид-пандемии обозначило «свет в конце тоннеля», но практически сразу после этого вследствие начала СВО и антироссийских гиперсанкций обозначилась перспектива новых не менее серьезных проблем.

В этих условиях различия мнений россиян значительно снизились, нивелировавшись в сторону поддержки своего правительства. Сам этот эффект был вполне ожидаем и предсказуем, но зафиксированная сила его действия выглядит неожиданно высокой. Поскольку в ходе предыдущих опросов доля россиян с критическими по отношению к существующему режиму настроениями устойчиво составляла порядка 15–20%, то очень низкая доля «катастрофистов» (лишь 6%) означает, что даже эти недовольные в большинстве своем не стали в трудной ситуации предаваться панике, «раскачивая лодку». «Катастрофизм» вообще оказался сильнее связан с тяжелыми личными обстоятельствами, чем с оппозиционными взглядами, поскольку во время любого кризиса под удар попадают и вполне лояльные граждане.

Глава 2

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ДО И ПОСЛЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Специальная военная операция России на Украине и гиперсанкции Запада, обусловленные ее началом, существенно изменили жизнь российского общества. Изменилась не только политическая обстановка, но и привычный для многих образ жизни и потребления. Всё это сопровождалось всплеском разнообразных суждений и оценок как в медийном пространстве, так и в обыденной жизни. Однако судить о массовом сознании россиян только по ним нельзя, так как многие из них имеют ситуативный, а зачастую сиюминутный характер и, следовательно, могут отражать действительность искаженно. Для понимания механизмов формирования массовых умонастроений необходимо изучение их глубинного источника, который во многом формирует вектор поведения населения страны. Речь идет о социально-психологическом состоянии российского общества — одной из ключевых его характеристик, дающих представление об истинном и комплексном восприятии россиянами происходящего.

Социально-психологическое состояние общества — совокупность различных настроений и чувств его представителей, которые зависят от повестки дня, текущей социально-политической и экономической ситуации, исторического и культурного опыта, равно как и от самых разных индивидуальных их характеристик. При этом настроения человека по своей природе не привязаны жестко к чему-то конкретному и формируются его жизненной ситуацией в целом. Вследствие устойчивости и продолжительности, их значимость для общества состоит в способности влиять на жизнь и поведение людей. Такое же влияние оказывают и чувства, которые всегда возникают по конкретному поводу. В целом эти психологические характеристики формируют общий фон восприятия действительности, ее интерпретацию, а также влияют во многом на наши суждения и оценки, а в конечном итоге — на принятие

решений. Некоторые из них помогают двигаться вперед, преодолевать трудности, другие же, наоборот, мешают. Таким образом, их совокупность – один из важнейших элементов массового сознания.

Важность данного аспекта общественной жизни отражается в большом количестве соответствующих одномерных шкал, а также индексов, применяющихся в регулярных крупномасштабных исследованиях. При этом ключевыми понятиями, как правило, становятся такие как счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие/благосостояние. Так, одномерные шкалы анализируются в рамках «Всемирного исследования ценностей» (*World Values Survey*), «Европейского исследования ценностей» (*European Values Study*), «Европейского социального исследования» (*European Social Survey*) и «Евробарометра» (*Eurobarometer*). Многие другие проекты изучают общество с помощью индексов, неотъемлемой частью которых являются социально-психологические характеристики людей. К таким исследованиям относятся, например: «Международный индекс счастья» (*Happy Planet Index*), «Индекс лучшей жизни» (*OECD Better Life Index*), «Индекс процветания» (*Legatum Prosperity Index*), «Индекс глобального благополучия» (*Gallup-Healthways Global Well-Being Index*), «Всемирный доклад о счастье» (*World Happiness Report*)¹. Наконец, следует отметить, что оценки социально-психологического состояния общества как дополнения к традиционным экономическим показателям качества жизни уже активно используются в официальных статистических данных ряда стран. Например, в Бутане для оценки развития вместо ВВП и ВНП предпочитают «Индекс валового национального счастья» (GNH)². В Новой Зеландии по программе официальной социальной статистики проводится «Общее соци-

¹ Более подробно о некоторых этих исследованиях см.: Латова Н.В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. No. 3. С. 16–37; Смолева Е.О. Счастье и деньги: материальные аспекты субъективного благополучия // Проблемы развития территории. 2020. No 3 (107). С. 144–166.

² *Poltzer M.* Q&A: Is «gross national happiness» the key to Bhutan escaping the pandemic? [Электронный ресурс] // Devex. URL: <https://www.devex.com/news/q-a-is-gross-national-happiness-the-key-to-bhutan-escaping-the-pandemic-97743> (дата обращения: 19.09.2022); A Compass Towards a Just and Harmonious Society 2015 GNH Survey Report. Centre for Bhutan Studies & GNH Research, 2016. [Электронный ресурс] // Centre for Bhutan & GNH Studies. URL: <https://www.bhutanstudies.org.bt/publicationFiles/2015-Survey-Results.pdf> (дата обращения: 19.09.2022).

альное исследование» (*General Social Survey*)³, а их Министерство финансов делает акцент на изучении субъективного благополучия при анализе успеха государственной политики⁴. И это далеко не полный перечень тех инициатив, которые сейчас развиваются за рубежом как на официальном уровне, так и на уровне отдельных проектов и исследователей⁵.

Российские ученые никогда не оставались в стороне от общемировой тенденции уделять особое внимание психологическим характеристикам населения страны. Однако, основываясь на данных анализа экономической академической литературы, проведенного по базе данных Web of Science канадским ученым К. Барингтон-Ли, можно сделать вывод, что после авангардного рывка в российских исследованиях такого рода (примерно в 1980-е гг.) в дальнейшем отечественные исследователи отдали пальму первенства представителям других стран⁶. Тем не менее крупных исследований социально-психологического состояния массового сознания россиян отнюдь не мало. Во-первых, российские ученые являются партнерами ряда крупных международных исследований, названных выше, а во-вторых, развивают и собственные направления исследований. Как правило, эти исследования проводятся «на стыке» психологии и социологии. Наиболее активно в этом направлении работают Т. Нестик⁷, А. Юревич⁸,

³ General Social Survey (GSS) [Электронный ресурс] // Stats NZ dataInfo+. URL: <https://datainfoplus.stats.govt.nz/Item/nz.govt.stats/2ed50ad6-8ab8-47df-883d-210a51b50043> (дата обращения: 20.09.2022).

⁴ *McLiesh C.* Wellbeing in Aotearoa New Zealand 2022: Work towards Te Tai Waiora (the Wellbeing Report) [Электронный ресурс] // The Treasury. URL: <https://www.treasury.govt.nz/sites/default/files/2022-04/sp-wellbeing-aotearoa-new-zealand-12apr22.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

⁵ *Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., De Neve J.-E., Aknin L.B., Wang S.* (Eds.) World Happiness Report 2022. New York: Sustainable Development Solutions Network. 2022. [Электронный ресурс] // World Happiness Report. URL: <https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2022/WHR+22.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

⁶ *Barrington-Leigh C.P.* Appendix 3. World Happiness Report 2022 i.e., Supplemental material for: Chapter 3, Trends in conceptions of progress and wellbeing. [Электронный ресурс] // Chris Barrington-Leigh. URL: <https://wellbeing.research.mcgill.ca/publications/Barrington-Leigh-WHR2022-Chapter3-supplementary-material.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

⁷ *Нестик Т.А., Селезнева А.В., Шестопал Е.Б., Юревич А.В.* Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 3–14.

⁸ *Юревич А.В., Юревич М.А.* Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного

Е. Шестопа⁹ и Н. Латова¹⁰. Психологические характеристики массового сознания не входят в официальную российскую статистику, тем не менее, все крупные социологические центры ведут по ним регулярные мониторинги¹¹. Таким образом, в российской науке данное направление исследований постепенно набирает свою популярность, а сама тема становится актуальной для любого крупномасштабного проекта по изучению общественного сознания.

Длительный период ежегодных мониторингов ИС ФНИСЦ РАН показал, что в целом социально-психологическое состояние россиян — довольно стабильный показатель, демонстрирующий значимые колебания только в период чрезвычайных ситуаций. Кризисы происходили в стране за последние 20 лет регулярно, большинство из них было связано с экономическими факторами. Общее изменение конфигурации кризисов произошло относительно недавно, в период Крымской весны. Тем более важно сравнить массовое сознание весной 2022 г. и осенью 2014 г. Обе ситуации близки по контексту внешнеполитических событий и по их влиянию на экономическое положение граждан страны. Однако начало событий 2022 г. не сопровождалось таким сильным эмоциональным подъемом, как это было во времена возникновения неологизма «Крымнаш», хотя все произошедшее затронуло значительно более широкие массы граждан страны. К тому же у событий 2014 и 2022 гг. разные стартовые позиции: в первом случае кризис произошел на фоне относительно благополучных предыдущих лет, а во втором стал продолжением двух лет жизни в условиях регулярных волн коронавируса и восьми лет падения реальных дохо-

российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 21–41; Юревич А. В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.

⁹ Шестопа Е. Б. Влияние психологического состояния российского общества на публичную политику // Политическая наука. 2022. № 3. С. 181–202.

¹⁰ Латова Н. В. Специфика социальных чувств, общественных настроений и духовной атмосферы в стране после года пандемии // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2021. № 2. С. 33–46.

¹¹ Социальные настроения: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-nastroeniya-monitoring> (дата обращения: 20.09.2022); Социальные настроения. Осень 2022 [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14774> (дата обращения: 20.09.2022); Оценки социального самочувствия // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2022/05/18/otsenki-sotsialnogo-samochuvstviya/> (дата обращения: 20.09.2022).

дов. Таким образом, анализ психологического состояния россиян в марте 2022 г., перспективный сам по себе с точки зрения ожидаемых результатов, становится еще интереснее при сравнении полученных данных с аналогичными показателями 2014 г. и данными периода острой фазы коронакризиса в 2020–2021 гг.

Следует оговорить, что психологическое состояние общества можно попытаться определить разными способами. Один из них – посредством его оценок самими гражданами страны. Это наиболее простой способ, но и наименее надежный, так как людям трудно оценивать совокупность чувств и настроений ненаблюдаемого ими подавляющего большинства общества. Однако этот способ позволяет легко определить значимые внешние факторы, формирующие оценку опрошенных. Другой способ более трудоемкий – определить психологическое состояние общества через совокупность социально-психологических характеристик респондентов, т.е. с помощью оценки ими своих настроений и чувств. Правда, в данном случае необходимо рассматривать широкий спектр психологических характеристик, что, как правило, становится серьезной проблемой в ситуации проведения многозадачного исследования, в котором невозможно уделять много места какому-то одному аспекту анализа. Поэтому сделанные таким образом выводы будут, скорее всего, носить очень общий характер. Впрочем, комплексное использование обоих этих подходов отчасти нивелирует отрицательные стороны каждого из них. Именно таким образом и были построены настоящие мониторинговые исследования.

Итак, первоначально определим психологическое состояние российского общества посредством оценок самих россиян как внешних субъектов. Для упрощения понимания сути того явления, которое оценивали респонденты, использовалось понятие «духовно-психологическая атмосфера». Чтобы данное понятие не путали с нравственностью/моралью и не ограничивали его лишь культурными проявлениями массового сознания, в анкете добавлялось пояснение, что речь идет об оценке общей ситуации с настроениями и чувствами, доминирующими в обществе.

На протяжении 2020–2022 гг. чаще всего россияне оценивали атмосферу, царящую в российском обществе, как неопределенную, противоречивую, и выбирали среднюю позицию при ответе (табл. 2.1). В целом такого рода выбор можно приравнять к варианту «затрудняюсь ответить»; сам по себе он свидетельствует, скорее, не столько о состоянии духовно-психологической атмосферы, сколько об отсутствии уверенности в правильности своей

интерпретации этого состояния. Следует обратить внимание, что в случае со страной в целом такого рода неопределенность оценок наблюдалась еще с начала коронакризиса. По сути, новые социально-политические изменения не сильно сказались на увеличении доли затрудняющихся точно определить качество духовно-психологической атмосферы российского общества. Однако оценки атмосферы в месте проживания изменились существенно. Хотя и в этом аспекте не определившихся с оценкой духовно-психологической атмосферы в 2020 г. тоже было много (более 40%), тем не менее, к марту 2022 г. прирост по данной позиции составил 10%.

Таблица 2.1

Динамика оценок населением состояния духовно-психологической атмосферы в российском обществе, 2020–2022 гг., %

Состояние духовно-психологической атмосферы	В стране в целом			В месте проживания		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
<i>Отсутствие четкой интерпретации</i>						
Неопределенная, противоречивая, вызывающая смешанные чувства	54	52	59	46	43	56
<i>Наличие четкой интерпретации</i>						
В целом благоприятная	21	24	12	36	42	28
В целом неблагоприятная	25	24	29	18	15	16

Общее ухудшение социально-психологического состояния общества наблюдается и в отношении определившихся с его качественной оценкой. В 2020 и 2021 гг. доли благоприятных и неблагоприятных оценок на уровне страны примерно совпадали, а для места проживания благоприятная оценка перевешивала в 2–2,8 раза. События 2022 г. нарушили выявленные соотношения: сами по себе неблагоприятные оценки подросли не сильно, однако резко сократился оптимистический настрой. Доля оценивающих духовно-психологическую атмосферу в стране в целом как благоприятную сократилась почти вдвое. Что касается оценок, относящихся к месту проживания, то и здесь произошло сокращение оптимистов. Однако их превалирование над пессимистами составляет меньшую величину – 1,7 раза.

Таким образом, новая реальность (специальная военная операция, гиперсанкции и т.д.) имела более значимые последствия для социально-психологического состояния россиян, чем даже

жизненно опасная пандемия коронавируса. При этом более половины населения страны не могли определиться с оценкой духовно-психологической атмосферы в ней, а среди тех, кто такую оценку все же дал, фиксировалась незначительная доля оптимистов, особенно если речь шла о стране в целом.

Кто же те оптимисты, которые воспринимали весной 2022 г. социально-психологическое состояние страны в целом как благоприятное? На общероссийском фоне характеристики данной группы (табл. 2.2) отличаются по более чем 20 показателям. Ключевые (опосредующие максимальные различия) среди них — это оценки возможности выражать свои политические взгляды (среди оптимистов 44% оценивают их как хорошие, по населению в целом — лишь 19%), положения в обществе (высокий личный статус отмечают 53% оптимистов, среди россиян в целом — 33%), оценки жизни как таковой (45% против 25% соответственно) и перспектив изменения собственного материального положения (его ухудшения ожидают 25% оптимистов против 54% по массиву в целом). Кроме этих характеристик значительные различия наблюдаются по оценкам ситуации на работе, возможности реализовать себя в профессии, социальной защищенности в случае утраты рабочего места, возможности получить качественную медицинскую помощь, возможностям проведения досуга и отдыха в период отпуска, а также уровня личной безопасности. В целом они связаны со стабильностью положения не только в текущий период, но и в будущем. Все эти характеристики являются субъективными, т.е. это — самооценки, в то время как объективные характеристики респондентов (возраст, тип поселения, среднедушевой заработок на основной работе относительно поселенческой медианы и др.) не задают каких-либо существенных различий.

Что же касается пессимистов (группы, характеризующей духовную атмосферу в стране как неблагоприятную), то они выделяются на общем фоне тем, что чаще отмечают плохие перспективы собственного материального положения в будущем, а также чаще говорят о социальной защищенности в случае потери работы и недостаточных возможностях получения качественной медицинской помощи и выражения своих политических взглядов (табл. 2.3). Иначе оценивают они и перспективы личного материального положения (72% пессимистов ожидают его ухудшения, в то время как среди россиян в целом таковых 54%).

Таким образом, в среде воспринимающих атмосферу в обществе позитивно фиксируется наличие субъективной удовлетворенности

Таблица 2.2

Самооценки россиянами с оптимистическим восприятием состояния духовно-психологической атмосферы в стране различных аспектов своей жизни, 2020 / 2022 гг., %*

Сферы жизни	2020				2022			
	Оценка «хорошо»		Оценка «плохо»		Оценка «хорошо»		Оценка «плохо»	
	Оптимисты	По массиву в целом	Оптимисты	По массиву в целом	Оптимисты	По массиву в целом	Оптимисты	По массиву в целом
Материальное положение	18	10	14	28	25	14	8	22
Перспективы материального положения	38	24	12	33	25	12	25	54
Питание	43	32	3	7	47	34	3	5
Одежда	37	26	3	11	37	27	5	8
Здоровье	37	25	7	15	38	28	8	13
Жилищные условия	48	37	6	9	51	45	4	7
Отношения в семье	61	55	3	5	71	60	1	4
Возможности проведения досуга	39	26	8	21	43	27	9	18
Ситуация на работе**	37	26	7	14	47	30	11	16
Возможность отдыха в период отпуска	30	17	18	35	28	18	16	31
Возможность общения с друзьями	64	49	3	7	60	49	5	7
Возможность реализовать себя в профессии**	46	29	8	16	48	32	6	15
Возможность получения необходимого образования и знаний	38	25	11	19	39	25	9	19
Место проживания (город, поселок, село)	56	40	3	9	57	43	2	6
Положение, статус в обществе	42	27	4	10	53	32	2	7
Уровень личной безопасности	47	30	3	9	50	32	3	8
Экологическая ситуация в месте проживания	41	25	11	22	41	30	6	15
Возможность выражать свои политические взгляды	36	17	6	22	44	19	7	22
Возможность получить качественную медицинскую помощь, в том числе платную	26	14	21	38	29	13	18	35
Уровень социальной защищенности в случае потери работы**	20	8	29	50	25	9	25	47
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	—	—	—	—	53	41	3	5
Жизнь в целом складывается	42	23	2	10	45	25	2	6

Примечания. * Россияне, оценившие соответствующие аспекты своей жизни как удовлетворительные, в таблицах 2.2 и 2.3 не представлены.

** В таблицах 2.2, 2.3 и 2.5 данные по позициям, отмеченным звездочками, приведены от работающих.

Таблица 2.3

Самооценки россиянами с пессимистическим восприятием состояния духовно-психологической атмосферы в стране различных аспектов своей жизни, 2020 / 2022 гг., %

Сферы жизни	2020				2022			
	Оценка «хорошо»		Оценка «плохо»		Оценка «хорошо»		Оценка «плохо»	
	Пессимисты	По массиву в целом	Пессимисты	По массиву в целом	Пессимисты	По массиву в целом	Пессимисты	По массиву в целом
Материальное положение	5	10	44	28	9	14	34	22
Перспективы материального положения	9	24	61	33	6	12	72	54
Питание	20	32	14	7	25	34	10	5
Одежда	15	26	23	11	20	27	14	8
Здоровье	16	25	20	15	24	28	19	13
Жилищные условия	29	37	13	9	38	45	11	7
Отношения в семье	49	55	10	5	50	60	7	4
Возможности проведения досуга	15	26	36	21	19	27	27	18
Ситуация на работе*	17	26	21	14	19	30	25	16
Возможность отдыха в период отпуска	7	17	49	35	15	18	42	31
Возможность общения с друзьями	38	49	13	7	44	49	11	7
Возможность реализовать себя в профессии*	19	29	29	16	28	32	22	15
Возможность получения необходимого образования и знаний	14	25	33	19	17	25	28	19
Место проживания (город, поселок, село)	28	40	14	9	35	43	11	6
Положение, статус в обществе	17	27	17	10	23	32	12	7
Уровень личной безопасности	19	30	20	9	24	32	14	8
Экологическая ситуация в месте проживания	13	25	31	22	21	30	25	15
Возможность выражать свои политические взгляды	6	17	42	22	8	19	38	22
Возможность получить качественную медицинскую помощь, в том числе платную	4	14	60	38	7	13	51	35
Уровень социальной защищенности в случае потери работы*	2	8	67	50	3	9	64	47
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	—	—	—	—	34	41	8	5
Жизнь в целом складывается	9	23	21	10	14	25	13	6

практически всеми сферами их жизни. Данная группа уникальна по общему благополучию и стабильности положения ее членов. В то же время для пессимистической оценки духовно-психологического климата в стране сложных комбинаций субъективных характеристик различных аспектов жизни не требуется. Отличие пессимистов от россиян в целом связано с их социальной незащищенностью; оно довольно простое по конфигурации и далеко не настолько заметное на общем фоне, как специфика оптимистов.

В сентябре 2020 г., когда ситуация с пандемией сулила далеко не радужные перспективы, отличия оптимистов от населения в целом были менее выражены (например, минимально связаны с материальным положением). У пессимистов же, наоборот, набор значимых отличий был объемнее и существеннее (максимальные различия 28% и 18% в 2020 и 2021 г. соответственно). По сути, отличие кризиса 2022 г. от кризиса 2020 г. в плане оценок нашими согражданами духовно-психологической атмосферы в обществе состоит в том, что весной 2022 г. оптимистов стало совсем мало. Для оптимизма стало важно быть удовлетворенным не только возможностями самореализации в профессии, но и ситуацией на работе как таковой, а также быть уверенным в своей социальной защищенности в случае потери рабочего места. Новая ситуация превратила оптимистов в специфическую на общем фоне группу населения. В то же время пессимисты стали не так уж и «выделяться», а ключевая для них проблема (ожидание ухудшения материального положения в ближайшее время) в той или иной мере волнует почти каждого гражданина страны. Таким образом, принять точку зрения пессимистов и занять их позицию большинству россиян было заметно проще, чем стать носителями оптимистических монастроений.

Важно не просто выяснить мнение россиян о состоянии духовно-психологической атмосферы в стране, но и определить наиболее значимые, с их точки зрения, факторы, опосредующие ее формирование (табл. 2.4). Первое, что следует отметить, — практически все факторы, предложенные нашим согражданами для подобного оценивания, оказались причастны, по их мнению, к формированию состояния духовно-психологической атмосферы в обществе. Второе — по большинству факторов от трети до половины населения страны не могут четко и однозначно определить их воздействие на социально-психологическое состояние социума. Интерпретировать такие ответы всегда сложно, поскольку они могут быть опосредованы разными причинами (например,

отсутствием необходимой информации, нежеланием отвечать на вопрос и т.д.). Наиболее результативным анализом вследствие этого будет изучение соотношения четко определенных позиций – ответов «в целом отрицательно» и «в целом положительно» на вопрос о влиянии того или иного фактора на духовную атмосферу общества.

Сравнение разницы отрицательных и положительных оценок влияния различных факторов на духовно-психологическую атмосферу в стране позволяет выделить два основных блока: первый – факторы, оказывающие преимущественно отрицательное влияние, второй – оказывающие преимущественно положительное влияние. В свою очередь, по степени преобладания отрицательных оценок над положительными первый блок можно разделить на три подгруппы: в нашем случае мы исходили из того, что, если разница оценок составляет более 30%, имеет место максимально выраженное отрицательное влияние, порядка 20% – отрицательное влияние средней степени и, наконец, 10% и менее – минимальное отрицательное влияние (табл. 2.4).

В марте 2022 г. максимальное отрицательное влияние на духовно-психологическую атмосферу в стране оказывали, по мнению россиян, коронавирусная пандемия (разница отрицательных и положительных оценок – 54%), международное положение России (45%), состояние экономики и рынка труда (44%), а также ситуация в социальной сфере (35%). Данные факторы – конгломерат новых (пандемия и санкции), а также актуальных на протяжении всего постсоветского периода (проблемы в экономике страны и социальной сфере) явлений. Закономерно, что факторы, с которыми россияне «уживаются» давно, отходят сегодня на второй план. В то же время коронавирусная повестка никуда не делась, негативно влияя, по мнению большинства наших сограждан, на социально-психологическое состояние общества даже в начале весны 2022 г.

Среднюю степень негативного влияния на умонастроения россиян оказывали Интернет и социальные сети (перевес отрицательных оценок – 18%). Примечательно, что по суммарному воздействию (совокупность положительных и отрицательных оценок) данный вид СМИ сравнялся с традиционным для наших сограждан каналом информирования – центральным телевидением. Вместе с тем степень отрицательного влияния Интернета на социально-психологическое состояние социума, по мнению россиян, выше, нежели телевидения (разница в 10%).

Таблица 2.4

Факторы, влияющие на формирование духовно-психологической атмосферы в стране, 2022 г., %
(отранжировано по разнице отрицательных и положительных оценок)

Факторы	Влияние на духовно-психологическую атмосферу в стране:				Разница оценок «отрицательно» и «положительно»*
	Никак не влияют	Противоречиво	В целом положительно	В целом отрицательно	
Оказывают максимально отрицательное влияние					
Пандемия коронавируса	12	26	4	58	54
Международное положение России	5	32	9	54	45
Состояние экономики и рынка труда	4	36	8	52	44
Ситуация в социальной сфере (медицина, образование)	8	37	10	45	35
Оказывают отрицательное влияние средней степени					
Интернет и социальные сети	8	48	13	31	18
Оказывают минимально отрицательное влияние					
Деятельность правоохранительных и судебных органов	18	42	15	25	10
Характер информирования граждан о положении дел в стране центральными каналами телевидения	8	44	20	28	8
Военная спецоперация России по защите ДНР и ЛНР	4	44	22	30	8
Состояние морали и нравственности в стране	11	42	20	27	7
Сложившийся уровень доверия и взаимопонимания между людьми	13	42	22	23	1
Оказывают положительное влияние					
Уровень доверия к Президенту страны	8	35	39	18	-21

Примечание: * Положительное значение данного показателя свидетельствует о преобладании отрицательного влияния фактора (чем выше показатель, тем сильнее отрицательное влияние), а его отрицательное значение – о преобладании положительного влияния.

В состав факторов, оказывающих наименьшее отрицательное влияние на духовно-психологическую атмосферу в стране, вошла военная спецоперация на Украине (8%). Данный факт говорит о том, что само это событие хотя и стало первопричиной ряда фак-

торов из подгруппы оказывающих максимально отрицательное влияние, однако не воспринималось населением страны в марте 2022 г. особо негативным образом, а деятельность властей по денацификации Украины, как будет продемонстрировано далее, поддерживалась большинством россиян.

Подтверждением этому выступает и оценка фактора «уровень доверия к Президенту страны». Это *единственный* фактор, оказывающий скорее положительное, чем какое-либо иное влияние на социально-психологическое состояние общества. Интересно, что даже влияние уровня межличностного доверия, в части которого разница отрицательных и положительных оценок составляет лишь 1%, отстает, по мнению населения страны, от позитивного влияния на российское общество уровня доверия к Президенту. По сути, именно личность Президента может считаться единственным гарантом стабильности духовно-психологической атмосферы в России.

Сопоставление факторов, влияющих по мнению оптимистов и пессимистов на духовно-психологическую атмосферу в стране, подтвердило «особость» группы, которая определяет эту атмосферу как благоприятную, то есть оптимистов (рис. 2.1). По мнению ее представителей, 7 из 11 предложенных для оценивания факторов оказывают на психологическое состояние общества положительное воздействие, причем в большинстве случаев довольно заметное. Исключениями являются лишь два фактора, которые дают заметный перевес отрицательных оценок над положительными, — это пандемия и Интернет. Если в случае с пандемией разница отрицательных и положительных оценок в данной группе довольно сильно отличается от оценок по россиянам в целом (различие в 20%) и тем более оценок пессимистов (различие 37%), то в отношении Интернета в разных группах опрошенных наблюдался консенсус. Видение влияния Интернета и социальных сетей на социально-психологическое состояние социума оптимистами, пессимистами и населением в целом было практически одинаковое.

Если говорить о пессимистах, то с их точки зрения все предложенные факторы, в том числе и уровень доверия к Президенту РФ, влияют на духовно-психологическое состояние российского социума скорее отрицательно. Кроме того, в данной группе негативное влияние военной спецоперации на Украине хотя и не выходит на лидирующие позиции, однако занимает видное место. Другое дело, что аналогичное место занимают и состояние морали и нравственности в стране, и даже уровень межличностного дове-

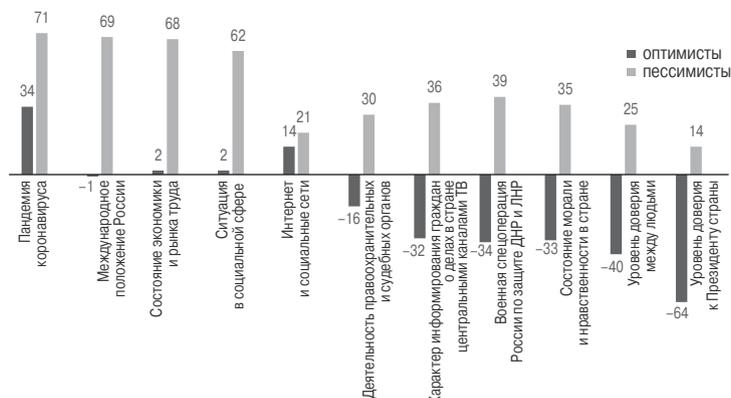

Рисунок 2.1. **Разница отрицательных и положительных оценок факторов, влияющих на духовно-психологическую атмосферу в обществе, оптимистами и пессимистами, 2022 г., %**

рия. Таким образом, складывается впечатление, что у пессимистов буквально всё заведомо вызывает неприятие. Тем не менее в смысле вектора различий отрицательных и положительных оценок влияния разных факторов на духовно-психологическую атмосферу в обществе пессимисты всё же ближе к населению страны в целом, нежели оптимисты.

Проанализируем далее различия в соотношении отрицательных и положительных оценок тех же факторов в исследовании 2020 г. (рис. 2.2). За исключением специальной военной спецоперации на Украине все остальные факторы были знакомы россиянам и осенью указанного года. В целом значительных различий в сравнении с ситуацией начала весны 2022 г. не так уж много. Два наиболее значимых изменения: резко увеличилась доля наших сограждан, отмечающих отрицательное влияние международного положения России (ухудшение на 26%), и возросла доля россиян, заявляющих о положительном влиянии на духовно-психологическую атмосферу в стране Президента РФ (различие 27%). В остальном произошли изменения в сторону улучшения оценок деятельности правоохранительных и судебных органов (на 16%), характера информирования граждан о положении дел в стране центральными каналами телевидения (на 12%) и состояния морали и нравственности в обществе (на 13%).

Подводя предварительные итоги анализа психологического состояния общества на основе мнений о нем самих россиян, отме-

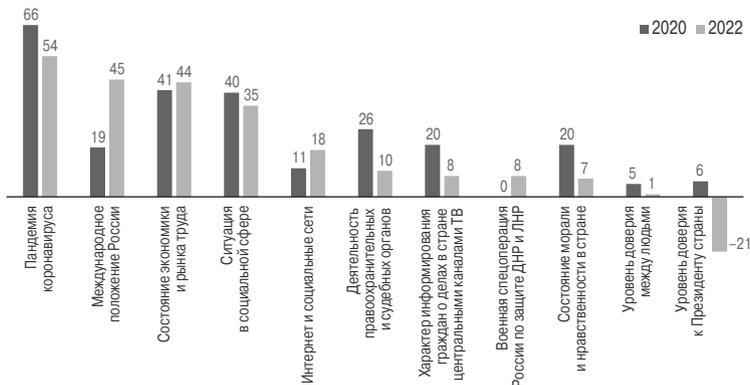

Рисунок 2.2. **Динамика разницы отрицательных и положительных оценок факторов, влияющих на духовно-психологическую атмосферу в обществе, среди россиян в целом, 2020 / 2022 гг., %**

тим: к весне 2022 г. духовно-психологическая атмосфера российского социума, пропитанная новыми страхами и фобиями, приобрела еще более выраженные черты пессимизма. Если ранее на фоне населения в целом пессимисты выглядели большими девиантами, чем оптимисты, то в начале 2022 г. явные девиации наблюдаются скорее в среде оптимистов. Сегодня, чтобы воспринимать происходящее в благоприятном ключе, необходимо быть удовлетворенным практически всем, с чем сталкивается обычно человек в повседневной жизни. Для пессимизма же зачастую достаточно опасений ухудшения материального положения, неудовлетворенности медицинским обслуживанием и/или социальной защищенностью в случае потери работы, а также возможностями выражать свои политические взгляды. Даже тот факт, что их собственная жизнь складывается не худшим образом, не мешает нашим согражданам оценивать социально-психологическое состояние общества как плохое.

Обратимся к иному подходу, при котором целесообразно судить о складывающейся в обществе духовной атмосфере на основе агрегирования умонастроений и чувств, присущих отдельным россиянам, то есть их личного психоэмоционального состояния и мироощущений.

Как видно из данных за последние 8 лет (рис. 2.3), в целом эмоционально-психологическое состояние российского общества в указанный период было достаточно стабильным. Доминирующий вид настроения — «спокойствие, уравновешенность» (43–49%).

Рисунок 2.3. **Динамика оценок россиянами своего психоэмоционального состояния, 2014–2022 гг., %**

В марте 2022 г. показатели массовых умонастроений продемонстрировали новые тенденции, значительно изменив картину предыдущих лет. Что осталось прежним? Это – малочисленность групп, испытывающих «эмоциональный подъем» (4%), «безразличие, апатию и подавленность» (8%) или «раздраженность, озлобленность и агрессию» (13%). Данные группы всегда были невелики, однако, сопоставляя их масштабы в динамике, следует отметить, что весной 2022 г. россиян, ощущающих «эмоциональный подъем», оказалось меньше, чем когда бы то ни было, а «раздраженность, озлобленность и агрессию» – наоборот, как никогда много. На этом схожесть характеристик массовых умонастроений наших сограждан, фиксируемых в разные годы, заканчивается.

Что же позволяет говорить о складывании качественно новой ситуации в сфере массовых умонастроений? Это – довольно редкое и маловероятное ранее сочетание таких проявлений психоэмоциональных состояний, как «спокойствие, уравновешенность» (лишь 24%) и «тревожность» (51%). В обоих случаях указанные показатели изменились – в сравнении с их наиболее низкими значениями за весь период наблюдений 2000-х гг. – примерно на 20% в сторону ухудшения. Произошедшие изменения нарушили и интегральное соотношение позитива и негатива в психоэмоциональном статусе российского общества. В целом в марте 2022 г. позитивные состо-

яния испытывали 28% наших сограждан, а негативные – 72%. Это, понятно, не сопоставимо ни с периодом кризиса 2014–2016 гг., ни с началом пандемии в 2020 г. Если раньше соотношение интегральных показателей (примерно 50/50) свидетельствовало о противоречивости социальных умонастроений россиян, то в марте 2022 г. оно характеризовало последние как доминирование негатива, пессимизма и депрессии. То есть шок, пережитый россиянами после начала СВО в Украине, сказался не столько на их оценках ситуации в стране, вытекающих из их осознанного осмысления происходящего, сколько на их социально-психологическом состоянии.

Попытаемся определить, чем различаются наши сограждане с доминированием разных социально-психологических состояний (табл. 2.5). С этой целью выделим три группы опрошенных: 1) россиян, характеризующих свой настрой как «эмоциональный подъем» и «спокойствие, уравновешенность», 2) испытывающих умеренно-негативные чувства («безразличие, апатия, подавленность» и «тревога») и 3) находящихся в крайне негативных («раздраженность, озлобленность» и «агрессия») социально-психологических состояниях.

Различия характеристик россиян, дифференцированных в плане типов своего социально-психологического состояния, в какой-то мере повторяют данные, полученные ранее в ходе анализа духовно-психологической атмосферы в стране. Россияне с доминированием позитивных умонастроений представляют собой весьма специфическую группу, в то время как отличающиеся доминированием крайне негативных умонастроений отстоят от россиян в целом не столь существенно. Существенных взаимосвязей их настроений с их объективными характеристиками не наблюдается. Впрочем, среди наших сограждан, испытывающих крайне негативные социальные чувства, несколько больше мужчин и меньше женщин (соотношение 53% и 47% соответственно). Можно предположить, что по эмоциональному настрою мужчин новый кризис ударил несколько сильнее, однако общую картину данное замечание не меняет.

Что касается группы россиян с позитивным типом социально-психологических реакций на действительность, то различия в сравнении с показателями по россиянам в целом в 20% и более фиксируются в отношении трех их характеристик: статус в обществе (20%), удовлетворенность жизнью в целом (24%) и перспективы материального положения (23%). Если сравнивать с перечнем характеристик, типичных для россиян с оптимистичными оценками состояния

Таблица 2.5

Самооценки россиянами с разными типами доминирующего социально-психологического состояния различных аспектов своей жизни, 2022 г., %

Сферы жизни	Ответы «хорошо»				Ответы «плохо»			
	Социально-психологическое состояние			По массиву в целом	Социально-психологическое состояние			По массиву в целом
	Позитивное	Умеренно негативное	Крайне негативное		Позитивное	Умеренно негативное	Крайне негативное	
Материальное положение	24	10	10	14	10	25	39	22
Перспективы материального положения	22	10	10	12	31	62	68	54
Питание	50	29	20	34	2	5	12	5
Одежда	43	21	16	27	3	10	15	8
Здоровье	44	22	23	28	8	15	13	13
Жилищные условия	59	41	32	45	5	7	13	7
Отношения в семье	73	57	39	60	3	4	10	4
Возможности проведения досуга	41	22	17	27	9	20	30	18
Ситуация на работе*	49	23	19	30	9	16	32	16
Возможность отдыха в период отпуска	30	13	11	18	18	34	44	31
Возможность общения с друзьями	62	46	31	49	4	6	16	7
Возможность реализовать себя в профессии*	47	25	25	32	9	16	19	15
Возможность получения необходимого образования и знаний	38	20	18	25	11	19	34	19
Место проживания (город, поселок, село)	60	39	26	43	3	6	12	6
Положение, статус в обществе	52	26	18	32	3	6	22	7
Уровень личной безопасности	49	26	19	32	4	9	14	8
Экологическая ситуация в месте проживания	42	27	18	30	9	17	17	15
Возможность выражать свои политические взгляды	31	14	13	19	12	25	35	22
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	22	10	8	13	23	38	43	35
Уровень социальной защищенности в случае потери работы*	17	5	5	9	32	52	56	47
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	52	37	34	41	4	6	7	5
Жизнь в целом складывается	49	17	10	25	3	6	18	6

духовно-психологической атмосферы в стране (табл. 2.2), то эти три показателя фигурируют и там. Кроме того, по общей масштабности и глубине различий с россиянами в целом группа с позитивным типом личного психоэмоционального состояния схожа с группой, оценивающей духовно-психологическую атмосферу в обществе как благоприятную. В то же время между этими группами выявились и некоторые различия. Совокупный набор наиболее значимых характеристик стал немного другим, сместившись к микроуровню. С одной стороны, среди этих характеристик появились те, которые связаны с качеством питания и одежды, а также комфортностью отношений в семье и позитивным восприятием места проживания; с другой — оказались не очень значимыми факторы, относящиеся к медицине, социальной защищенности и политическому участию.

Схожий набор факторов, только со знаком минус, типичен и для россиян с крайне негативным типом социально-психологического состояния. Наибольший негативизм по сравнению со средним россиянином прослеживается у них в плане внутрисемейных отношений (разница с соответствующим показателем по россиянам в целом — 21%). Значение в плане принадлежности к данной группе, хотя и в меньшей степени, имеют также самооценки материального положения, ситуации на работе, возможности получения необходимого образования и статуса в обществе. По всем обозначенным показателям ситуация здесь хуже, чем по населению в целом (ответы «плохо» встречаются чаще). Кроме того, по ряду показателей — возможность общения с друзьями, оценка места проживания и удовлетворенность жизнью в целом — в среде россиян данного типа фиксируется пониженный уровень ответов «хорошо». Этот перечень значимых характеристик кардинально отличается от перечня, характерного для пессимистично оценивающих духовно-психологическую атмосферу в стране.

Таким образом, определяя психологическое состояние российского общества, следует сделать вывод: разные методы его оценки дают в целом похожие, но все же несколько отличающиеся результаты. Подтверждением сказанному служит статистически значимая, но не очень сильная связь между типом доминирующего личного социально-психологического состояния и оценкой духовно-психологической атмосферы в стране (коэффициент корреляции Спирмена 0,283). Анализируя индивидуальные умонастроения россиян, мы получаем характеристику социально-психологического состояния социума сквозь призму показателей

благополучия населения. Духовная атмосфера в обществе, определяемая посредством оценок самих россиян, выводит на первый план значимость тех сфер, за успешность функционирования которых в значительной степени отвечает государство.

Однако в любом случае по сравнению со всеми последними годами эмоциональное состояние российских граждан демонстрировало весной 2022 г. серьезное отклонение в сторону негатива. Об этом же говорит и анализ восприятия ими настроений окружающих их людей.

Согласно полученным данным, эмоциональный настрой других традиционно оценивается россиянами более негативно (рис. 2.4), нежели их собственное настроение (рис. 2.3). Причем данная тенденция не зависит от наличия или отсутствия в обществе кризисной ситуации.

В эмоциональном состоянии знакомого окружения россиян произошли аналогичные изменения, что и в их личных настроениях: негатив сильно перевесил позитив (83% против 17% соответственно). Существенно усугубляет картину и тот факт, что доминирующие виды настроений – тревога (51%), а также раздраженность, озлобленность и агрессия (24%) – относятся к палитре негативных эмоций. В целом в марте 2022 г. оценки россиянами эмоционального состояния окружающих их людей оказались как никогда за последние 8 лет плохими.

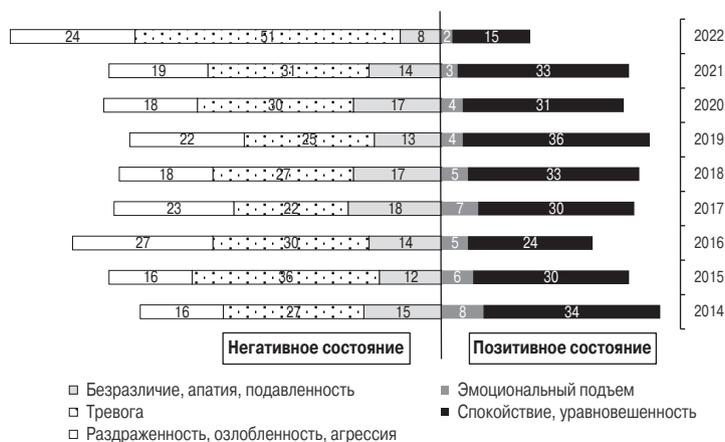

Рисунок 2.4. **Динамика оценок россиянами социально-психологического состояния окружающих их людей, 2014–2022 гг., %**

Ожидаемо, что восприятие эмоционального настроения собственного окружения напрямую зависит от личного настроения (коэффициент корреляции Спирмена – 0,515). Если использовать классификацию по типам настроений, то заметна не только эта взаимосвязь, но и уникальность группы россиян с позитивным личным настроением (табл. 2.6). По сути, только в этой группе хотя бы половина опрошенных отмечали весной 2022 г. позитивное эмоциональное состояние своего окружения, в то время как россиян, представляющих две остальные группы, окружает, по их мнению, доминирующий негатив (его отмечают 96% и 99% их представителей соответственно). Преобладающий настрой в окружении наших сограждан с умеренно-негативным личным настроением – это тревога (64%), а с крайне негативным – раздраженность, озлобленность и агрессия (62%). Даже если учитывать, что, оценивая условия своей жизни, россияне традиционно сгущают краски, из этих данных понятно, что те из них, чье личное настроение крайне негативно, лишены позитивно окрашенной эмоциональной поддержки со стороны ближайшего окружения (позитивный настрой окружающих отмечает среди них только 1%). Именно они образуют зону повышенного риска массовых неврозов и паники.

Таблица 2.6

Восприятие социально-психологического состояния ближайшего окружения россиянами с разным типом доминирующего личного состояния, 2022 гг., %

Социально-психологическое состояние окружающих	Собственное социально-психологическое состояние			По массиву в целом
	Позитивное	Умеренно негативное	Крайне негативное	
Позитивное, в том числе:	50	4	1	17
эмоциональный подъем	6	0	0	2
спокойствие, уравновешенность	44	4	1	15
Негативное, в том числе:	50	96	99	83
безразличие, апатия, подавленность	8	8	7	8
тревога	35	64	30	51
раздраженность, озлобленность, агрессия	7	24	62	24

В заключение посмотрим, как ранее выделенные группы россиян относятся к общественному мнению, являющемуся одним из важнейших легитимных рычагов воздействия на деятельность правительства. Отметим, что большинство наших сограждан (59%) понимает «общественное мнение» как мнение большинства населения страны. Остальные трактовки данного понятия заметно менее распространены (например, его интерпретация как мнения граждан, которое выявляется в ходе социологических опросов, была поддержана только 31% опрошенных). Указанные наиболее распространенные трактовки доминируют во всех выделенных группах вне зависимости от того, на основе какого критерия происходило их выделение. Вместе с тем общность понимания общественного мнения различными группами населения еще не означает, что россияне верят в его значимость для правительства страны (табл. 2.7).

Таблица 2.7

Чье мнение учитывается Правительством РФ при выработке государственных решений с точки зрения разных групп россиян, 2022 г., %*

Группы влияния	Оценки духовно-психологической атмосферы в стране			Личное социально-психологическое состояние		
	Благоприятная (оптимисты)	Противоречивая	Неблагоприятная (пессимисты)	Позитивное	Умеренно негативное	Крайне негативное
Представители политической элиты (члены правительства, руководители регионов, депутаты)	55	54	55	59	55	38
Ближайшее окружение руководства страны	30	43	52	39	45	53
Представители крупного бизнеса	26	39	41	35	39	40
Общество в целом	52	30	20	35	28	28
Ученые, эксперты	28	25	16	30	20	19
Лидеры ведущих мировых держав	9	11	11	12	11	7
Международное общественное мнение	8	7	7	8	6	6
Представители оппозиции	3	5	5	4	6	3

Примечание: * Общая сумма ответов более 100%, поскольку допускалось до трех ответов.

В целом наши сограждане полагают весной 2022 г., что на принятие государственных решений в первую очередь влияют представители политической элиты (54%), а во вторую – ближайшее окружение тех, кто принимает данные решения (44%). В ТОП-3 групп влияния попали и представители крупного бизнеса (38%). Суждение, согласно которому правительство прислушивается к общественному мнению, разделяло лишь около трети населения страны. Данного рейтинга придерживаются, как правило, все группы россиян.

Явных исключений два – те, кто оценивает духовно-психологическую атмосферу в стране как благоприятную, и обладающие крайне негативным типом доминирующего настроения. Первые зачастую полагают, что общественное мнение (в числе прочих факторов) оказывает влияние на принятие правительственных решений. Вторые считают, что на последние влияет в основном ближайшее окружение власть предержащих, а также представители крупного бизнеса. Данный факт оттеняет общую тенденцию, заметную при анализе трактовок общественного мнения разными группами российских граждан. Те, кто отличается оптимизмом и позитивной самооценкой, чаще воспринимают общественное мнение как нечто реальное и, что немаловажно, значимое для общественной жизни. В то же время пессимисты в отношении духовно-психологической атмосферы в стране и люди с крайне негативным типом доминирующего социально-психологического состояния сомневаются в том, что общественное мнение вообще существует, а также чаще не придают ему того объективного значения, которое оно имеет в глазах россиян с позитивным настроением.

В итоге анализ психологического состояния россиян позволяет выделить две противоположные группы – оптимистов и людей с крайне пессимистическими настроениями и чувствами. В целом это – обычные для любого общества группы, однако в ситуации, сложившейся весной 2022 г. в России, они приобрели специфические черты. Как правило, наибольшие девиации наблюдаются в среде крайне пессимистически настроенных представителей общества. Однако в тот момент именно эта группа россиян оказалась ближе к населению страны в целом, чем группа оптимистов.

Для понимания перспектив эмоционального состояния россиян надо отметить два «якоря», способствующих стабилизации общественного сознания. Это – вера в будущее страны и доверие Президенту, что при благоприятном стечении обстоятельств может оказаться новой отправной точкой для развития страны

в будущем. Однако на этом пути есть определенные препятствия. Например, что касается общественного мнения, понимаемого как мнение большинства населения страны, то россияне чаще всего полагают, что вовсе не оно в первую очередь влияет на принятие важных государственных решений. На первые места среди акторов такого рода решений они ставят представителей политической элиты и ближайшее окружение руководства страны. Более позитивно роль общественного мнения оценивает лишь группа оптимистов, полагая, что оно так же значимо, как мнения представителей политической элиты. Но на момент проведения исследования эти оптимисты составляли меньшинство россиян.

Глава 3

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИЗМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАЗНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

Последние годы ознаменовались рядом потрясений, выпавших на долю рядовых россиян. Они затронули практически все сферы их жизни, в той или иной степени изменив как их материальное, так и социальное положение. Естественно, что эти процессы привлекали внимание отечественных специалистов. При этом в фокусе внимания находились как особенности социально-экономического положения населения после завершения кризиса 2014–2016 гг. и перед началом пандемии коронавируса¹, так и положение, в котором оно находилось после первых волн пандемии².

¹ *Беляева Л.А.* Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 83–100; *Бобков В.Н., Колмаков И.Б.* Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 971–984; Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2019 год / Научн. ред. В.Н. Бобков. М.: «Фабрика Офсетной Печати», 2020; Модель доходной стратификации российского общества: состояние, динамика, факторы / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Нестор-История, 2018; *Тихонова Н.Е.* «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 27–47.

² Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Апрель 2021 / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021; Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: три квартала 2021 года / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021; Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего [Текст]: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Л.Н. Овчарова, О.В. Синявская (науч. ред.); Е.А. Андреева, С.С. Бирюкова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022; *Пишняк А.И., Горина Е.А., Корчагина И.И., Тер-Акопов С.А.* Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки / Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 6. С. 70–93; «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годов-

Однако ситуация в данной области изменяется так быстро, что подчас за текущими проблемами из поля зрения уходят более длинные тренды. Именно поэтому в центре внимания настоящего исследования была динамика изменения положения россиян за период с весны 2014 г. и до весны 2022 г., т.е. с момента начала масштабной санкционной войны против России после воссоединения ее с Крымом и до начала нового витка гиперсанкций, последовавших за началом СВО на Украине. При этом особое внимание обращалось на то, что сближало и что разделяло отдельные группы россиян в этот период в плане динамики их материального положения, как сами они воспринимали эти изменения и насколько они были готовы к новому витку санкций против России.

Первое, на что надо обратить в этой связи внимание, это как изменилась ситуация с доходами массовых слоев населения страны с 2014 г. Среднемесячный доход представителя массовых слоев составлял в марте 2022 г., по нашим данным, 26 082 руб. Это более чем вдвое (точнее в 2,18 раза) больше прожиточного минимума, составлявшего в 1 квартале 2022 г. 11 950 руб.³ Более того, если посмотреть на динамику этого показателя, то за последние 8 лет (т.е. с начала 2014 г., когда воссоединение Крыма с Россией ознаменовало начало отличающегося особой турбулентностью этапа новейшей истории нашей страны, и до конца 2021 г., т.е. момента, когда еще не начался резкий рост цен, обусловленный санкциями Запада после начала Россией спецоперации на Украине), то оказывается, что номинальные среднедушевые доходы россиян выросли за это время в 1,45 раза по оценке ФСГС РФ и в 1,57 раз по данным опросов ИС ФНИСЦ РАН (рис. 3.1).

При этом, как видно на рисунке 3.1, рядовые россияне все последние годы оценивают свои доходы гораздо ниже, чем это делает ФСГС РФ применительно к россиянам в целом. Отчасти это связано с методикой оценки Росстатом доходов россиян. Однако главной причиной таких, причем заметно усилившихся в 2021 г., расхождений выступает всё же не сама по себе методика расчетов среднедушевых доходов населения Росстатом, а высокое доходное неравенство, характерное для нашей страны. Данные о дохо-

шине пандемии COVID-19 / Под общ. ред.: С.М. Плаксин, А.Б. Жулин, С.А. Фаризова. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021.

³ Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Официальный сайт. Утвержден прожиточный минимум на 2022 год. 01.07.2021. URL: <https://mintrud.gov.ru/old//social/living-standard/47> (дата обращения: 02.04.2022).

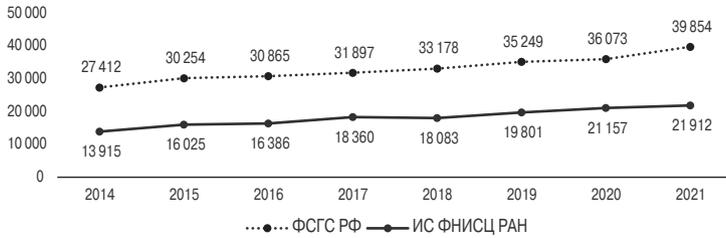

Рисунок 3.1. **Среднедушевые доходы россиян в целом (ФСГС РФ) и представителей массовых слоев населения страны* (ИС ФНИСЦ РАН), 2014–2021 гг., руб.**

Примечания: * Без учета не попадающих в массовые опросы верхних 3–5% населения.

Источники: Данные Росстата за 2014–2019 гг. приводятся по: ФСГС РФ. Официальный сайт. Среднедушевые денежные доходы населения Российской Федерации. Динамические ряды (новая методология). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 02.04.2022). Данные за 2020 и 2021 гг. приводятся по: ФСГС РФ. Официальный сайт. Среднедушевые денежные доходы населения Российской Федерации (новая методология). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 02.04.2022).

дах не входящих в массовые опросы верхних нескольких процентов населения сильно искажают показатели средних доходов, что и отражается в несовпадении кривых на рисунке 3.1.

Доходное неравенство велико даже среди представителей массовых слоев населения. Так, в половине (50%) домохозяйств, вошедших в выборку нашего опроса в марте 2022 г., среднедушевые доходы не превышали 20 тыс. руб. При этом медианным среднедушевым доходом для нижнего дециля выступали 10 тыс. руб., а в верхнем дециле этот показатель составлял 60 тыс. руб., т.е. разрыв между ними был шестикратным. В целом же данные свидетельствуют: медианные среднедушевые доходы плавно нарастают от дециля к децилю вплоть до 7-го дециля, а затем, т.е. примерно в верхней трети населения, их рост резко меняет свой характер — они начинают расти уже по экспоненте (рис. 3.2). В верхнем дециле переход к экспоненциальному росту наиболее заметен, и если учесть наиболее состоятельных россиян, не попадающих в массовые опросы, то линия, отражающая нарастание доходов в верхнем дециле, примет практически вертикальный характер.

Еще менее радужной окажется картина динамики доходов населения, если от номинальных доходов перейти к реальным, т.е. учесть их покупательную способность, изменяющуюся под влиянием инфляции. Инфляция может измеряться по экономике в целом, по товарам из потребительской корзины, по разным

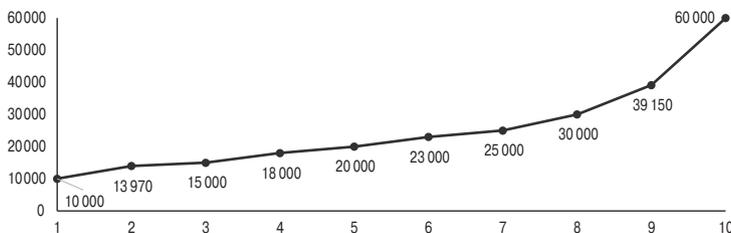

Рисунок 3.2. **Медианные среднедушевые доходы в каждом дециле массовых слоев населения страны, 2022 г., руб.**

группам товаров и т.д. Однако даже если взять за основу динамику цен по экономике в целом, т.е. изменение покупательской способности рубля за определенный промежуток времени, например в период с марта 2014 г. по февраль 2022 г. включительно, то соответствующий показатель составит 78%⁴. При этом по группе товаров и услуг повседневного спроса, что, собственно, и определяет восприятие населением динамики цен, соответствующий показатель всегда традиционно выше, чем показатель инфляции по экономике в целом.

Что же касается доходов населения, то среднедушевые доходы рядовых россиян выросли за тот же период по их собственным оценкам, как уже упоминалось выше, в номинальном выражении немногим более чем в полтора раза. Таким образом, реальные доходы населения за этот период сократились, и довольно значительно. Однако для разных групп населения это сокращение было различно, поскольку номинальные доходы их росли разными темпами (рис. 3.3).

Первое, что обращает на себя внимание в данных рисунка 3.3, это то, что в наихудшем положении оказались по итогам последних 8 лет турбулентности не полярные децили (в них номинальные доходы выросли вдвое, т.е. больше темпов инфляции по экономике в целом), а средние слои россиян. Это связано с тем, что в условиях относительного ухудшения ситуации в экономике население с доходами ниже прожиточного минимума, относящиеся к первому и отчасти второму децилям, получало помощь со стороны

⁴ Инфляция в России. Калькулятор цен. URL: <https://xn---ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B> (дата обращения: 02.04.2022).

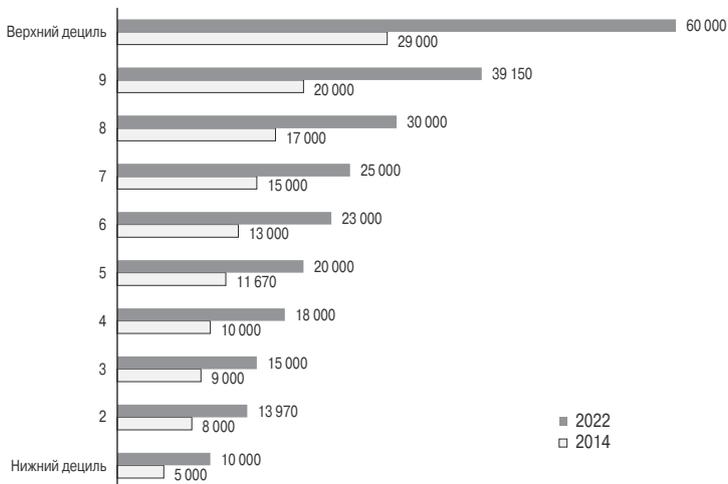

Рисунок 3.3. Динамика медианных среднедушевых доходов в каждом дециле массовых слоев населения страны, 2014/2022 гг., руб.

государства. Наиболее высокоресурсная часть населения, составляющая 10-й дециль, сама в массе своей успешно справлялась с новыми вызовами. Остальные же россияне оказались в довольно сложном положении, и в наименьшей степени выросли доходы у представителей пограничных 3-го и 7-го децилей: первый из них отделяет россиян с наименьшими доходами, претендующих на господдержку и, как правило, получающих ее (что и объясняет то, что бедность имеющих доходы ниже прожиточного минимума россиян обычно неглубока), от срединных слоев (которые не надо путать со средним классом), а второй отделяет представителей этих слоев от относительно благополучной верхней трети населения. Однако это не позволяет сказать, что именно средние слои оказались в относительно худшем положении, поскольку в зависимости от того, какое место занимают люди в доходной стратификации, у них разная степень эластичности их текущих расходов.

Более того, в разных типах поселений разный образ жизни и разная структура расходов, поэтому для выделения групп в рамках доходной стратификации недостаточно только деления их на децили по абсолютной величине среднедушевых доходов. Наиболее перспективным в этом контексте представляется выделение групп с разным уровнем доходов по отношению к поселенческой медиа-

не средних доходов на человека в домохозяйствах. Обычно⁵ принято выделять не менее четырех таких групп: 1) имеющие не более 0,75 медианного уровня среднедушевых доходов в своем типе поселений (по состоянию на март 2022 г., согласно нашим данным, численность этой заведомо неблагополучной группы, не способной вести обычный для их территориальных сообществ образ жизни, составляла 30% массовых слоев населения); 2) имеющие от 0,75 до 1,25 медианных доходов (эта задающая стандарт типичного образа жизни группа насчитывала в тот момент 41%); 3) имеющие от 1,5 до 2 медиан доходов (численность этой также достаточно массовой, но в отличие от двух вышеупомянутых в подавляющем своем большинстве весьма благополучной группы составляла в марте 2022 г. 22% от всех представителей массовых слоев) и 4) сравнительно небольшая (7%) высокоресурсная группа, имеющая среднедушевые доходы более 2 медианных доходов в своих типах поселений.

Как видно из рисунка 3.4, динамика материального положения этих групп в период пандемии была различной. При этом, хотя на рисунке 3.4 приводятся данные только за последний перед опросом в марте 2022 г. год, но та же тенденция характеризовала и предыдущие годы. Так, в марте 2021 г. доля тех, чье положение за предыдущий год улучшилось или скорее улучшилось, составляла среди имеющих среднедушевые доходы свыше двух медиан в своих типах поселений 23% (при 10% по населению в целом), а среди имеющих доходы не более 0,75 медиан, — 4%. Обратной была ситуация с теми, чье положение за год ухудшилось — в первой, наиболее благополучной по размеру их доходов группе, их доля составляла 22%. В низкодходной же группе их было большинство (53% при 46% по населению в целом)⁶. При этом стоит помнить, что в двух верхних доходных группах, в сумме составляющих около 30% массовых слоев, неизменность их положения означает благополучие, в группе с доходами от 0,75 до 1,25 медианы — приемлемость, а в группе с доходами не более 0,75 медианы доходов в их типах поселений это означает, что их положение застойно плохое. Всё вышесказанное говорит о том, что различия в монетарном благополучии предста-

⁵ См. подробнее о принципах построения моделей доходной стратификации: Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Марева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под ред.: Н.Е. Тихонова. М.; СПб.: Издательство Нестор-История, 2018.

⁶ Остальные выбрали наиболее популярный среди россиян в целом ответ — «Положение не изменилось».

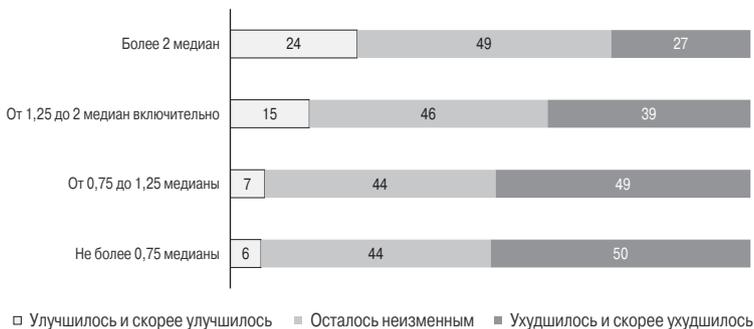

Рисунок 3.4. **Самооценки динамики своего материального положения в группах с разным их уровнем по отношению к поселенческой медиане среднедушевых доходов, 2022 г., %**

вителей массовых слоев населения не просто существуют и достаточно глубоки, но и то, что эти различия в условиях турбулентности по крайней мере последних 8 лет только усугубляются.

О том, кто в наибольшей степени пострадал от ухудшения своего материального положения и в каких областях различия между россиянами с разной динамикой своего материального положения проявляются наиболее сильно, говорят показатели статистической связи ответов на вопрос об этой динамике и сотен переменных, применительно к которым проводился анализ⁷. В наибольшей степени связаны с этой динамикой оказались самооценки своего материального благосостояния (среди тех, чье материальное положение, по их оценкам, бесспорно ухудшилось, 53% оценивали его весной 2022 г. как плохое при 22% по массиву в целом). Очень тесно связаны с ней оказались и самооценки качества своего питания, а также возможностей приобретения необходимой одежды. Среди россиян с негативной динамикой материального положения (то есть тех, чье положение за год ухудшилось или скорее ухудшилось), например, только 20% оценивали свое питание как хорошее, 15% оценивали как хорошие возможности приобре-

⁷ Для решения этой задачи использовалась программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection), являющаяся одной из разновидностей регрессионного анализа. Обычно она применяется для эффективного поиска взаимосвязи между большим числом переменных, а также для построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В нашем исследовании использовалась первая функция данной программы.

тения необходимой им одежды. Резко выделялись они на общем фоне и гораздо более редкими хорошими оценками своих возможностей получить качественную медицинскую помощь (6% оценок «хорошо»), полноценно отдохнуть в отпуск (10%) или досуговых возможностей (18%). Из этого списка хорошо видно, на чем приходится экономить тем россиянам, чье материальное положение за последний год перед опросом ухудшалось.

О том, что является причиной такого положения дел, говорят оценки своей социальной защищенности в случае потери работы или ситуации у себя на работе у тех, чье материальное положение за последний год ухудшилось и скорее ухудшилось. Как видно из таблицы 3.1, у этой части россиян ситуация на работе в разы реже оценивается как хорошая, а проблема социальной защищенности в случае потери работы стоит крайне остро. Особенно остро она стоит у молодежи до 30 лет, у которой оценки социальной защищенности в случае потери работы как плохой превышают 80%. Что же касается традиционных оснований дифференцирования социальных групп, то чуть чаще нисходящую динамику материального положения можно встретить среди имеющих низкие (не более 0,75 медиан в их типах поселений) индивидуальные доходы (зарплаты, пенсии и т.д.) (53% при 45% по населению в целом), в группе со среднедушевыми доходами не выше 0,75 от медианных для их типов поселений (50%) и у жителей малых городов (49%). Однако различия эти невелики и по крайней мере субъективное ухудшение их материального положения почти в равной степени затронуло в последнее время представителей различных социальных групп.

Важно подчеркнуть также, что ухудшение материального положения затронуло прежде всего лиц трудоспособного возраста, по разным причинам менее конкурентоспособных на рынке труда. Рекордсменом в этом отношении стала возрастная когорта 46–55 лет, в которой доля тех, чье положение ухудшилось, составила 52%. Если же говорить о том, для каких профессиональных групп вероятность ухудшения материального положения была в 2021 г. максимальной, то это работники торговли и бытового обслуживания – 54% их характеризовались именно нисходящей динамикой их материального положения, и это максимальный показатель по всем группам. Однако даже он всего на 8,3 п.п. выше, чем по массовым слоям населения в целом.

Таким образом, нисходящая динамика материального положения значительной части россиян – это не столько результат их принадлежности к традиционно выделяемым формально-статис-

Таблица 3.1

Самооценки россиянами с разной динамикой своего материального положения некоторых сторон своей жизни, жизни в целом и перспектив на следующий год, 2022 г., %*

Показатели	Материальное положение за последний год				
	Улучшилось	Скорее улучшилось	Осталось неизменным	Скорее ухудшилось	Ухудшилось
Ситуация на работе**					
Хорошо	45	41	37	21	14
Удовлетворительно	40	40	54	60	53
Плохо	15	19	9	19	33
Уровень социальной защищенности в случае потери работы					
Хорошо	24	15	11	5	3
Удовлетворительно	42	46	52	44	20
Плохо	34	39	37	51	77
Жизнь в целом					
Хорошо	60	48	33	14	9
Удовлетворительно	33	52	65	80	67
Плохо	7	0	2	6	24
Перспективы динамики материального положения на ближайший год					
Улучшится и скорее улучшится	45	31	12	9	6
Останется неизменным	26	32	50	22	9
Ухудшится и скорее ухудшится	29	37	38	69	85

Примечания. * Фоном выделены максимальные значения по столбцу для каждого из показателей.

** Цифры приведены от работающих.

стическим группам, сколько следствие индивидуальной ситуации человека. То, что рекордсменом в данном отношении оказались именно работники торговли и бытового обслуживания, естественно — ведь значительная часть предприятий этих отраслей пострадала от пандемии коронавируса очень существенно. Логично в этих условиях и то, что одной из наиболее статистически значимых связей для динамики материального положения оказалась ее связь с оценкой последствий пандемии для доходов человека. Так, среди тех, чье материальное положение за год ухудшилось, 70% указали

на падение их доходов именно из-за пандемии (при 54% по массовым слоям населения в целом).

Если говорить о динамике материального положения россиян в их собственном восприятии за более длительный период, чем последний год, а именно с начала 2014 г. до марта 2022 г., то видно прежде всего (рис. 3.5), насколько болезненно пережили россияне экономический кризис, начавшийся во второй половине 2014 г. и закончившийся только в 2016 г. Следующий всплеск ухудшения их положения пришелся на период пандемии и также был достаточно тяжелым, хотя и несопоставимым по своей остроте с кризисом 2014–2016 гг. Однако все последние годы доля тех, чье положение, по их мнению, за год перед опросом ухудшилось, в разы превышала долю тех, у кого оно за это время улучшилось. Это означает, что процесс ухудшения их положения по отношению к началу 2014 г. затронул за этот период подавляющее большинство россиян. Стоит отметить, что до кризиса 2014–2016 гг. ситуация была принципиально иной, и, оценивая, например, в 2012 г. как изменилось их положение за период с весны 2009 г. — пика кризиса 2008–2009 гг. — до марта 2012 г., население страны в разы чаще отмечало его улучшение, а не ухудшение (38% против 13%). Таким образом, экономический кризис 2008–2009 гг. принципиально отличался от более поздних кризисов тем, что после него произошло сравнительно быстрое восстановление благосостояния населения, в то время как период между кризисами 2014–2016 гг. и 2020–2021 гг. не дал возможности большинству россиян восстановить свое благополучие. Именно на таком фоне длительного падения реальных доходов и многолетнего ухудшения материального положения граждан страны в их собственном восприятии и начался новый виток санкционной войны.

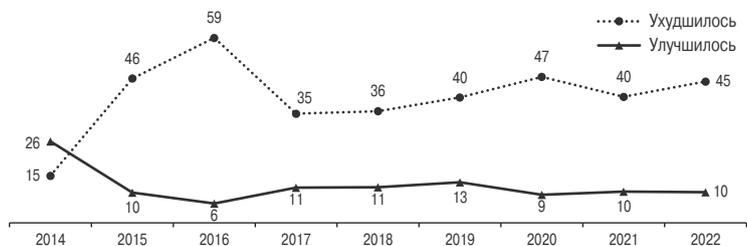

Рисунок 3.5. **Динамика оценок россиянами своего материального положения, 2014–2022 гг., %***

Примечание. * Выбравшие ответ «Положение не изменилось» на рисунке не представлены.

Динамика материального положения (как объективная, так и тесно с ней связанная субъективная) заметно сказывается на социальном самочувствии населения. В группе с негативной его динамикой в разы чаще, например, чем по населению в целом, собственная жизнь воспринимается как плохая и почти никогда — как хорошая (табл. 3.1). Достаточно мрачно видят россияне с нисходящей динамикой материального положения и свои перспективы на ближайший год — подавляющее большинство их ожидает его дальнейшего ухудшения.

Очень важно также, что динамика материального положения сильно сказывается на восприятии ситуации в социуме. Так, среди тех, чье материальное положение за последний год ухудшилось, в максимальной степени было распространено весной 2022 г. мнение, что санкции приведут к крайне негативным для России последствиям и необходимо предпринять все возможные меры для их снятия — так считали 48% тех, у кого оно ухудшилось и 31% тех, у кого оно скорее ухудшилось, при 26% по населению в целом. Максимальна среди них была и доля «катастрофистов» (15%). Более того, именно эта группа составляла большинство как среди «катастрофистов» (70%), так и среди крайне болезненно воспринимающих санкции Запада (65%). Это означает, что, во-первых, такие настроения среди населения носят в основном прагматически-утилитарный, а не идеологический характер, а во-вторых, что расширение группы с нисходящей динамикой их материального положения может привести к распространению установок на «катастрофизм» в обществе.

Тем не менее россияне в массе своей как собственной жизнью в целом, так и отдельными ее аспектами были весной 2022 г. скорее удовлетворены (табл. 3.2). И хотя была только одна сфера жизни, ситуацию в которой применительно к себе большинство (60%) россиян оценивали как хорошую, но всё же по основной массе различных аспектов жизни число воспринимающих ситуацию в них как хорошую превышало число воспринимающих ее как плохую. Особенно большие (более 40%) показатели дающих хорошие оценки соответствующим сферам своей жизни характеризовали такие сферы жизни, как доступность Интернета и цифровых технологий в целом, возможность общения с друзьями, место жительства, жилищные условия. Однако даже их оценивали как хорошие менее половины представителей массовых слоев. При этом были и такие стороны жизни, ситуация в которых вызывала среди россиян массовое недовольство. Это уже упоминав-

Таблица 3.2

Самооценки россиянами различных сторон своей жизни и жизни в целом, 2022 г., %*

(отранжировано по соотношению хороших и плохих оценок)**

Стороны жизни	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Соотношение, разы***
Отношения в семье	60	36	4	14,21
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	41	53	5	7,52
Возможность общения с друзьями	49	44	7	7,25
Место, в котором живут (город, поселок, село)	43	51	6	7,15
Питание	34	61	5	6,46
Жилищные условия	45	48	7	6,22
Положение, статус в обществе	32	61	7	4,54
Уровень личной безопасности	32	60	8	3,77
Ситуация с одеждой	27	65	8	3,17
Состояние здоровья	28	59	13	2,23
Возможность реализовать себя в профессии****	31	54	15	2,15
Экологическая ситуация в том месте, где живут	30	55	15	2,01
Ситуация на работе****	30	54	16	1,85
Возможности проведения досуга	27	55	18	1,46
Возможность получения необходимого образования и знаний	24	55	18	1,33
Возможность выражать свои политические взгляды	19	59	22	0,83
Материально обеспечены	14	64	22	0,61
Возможность отдыха в период отпуска	17	48	29	0,57
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	13	52	35	0,38
Уровень социальной защищенности в случае потери работы	8	43	45	0,17
Жизнь в целом складывается	25	68	6	4,02

Примечания. * Затруднившиеся с ответом в таблице не указаны. Черным фоном выделены показатели, превышающие по оценкам «хорошо» 50%, темно-серым – превышающие 40%, серым – превышающие четверть. Светло-серым фоном выделены показатели, по которым доля ответивших «плохо» была больше доли ответивших «хорошо». Цифры приведены от работающих.
 ** Общая сумма ответов здесь и далее в главе может быть менее 100%, так как в таблицах не указаны затруднившиеся с ответом.
 *** Соотношение оценок «хорошо» и «плохо».
 **** Цифры приведены от работающих.

шийся выше уровень социальной защищенности в случае потери работы, недоступность качественной медицинской помощи, в том числе платной, возможность отдыха в период отпуска, общая материальная обеспеченность и возможность выражать свои политические взгляды. По всем ним доля оценивающих их как плохие была больше, чем число оценивающих соответствующие стороны своей жизни как хорошие, причем по ряду из них – многократно больше.

Как показал факторный анализ⁸, всё представленное в таблице 3.2 многообразии сторон жизни распадается на 5 групп. Одна может быть условно названа «Повседневная жизнь» и включает в себя такие стороны жизни, как материальная обеспеченность в целом, качество питания, возможность приобрести необходимые одежду и обувь, жилищные условия, возможности проведения досуга, состояние здоровья и отношения в семье, причем ведущую роль в данной группе играют оценки питания и доступности необходимой одежды. Как видно из таблицы 3.2, этими составляющими своей жизни россияне в целом скорее довольны, чем недовольны (за исключением общей самооценки своего материального положения), хотя и оценивают их чаще как удовлетворительные, а не хорошие. Тем не менее ситуацию в повседневной жизни россиян, составляющей основу их бытия, в целом можно считать относительно благополучной.

Вторая группа характеристик их жизни может быть условно объединена в понятие «Занятость». В нее входят такие аспекты жизни работающих россиян, как общая ситуация на работе (именно эта переменная является ведущей в данной группе), возможность реализовать себя в профессии, возможность отдыха в период отпуска, уровень социальной защищенности в случае потери работы, возможность получения необходимого образования и знаний, а также доступность Интернета и цифровых технологий в целом. Здесь наиболее критична ситуация с уровнем социальной защищенности в случае потери работы и возможностью полноценно отдохнуть в отпуск. Кроме того, лишь менее 30% работающих россиян оценивали весной 2022 г. общую ситуацию у себя на работе как хорошую. Ключевую роль для такой оценки играли (в порядке убывания их сравнительной значимости при ее оценке с помощью регрессионного анализа в программе Chaid) восприятие человеком возможности самореализовать себя в профессии, отноше-

⁸ Использовался метод Варимакс с двойным вращением, процент объясненной дисперсии – 57%.

ния с коллегами по работе, характер собственности предприятия по месту работы, возможность получения необходимого образования и знаний, профессиональный статус и размер заработной платы. Значимость этих характеристик для оценки ситуации у себя на работе, хотя и с чуть иной иерархией, подтвердил также корреляционный анализ (табл. 3.3). Столь малое в сравнении с другими характеристиками работы влияние размера зарплаты на общие ее оценки подтверждает искренность россиян, когда на верхние позиции в рейтинге всех аспектов жизни при определении понятия жизненного успеха они ставят возможность самореализоваться и проявить себя, а не заработок (опережают эту возможность только счастливая семья и хорошее здоровье).

Третью группу переменных, характеризующих разные стороны жизни россиян и определившуюся при факторном анализе включенных в таблицу 3.2 переменных, можно условно назвать «Ближайшее окружение». Она включает всего две примерно равные по значимости переменные (оценки возможности общения с друзьями и оценки места проживания). С ними у россиян в основном всё обстоит относительно благополучно.

Четвертую группу переменных можно условно назвать «Социум для человека». Она включает в себя такие аспекты жизни, как возможность выражать свои политические взгляды (являющаяся ключевой для данной группы), экологическая ситуация в месте проживания, уровень личной безопасности и возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную. Восприятие социума с точки зрения его влияния на их собственную жизнь у россиян довольно противоречиво. Если с оценками личной безопасности на фоне других компонентов этой группы все обстоит относительно благополучно (хотя лишь менее трети всех россиян оценивают ситуацию со своей личной безопасностью как хорошую), то с оценками экологической ситуации, доступности качественной медицинской помощи или возможности выражать свои политические взгляды ситуация выглядит очень напряженной.

Наконец, последняя, пятая группа включает в себя только один компонент и может быть в соответствии с ним названа «Место в социальной иерархии». С этой стороной жизни россиян всё обстоит относительно неплохо, и около трети ставят своему месту в обществе оценку «хорошо», хотя 7% всё же ощущают себя социальными аутсайдерами. Спецификой последних (помимо большей скептической их самооценок всех сторон собственной жизни)

является прежде всего куда более мрачное видение собственного будущего. Так, среди ощущающих себя социальными аутсайдерами 82% ощущали весной 2022 г. в отношении своего будущего чувства беспокойства, страха, отчаяния или паники, в то время как среди хорошо оценивавших свой статус в обществе таких было всего 34%, в том числе 28% испытывали просто беспокойство, а не более тяжелые чувства. Естественно при таких умонастроениях, что лишь 11% оценивших свой статус в обществе как плохой в качестве доминирующего у них чувства называют при характеристике своего психологического состояния спокойствие, а все остальные говорят об апатии, тревожности, раздраженности, озлобленности или агрессии. Что же касается объективных характеристик данной группы, менее ярко выделяющих ее на общем фоне, чем социально-психологическое состояние, но всё же статистически значимых, то это нисходящая динамика материального благосостояния (затронувшая 68% ее членов) и специфика их профессиональных позиций – в массе своей (62% при 34% среди всех россиян) это либо рядовые работники торговли и бытового обслуживания (продавцы, кассиры, приемщицы и т.д.) – 27% от состава группы, либо рабочие средней и, особенно, низкой квалификации (35%). Все остальные профессиональные группы представлены в ее составе либо на уровне населения в целом, либо ниже этого уровня. В то же время обратное неверно – даже среди рядовых работников торговли и низкоквалифицированных рабочих лишь каждый десятый ощущает себя социальным аутсайдером, как и среди тех, чье положение за последних год ухудшилось.

Интересно также, что ощущающие себя социальными аутсайдерами резко критически настроены по отношению к реализуемой стратегии развития России, и в этом отношении «низы» российского общества солидаризируются со многими «звездами» российского шоу-бизнеса, оказываясь с ними, хотя и по разным причинам, в едином маргинальном «вне-мейстриме». Во всяком случае, 60% оценивших свой статус в социальной иерархии как плохой считали весной 2022 г., что путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик (при 18% у оценивающих его как хороший); лишь 19% их полагали, что военная спецоперация на Украине рано или поздно была неизбежна (при 60% у оценивающих этот статус как хороший) и т.п.

Ключевым при анализе данных таблицы 3.2 является, впрочем, вопрос о том, что же в наибольшей степени из всех сторон жизни влияет на удовлетворенность средним россиянином своей

жизнью в целом. Как свидетельствует корреляционный анализ, наиболее глубоко россияне дифференцируют в данном отношении качество питания и доступность необходимой одежды, а также их самооценки своего статуса и материального положения (табл. 3.4). Почти примыкает к этой группе и такая сторона жизни россиян, как личная безопасность. Всё это свидетельствует о том, что российское общество еще находится в эпохе «выживания» с характерным для нее набором ценностей и норм⁹. Для удовлетворенности своей жизнью в таком типе обществ важны в первую очередь те стороны жизни, которые связаны с базовыми формами безопасности — экономической (питание, одежда, материальная обеспеченность в целом) и личной, относящейся к себе и собственному имуществу. Невозможность обеспечить даже эти базовые формы безопасности приводит к ощущению себя социальным аутсайдером, что, в свою очередь, способствует принятию точки зрения об ошибочности пути развития России и скепсису в отношении реализуемых руководством страны конкретных действий.

Эти выводы позволяют глубже понять полученные в ходе исследования данные о готовности россиян к самоограничениям ради укрепления безопасности России и ее суверенитета на международной арене. В целом россияне в массе своей скорее готовы были весной 2022 г. к таким жертвам — лишь 13% их были не готовы ни к одному из перечисленных в таблице 3.5 ограничений ради своей страны. Однако, как видно из таблицы 3.5, большинство россиян готово было согласиться лишь с четырьмя ограничениями — отказаться от продуктов питания из стран Запада, от использования банковских карт систем Visa и MasterCard, от произведенных на Западе товаров длительного пользования (гаджеты, одежда, бытовая и компьютерная техника и др.) и от туристических и деловых поездок в страны Евросоюза и США. Мы не будем здесь подробно говорить о причинах этого, отметим лишь, что это могло быть и низкое мнение о качестве поставляемых в Россию западных продуктов, и наличие альтернативных банковских платежных систем, и гипотетический характер для подавляющего большинства россиян поездок в страны «коллективного Запада». Менее понятна готовность отказаться от

⁹ *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011; *Рональд Ф. Инглхарт.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир (Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World). Мысль, 2018.

Таблица 3.4

**Коэффициент Спирмена для самооценок россиянами своей жизни
в целом и различных ее сторон, 2022 г.**
(отранжировано по уровню значимости связей)

Стороны жизни	Показатели коэффициента Спирмена
Питание	0,521
Возможность приобрести необходимые одежду и обувь	0,505
Положение, статус в обществе	0,504
Материальная обеспеченность	0,503
Уровень личной безопасности	0,472
Возможности проведения досуга	0,438
Место проживания (город, поселок, село)	0,416
Возможность реализовать себя в профессии	0,404
Ситуация на работе	0,400
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	0,398
Возможность получения необходимого образования и знаний	0,390
Возможность отдыха в период отпуска	0,390
Состояние здоровья	0,388
Жилищные условия	0,384
Возможность общения с друзьями	0,382
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	0,381
Возможность выражать свои политические взгляды	0,347
Уровень социальной защищенности в случае потери работы	0,341
Экологическая ситуация в месте проживания	0,324
Отношения в семье	0,321

произведенной на Западе техники, прежде всего компьютерной, но, видимо, россияне небезосновательно предполагали, что основную ее часть можно будет заменить произведенной в других регионах мира. Малоактуальна для населения страны также проблема хранения денег в иностранной валюте, и даже те, для кого она хотя бы гипотетически существует, готовы были в массе своей от такой возможности отказаться. Как подтвердило поведение россиян, когда все эти ограничения в большей или меньшей степени стали реальностью, эти их установки были достаточно реалистической оценкой собственных реакций – никакой массовой протестной

Таблица 3.5

Готовность россиян к ограничениям ради укрепления безопасности России и ее суверенитета на международной арене, 2022 г., %
(отранжировано по доле готовых пойти на соответствующие ограничения) *

Ограничения	Готовы на это пойти	Не готовы на это пойти	К ним это не относится
Отказаться от продуктов питания из стран Запада	77	14	9
Отказаться от использования банковских карт систем Visa и MasterCard	59	22	19
Отказаться от товаров длительного пользования, произведенных на Западе (гаджеты, одежда, бытовая и компьютерная техника и др.)	57	36	7
Отказаться от туристических и деловых поездок в страны Евросоюза и США	55	13	32
Отказаться от хранения денег в иностранной валюте	47	12	41
Отказаться от свободного пользования Интернетом и некоторыми социальными сетями	36	56	8
Согласиться с дальнейшим ростом цен	10	89	1
Согласиться с замораживанием на ближайший год заработных плат и пенсий	9	86	5
Согласиться с повышением налогов для граждан	8	87	5
Согласиться с тем, что на какое-то время они могут оказаться без работы	8	77	15

Примечание. * Здесь и в таблице 3.6 серым фоном выделены показатели, превышающие 50%.

активности из-за возникновения соответствующих ограничений в стране не наблюдалось.

В то же время, как видно из таблицы 3.5, россияне категорически не готовы были тогда отказаться от свободного пользования Интернетом и некоторыми социальными сетями. Не согласны они были и на дальнейший рост цен, замораживание на ближайший год заработных плат и пенсий, повышение налогов, а также оказаться на какое-то время без работы. В целом же как минимум на один из перечисленных в таблице 3.5 видов ограничений, от которых они могли пострадать из-за последствий антироссийских санкций, согласны были весной 2022 г. 87% россиян, а не согласны, соответственно, 13%. При этом более половины (56%) россиян согласны были перетерпеть даже последствия четырех и более видов таких санкций.

Примерно так же выглядела их позиция на этот счет и после введения антироссийских санкций в 2014 г., после воссоединения Крыма с Россией (табл. 3.6). Как и сейчас, россияне тогда не готовы были (или, точнее, активно этого не хотели, поскольку протестных выступлений из-за падения их реальных доходов в этот период не было) к ухудшению ситуации с «денежной составляющей» их жизни, но в большинстве своем были готовы отказаться от продуктов питания и популярных товаров из стран Запада, от поездок в эти страны и от хранения денег в иностранной валюте.

Таблица 3.6

Готовность россиян к ограничениям ради укрепления безопасности России и ее суверенитета на международной арене, 2014 г., %
(отражировано по доле готовых пойти на соответствующие ограничения)

Ограничения	Готовы на это пойти	Не готовы на это пойти	К ним это не относится
Отказаться от продуктов питания из стран Запада	79	12	9
Отказаться от товаров длительного пользования, произведенных на Западе (мебель, одежда, бытовая и компьютерная техника и др.)	64	25	10
Отказаться от туристических и деловых поездок в страны Евросоюза и США	55	18	27
Отказаться от хранения денег в иностранной валюте	51	12	37
Отказаться от использования банковских карточек международных платежных систем Visa и Master-Card	46	24	30
Отказаться от свободного пользования Интернетом и пользования некоторыми социальными сетями	37	41	22
Согласиться с повышением налогов для граждан	12	82	6
Согласиться с замораживанием в ближайшие годы зарботных плат и пенсий	10	84	6

Решающую роль в готовности россиян идти на определенные самоограничения ради сохранения суверенитета страны играют мировоззренческие факторы, и главный среди них – одобрение или неодобрение проведения военной спецоперации на Украине. Как видно на рисунке 3.6, среди тех, кто был не готов вообще ни к каким ограничениям ради укрепления безопасности России и ее суверенитета на международной арене, лишь около 15% в той или

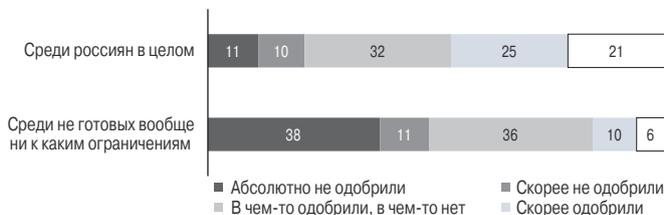

Рисунок 3.6. **Взаимосвязь готовности россиян к ограничениям ради укрепления суверенитета России и одобрение/неодобрение СВО России на Украине, 2022 г., %**

иной степени одобряли эту спецоперацию. В то же время среди россиян в целом таких была почти половина, а без учета не готовых к ограничениям — даже более половины.

Тесно связаны с этой готовностью также доверие президенту России, взгляды на то, можно ли было избежать этой спецоперации и т.д. Однако значимыми для готовности к ограничениям в условиях санкций являются и некоторые материальные аспекты жизни. Так, например, среди не готовых вообще ни к каким ограничениям ради суверенитета России почти две трети (62%) составляли весной 2022 г. те, чье материальное положение за год перед опросом и без того ухудшилось. Кроме того, более трети их оценивали свое материальное положение как плохое, что в полтора раза больше, чем по россиянам в среднем. Таким образом, неготовность к ограничениям ради суверенитета и безопасности России проявляли в первую очередь люди, недовольные как своим материальным положением в целом, так и его нисходящей динамикой. Однако обратное верно лишь отчасти — только каждый пятый из оценивавших свое материальное положение как плохое или тех, у кого оно ухудшилось и скорее ухудшилось, не готовы были ни к каким жертвам ради безопасности своей страны.

Объективная экономическая ситуация в домохозяйствах рассматриваемой группы также была несколько хуже, чем по населению в целом. Так, среди них был 41% (при 31% у остальных россиян) тех, у кого среднедушевые доходы в домохозяйствах не превышали 0,75 медианного дохода для их типов поселений и лишь 22% (при 30% по остальным россиянам) тех, у кого эти доходы превышали 1,25 медианного. Заметно выше, чем у остальных россиян, была среди них и доля имеющих низкие индивидуальные доходы (29% против 40% у остальных россиян). Однако и это лишь количественные, а не качественные различия, т.е.

такие различия, которые характеризовали бы большинство соответствующих групп.

Всё вышесказанное означает, что для неготовности идти на обычные бытовые жертвы ради своей страны материальное положение человека имеет значение, но лишь опосредованное. Главную роль играют всё же мировоззренческие факторы, а материальное положение человека значимо лишь постольку, поскольку оно связано с его мировоззрением.

Посмотрим теперь на материальное положение россиян в целом и отдельных их групп более детально. Как свидетельствуют полученные данные, спектр финансовых стратегий, которые россияне используют, достаточно широк – от простого «растрачивания» всех доходов на текущие нужды до сложных финансовых стратегий, предполагающих сочетание разных форм инвестиций и сбережений с теми или иными типами долговой нагрузки. Однако сначала оценим общее число имеющих те или иные финансовые активы и/или пассивы. Как видно из рисунка 3.7, большинство россиян вообще не имели весной 2022 г. никаких сбережений, а основную массу тех, у кого эти сбережения всё-таки имелись, составляли те, у кого они были невелики и не позволяли «продержаться» достаточно длительное время в случае потери работы. В то же время почти 10% представителей массовых слоев имели довольно крупные сбережения.

Эти данные свидетельствуют о том, что в России всё еще довольно активно идет изменение финансового поведения населения. Так, практически вчетверо (рис. 3.8) только за последние 4 года сократилось число сторонников пассивного финансового поведения, не предполагающего ни долгов, ни сбережений

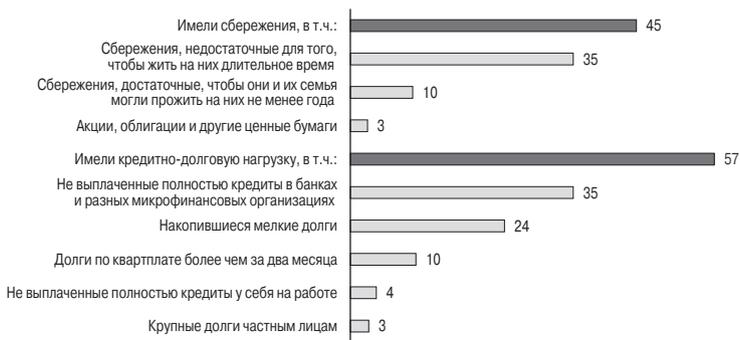

Рисунок 3.7. Финансовые активы и пассивы россиян, 2022 г., %

Рисунок 3.8. **Динамика наиболее распространенных видов финансового поведения россиян, 2022 г., %**

в любых их видах. Если же говорить о более длительном периоде, то численность пассивного в финансовом отношении населения сократилась почти в 6 раз, и основные изменения в этом отношении пришлось именно на последние 4 года. В основном они были связаны с резким ростом, с одной стороны, накопившихся мелких долгов (хотя выросла доля имеющих все виды долговой нагрузки), а с другой – числа имеющих мелкие сбережения, которые в условиях участвовавших внешних шоков и постоянной турбулентности начало формировать относительно большее число россиян. При этом число имеющих крупные сбережения выросло всего на 2 п.п. Линейно растет уже почти 20 лет доля получающих кредиты в финансовых организациях, а в последнее десятилетие – и доля имеющих долги по квартплате. В этих условиях важно понять, для кого характерны обеспечивающие существенный «запас прочности» крупные сбережения, а для кого – те или иные виды долгов, особенно долгов по квартплате и накопившихся мелких долгов¹⁰.

Начнем с имеющих крупные сбережения. В массе своей, что неудивительно, эти люди сосредоточены среди наиболее благополучных в финансовом отношении слоев населения: 74% их имеют среднедушевые доходы в своих домохозяйствах более 1,25 медианного дохода для своих типов поселений. Большинство их (51%)

¹⁰ Ранее в литературе уже отмечалось, что это в основном представители наиболее неблагополучных слоев (*Тихонов А.А.* Влияние изменений в системе неравенств на особенности финансового поведения россиян в 2003–2018 гг. / Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Сборник материалов / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 416–419). Однако этот вывод относился к данным пятилетней давности и нуждался в проверке применительно к сильно изменившимся за эти годы условиям.

имеют высшее образование, а 6% — даже два высших образования или окончили аспирантуру, в то время как для остальных россиян эти показатели составляют 35% и 3%. Однако обратное неверно — даже среди тех, кто имеет два высших образования, окончил магистратуру или аспирантуру, а также защитил диссертацию, доля имеющих крупные сбережения составляет всего 17% (что лишь в 1,67 раза выше, чем среди тех, кто не имеет никакого профессионального образования).

Среди других их характерных особенностей — проживание в крупных городах и повышенная доля в их составе руководителей, предпринимателей и самозанятых. В меньшей степени это можно отнести к специалистам, работающим на должностях, предполагающих высшее образование: лишь 11% их имели крупные сбережения при 10% по массовым слоям населения. Примерно такие же особенности характеризуют и ту часть массовых слоев, которая имеет акции, облигации, паи в ПИФах и т.п. Среди них также повышенная доля жителей столиц страны и регионов (59% при 39% по не имеющим ценных бумаг россиянам), относительно высокодоходных слоев населения (59%), руководителей разного уровня (28%). Ровно половина имеющих крупные сбережения (при 36% среди остальных россиян) получили высшее образование.

Совсем иные особенности присущи тем, кто характеризуется наличием кредитно-долговой нагрузки. А ее, увы, имели весной 2022 г. большинство (57%) россиян, причем у 16% всех представителей массовых слоев были как минимум два вида такой нагрузки (уточним, что в данном случае не имеется в виду число кредитов в банках и микрофинансовых организациях, учитывался лишь сам факт наличия таковых наряду с другими видами кредитно-долговой нагрузки). Так, хотя в целом наличие такой нагрузки распределено по всем типам поселений довольно равномерно (единственное исключение — несколько меньшая распространенность ее в двух столицах страны, где долгов не имела в марте 2022 г. половина представителей массовых слоев), но множественная долговая нагрузка тяготеет всё же к концентрации ее прежде всего в «малой России» — в сельской местности и особенно в малых городах. При этом в малых городах это относительно чаще кредиты в банках и микрофинансовых организациях, а в селах — накопившиеся мелкие долги, долги по квартплате, кредиты, взятые на работе, и крупные долги частным лицам (табл. 3.7).

Таким образом, разные типы поселений демонстрируют разную структуру долговой нагрузки, следствием чего являются разные

Таблица 3.7

Особенности кредитно-долговой нагрузки в разных типах поселений, 2022 г., %*

Кредитно-долговая нагрузка	Москва и Санкт-Петербург	Центры субъектов РФ	Другие города	Сельская местность (ПГТ и села)
Имеют кредитно-долговую нагрузку, в т.ч.:	50	57	60	58
Не выплаченные полностью кредиты в банках и разных микрофинансовых организациях	33	37	40	30
Накопившиеся мелкие долги	19	21	24	30
Долги по квартплате более чем за два месяца	9	8	11	12
Не выплаченные полностью кредиты у себя на работе	2	3	5	5
Крупные долги частным лицам	2	2	4	4
Имеют два и более вида кредитно-долговой нагрузки	12	12	18	18

Примечание: * Темным фоном выделены показатели меньше средних по массиву на 3% и более, светлым – больше средних по массиву на такую же величину. Жирным шрифтом выделены показатели, различающиеся в полярных типах поселений более чем вдвое.

социально-экономические последствия в случае невыполнения долговых обязательств. Если несоблюдение кредитной дисциплины по отношению к банкам и микрофинансовым организациям чревато столкновением с коллекторами и испорченной кредитной историей, то не отданные частным лицам долги в сельской местности влекут за собой проблемы с положением человека в местном сообществе, а кредиты на работе, которые работодатель в любом случае будет гасить из зарплаты, чреватые не только невозможностью сменить работу, как бы ни складывалась ситуация на ней до полного погашения кредита, но и возможной нехваткой средств на текущее потребление в ситуации быстрого роста цен, т.е. именно той ситуацией, с которой Россия столкнулась в последнее время.

Что же касается уровня доходов, то он влияет скорее на структуру долговой нагрузки, чем на наличие кредитно-долговой нагрузки как таковой. Так, среди имеющих невыплаченные долги и кредиты в группе со среднедушевыми доходами более 1,25 от медианного, повышенная доля тех, кто имеет крупные долги частным лицам и взятые у работодателя кредиты, и пониженная – тех, у кого есть накопившиеся мелкие долги или задолженность по квартплате.

При этом ситуация с кредитами, взятыми в финансовых структурах, у них в целом такая же, как у россиян, имеющих среднедушевые доходы в домохозяйствах не выше 1,25 медианы доходного распределения в своих типах поселений.

В профессиональном плане различия в распространенности кредитно-долговой нагрузки между группами есть, но они также невелики. Однако в целом можно сказать, что кредитно-долговая нагрузка чуть в меньшей степени характерна для групп, традиционно рассматриваемых как основа для формирования среднего класса (руководители, профессионалы, предприниматели) и несколько в большей степени — для рабочих (особенно низко- и неквалифицированных), а также рядовых работников торговли и бытового обслуживания. Однако структура этой нагрузки у представителей разных групп различается довольно существенно. Так, например, у неквалифицированных рабочих и профессионалов долги банкам и микрокредитным организациям встречаются максимально часто (46% и 44% соответственно), хотя за этими цифрами стоят, видимо, в первом случае микрофинансовые структуры, а во втором — банки. Для высококвалифицированных рабочих и руководителей характерна повышенная (10% и 8% соответственно) доля имеющих кредиты на работе. У служащих без высшего образования чаще (5%), чем в среднем, можно встретить крупные долги частным лицам. Однако наибольшие различия характеризуют ситуацию с накопившимися мелкими долгами и долгами по квартплате более чем за два месяца (рис. 3.9). Профессионалы и руководители в гораздо меньшей степени склонны к формированию такого рода долгов, а в наибольшей степени они характерны для рабочих.

Понимание специфики финансовых действий разных групп населения важно, так как именно оно позволяет лучше понять, у каких групп даже после нескольких последних тяжелых лет есть определенный «запас прочности», а кто без наращивания кредитно-долговой нагрузки не в состоянии справиться с текущими расходами — не случайно среди тех, кто говорил весной 2022 г. об ухудшении своего материального положения, в последний год перед опросом имели долги 64%, в том числе накопившиеся мелкие долги — 30%. Кроме того, среди характеризовавших свое материальное положение как плохое долги имели 77%, как удовлетворительное — 55%, а как хорошее — всего 37%. Как видим, разрывы между полярными группами в этом отношении более чем двукратные, а по накопившимся мелким долгам — почти четырехкратные (38% против 10%).

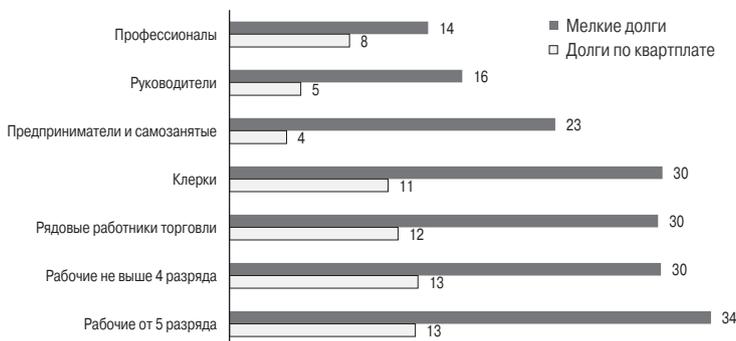

Рисунок 3.9. **Распространённость накопившихся мелких долгов и долгов по квартплате в разных профессиональных группах, 2022 г., %**

Важно подчеркнуть, впрочем, что отношение к кредитно-долговой нагрузке зависит не только от материального положения и его динамики, но и от общих поведенческих установок. Не случайно реже всего имеют долги вообще и накопившиеся мелкие долги в частности неработающие пенсионеры – лишь 42% их (при 63% по работающему населению в целом) имели весной 2022 г. долги, а среди тех, кто старше 65, таких вообще было всего 25%. Накопившиеся же мелкие долги имели лишь 21% пенсионеров, в том числе всего 14% среди лиц старше 65 лет. Правда, и отдавать долги пенсионерам обычно тяжелее, чем работающим.

Одалживание денег является одним из значимых действий, которые россияне предпринимают для поддержания своего материального положения, – 12% их используют именно этот способ для решения своих материальных проблем и еще 17% получают помощь со стороны своих родственников, соседей, друзей и т.д. (рис. 3.10). Мы говорим об этих способах как о близких по своей сути, поскольку в долг, особенно мелкие суммы, даются зачастую с пониманием, что вряд ли они будут возвращены. Более того – обычно даже непонятно, если всё-таки они будут возвращены, то когда. А поскольку в долг мелкие займы между физическими лицами даются, как правило, без процентов, то они находятся где-то на грани между прямыми межличностными денежными трансфертами и стандартными формализованными кредитами.

Среди других действий, которые чаще всего использовали россияне весной 2022 г. для сохранения или улучшения своего положения – хотя бы частичное самообеспечение продуктами питания и различные виды вторичной занятости. При этом из данных

Рисунок 3.10. **Динамика распространённости различных действий по поддержанию своего материального положения, 2014/2022 гг., % от предпринимавших такие действия в течение предыдущего года**

рисунок 3.10 видно, что с начала санкционной войны Запада против России после «Крымской весны» россияне стали «крутиться» гораздо активнее. Однако эта активизация с использованием всех доступных им ресурсов не принесла большинству из них ожидаемых результатов, о чем свидетельствует описанная выше ситуация с динамикой их материального положения. Отчасти это связано с тем, что максимальный рост из всех действий по улучшению своего материального положения показала распространённость малоэффективного в экономическом отношении самообеспечения продуктами питания, в то время как куда более эффективная вторичная занятость выросла заметно меньше (с 57% до 63%, в том числе стабильная вторичная занятость — лишь с 33% до 35%, основной же прирост дали ненадежные временные приработки).

Из других действий россиян по улучшению своего положения стоит назвать действия, связанные с активизацией использования имеющихся ресурсов. Более чем в полтора раза выросло за последние восемь лет число тех, кто использует подсобное хозяйство не только для производства продуктов для себя, но и для прода-

жи, и втрое выросло число использующих имеющееся имущество для получения доходов от аренды. Однако эти цифры скрывают за собой не рост числа фермеров или рантье, а сложные стратегии по активизации даже самых ничтожных ресурсов наименее благополучной частью населения, которая ранее не использовала эти свои активы для получения дополнительных доходов в силу низкой эффективности соответствующей деятельности. Во всяком случае, даже с учетом доходов от нее большинство в обеих этих группах составляли в основном люди, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых не превышали 1,25 медиан доходов в их типах поселений (для торгующих произведенной ими сельхозпродукцией эта доля составляла 68% всей группы, а для получающих доходы от аренды – 53%).

Что же касается действий, связанных с изменением своего положения на рынке труда, то переквалификацией ради получения новой работы занимается сравнительно малая часть населения. Это говорит о том, что россияне слабо верят в возможность получить хорошую работу по итогам повышения квалификации или переквалификации на курсах, а также о структурных дисбалансах на самом рынке труда – с одной стороны, все признают нехватку рабочей силы в силу очередной «демографической ямы» лиц трудоспособных возрастов. С другой стороны, рынок труда не учитывает при формировании зарплат на ряде вакансий невозможности при соответствующей занятости дополнительной работы, которая стала уже своего рода нормой для всех, кто готов ради улучшения своего материального положения к высоким трудовым нагрузкам.

В заключение рассмотрения действий россиян по улучшению своего материального положения кратко охарактеризуем тех, кто ничего не предпринимал ради улучшения или хотя бы сохранения своего материального положения. За период с марта 2014 г. до марта 2022 г. их число заметно сократилось – с 35% до 27%. Причем сократилось как число тех, кто ничего не предпринимал, так как не видел в этом необходимости, поскольку своим положением был итак доволен (с 16% до 11%), так и доля в населении тех, кто ничего не предпринимал, так как считал, что ничего не может сделать для улучшения своего положения (с 21% до 16%).

Группа тех, кто и в непростых условиях весны 2022 г. ничего не предпринимал для улучшения своего положения, так как считал, что у него нет для этого возможностей, имеет четко выраженное лицо. Это в основном (69%) жители нестоличных российских городов, не имеющие ни участков для подсобного хозяйства, ни воз-

возможностей использовать широкий рынок труда столиц, ни высокоресурсных социальных сетей. Почти половина из них (47%) получала очень низкие (не выше 0,75 медианного дохода в своих типах поселений) индивидуальные доходы (зарплаты, пенсии и т.д.), и только 17% характеризовались финансовым благополучием. Учитывая, что это относительно чаще были рядовые работники торговли (продавцы, кассиры и т.п.) и низкоквалифицированные рабочие, составлявшие в сумме 42% данной группы, и еще 44% в ней составляли пенсионеры с низкими пенсиями, их пассивная позиция не удивительна. Группа в целом смещена в старшие возраста: 54% в ней это люди старше 50 лет, не пользующиеся популярностью на рынке труда. Примерно столько же (55%) в ее составе тех, чье положение за последний год ухудшилось. Словом, это люди, действительно в большинстве своем находящиеся в тяжелом положении и не имеющие в массе своей объективных возможностей его улучшить.

Те же, кто может позволить себе не предпринимать никаких дополнительных действий по улучшению своего положения, так как оно их устраивает, это в основном жители столиц и центров субъектов РФ (57%) со средними или относительно высокими среднедушевыми доходами в домохозяйствах (лишь 16% их имели доходы не выше 0,75 от медианы в своих типах поселений). Более половины (56%) имели высшее образование, 60% являлись профессионалами, руководителями и предпринимателями. В отличие от вынужденно пассивных они не характеризуются возрастной асимметрией и лишь у каждого пятого из них положение за последний год ухудшилось, однако не настолько, чтобы заставить их начать «крутиться», тем более что свои перспективы они обычно оценивали довольно оптимистично. Видимо, оптимизма им добавляли не только сравнительно высокие текущие доходы в их домохозяйствах, но и имеющаяся у них «подушка безопасности» — 64% их не имели долгов, а множественная кредитно-долговая нагрузка вообще встречалась лишь у 4% членов данной группы. С другой стороны, две трети ее (63%) имели сбережения, в том числе 21% — позволяющие прожить на них не менее года.

В заключение отметим, что, если говорить об общем и особенном в изменении социально-экономического положения различных традиционно анализируемых социологами групп российского населения, то за исключением тех небольших нюансов в положении групп, о которых шла речь выше, различия в благосостоянии представителей этих групп обусловлены обычно индивидуальной

ситуацией в конкретном домохозяйстве — иждивенческой нагрузкой, требующим дополнительных расходов здоровьем его членов и т.п. Общего между всеми поселенческими, образовательными, профессиональными, возрастными и т.д. группами заметно больше, чем особенного, и в этом смысле можно говорить о слабой дифференциации благосостояния массовых слоев населения по каким-то традиционным формальным признакам. Эту тенденцию не отменяет даже относительно глубокая дифференциация их текущих доходов, о которой шла речь в начале данной главы. Наиболее значимым из дифференцирующих признаков для этих слоев оказывается в современном российском обществе не доход, а профессиональный статус, в некоторых вопросах — возраст.

Во всех группах россиян типичный среднедушевой доход по итогам следовавших друг за другом в течение ряда лет кризисов разной природы составляет, как правило, не более 1,25 медианы доходного распределения в соответствующих типах поселений. Максимальный показатель имеющих более высокие доходы, чем этот своего рода «порог благополучия»¹¹, — у предпринимателей и самозанятых, а также у руководителей и профессионалов. Однако и у них доля имеющих такие относительно высокие среднедушевые доходы составляет 47–49%, то есть менее половины соответствующих групп. Минимальный же показатель лиц с таким уровнем среднедушевых доходов в домохозяйствах — среди пенсионеров (12%).

Более заметно различается в отдельных социальных группах ситуация с финансовыми активами и пассивами, поскольку на отношение к сбережениям и долгам, помимо размера доходов, влияет множество факторов — от способности к долгосрочному планированию своей жизни, по-разному выраженной, например, в разных образовательных группах, до возраста. Соответственно, доля имеющих сбережения составляет более половины (63%) жителей двух столиц страны с их более высокими доходами при том, что в других типах поселений она составляет 40–46%; у предпринимателей и самозанятых, а также руководителей и профессионалов (53–59%) при 32–42% в других профессиональных группах; у лиц с высшим

¹¹ О том, почему именно границу в 1,25 поселенческой медианы можно считать в современной России таким порогом, см.: Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под ред.: Н.Е. Тихонова. М.; СПб.: Издательство Нестор-История, 2018.

образованием (56%) при том, что все россияне с иным образовательным уровнем имеют сбережения менее чем в 40% случаев. Выше половины имеют сбережения также в группе пенсионеров.

Что же касается долгов, то по их наличию россияне дифференцированы гораздо меньше, чем по сбережениям. Большинство не имеет долгов только среди лиц с высшим образованием и среди пенсионеров. При этом минимальный показатель имеющих кредитно-долговую нагрузку среди россиян старше 65 лет (25%). Максимален же показатель имеющих долги у низко- и неквалифицированных рабочих — 71%. Во всех остальных группах доли имеющих кредитно-долговую нагрузку близки и составляют более половины.

Очень похоже в разных социальных группах и восприятие своего материального положения в целом и отдельных его сторон. Так, хорошо оценивают свое материальное положение от 6% (у рядовых работников торговли и бытового обслуживания) до 30% среди предпринимателей и самозанятых. Как видим, хотя разрыв между ними в этом отношении довольно велик, однако безусловное большинство и той, и другой группы оценивают свое материальное положение как удовлетворительное. Плохим реже всего его считают профессионалы (13%), а чаще всего — россияне без всякого профессионального образования (28%).

Еще более единодушно население в оценках таких сторон своего материального положения, как питание или возможность приобретения необходимой одежды. Единственным исключением является группа до 25 лет, незначительное большинство которой (51%) сказало, что они питаются и одеваются хорошо. Во всех остальных группах доминируют оценки соответствующих возможностей как удовлетворительных.

Близка у работающих представителей разных групп и ситуация на работе. Хорошо ее оценивают от 18% у работающих пенсионеров 56–65 лет, среди которых (видимо, из-за страха потерять работу, возрастной дискриминации и тяжести производственных нагрузок с учетом состояния здоровья) этот показатель минимален, до 39% у профессионалов. Как плохую ее характеризуют от 10% служащих на должностях, не требующих высшего образования, до 21% у лиц 46–55 лет. Как видим, ситуация на работе — единственный аспект экономической стороны жизни россиян, который связан с принадлежностью к той или иной возрастной группе (а точнее — к тем, кто приближается к 50 годам или уже перешел этот рубеж) по крайней мере не в меньшей степени, чем с профессиональным стату-

сом. То же относится к оценкам россиянами уровня их социальной защищенности в случае потери работы — в этом отношении все группы достаточно единодушны, только в группе 46–55-летних с показателем 54% доминирует их оценка как плохих.

Очень скептически настроено большинство во всех социальных группах и в отношении своих возможностей получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную. Хорошо эти возможности оценивают от 7% рядовых работников торговли и бытового обслуживания до 21% предпринимателей и самозанятых. Гораздо выше во всех социальных группах доля оценивающих эти возможности как плохие — она составляет от 26% у предпринимателей до 42% у 46–55-летних россиян. Тем не менее доминирующей у всех групп является оценка этих возможностей как удовлетворительных.

Ярче всего выражена дифференциация материального положения представителей различных групп в отношении такого его аспекта, как жилищные условия. Их оценивают как хорошие большинство жителей Москвы и Санкт-Петербурга (53%), имеющие высшее образование россияне (55%), предприниматели, руководители и профессионалы (54–65%), а также молодежь до 25 лет (54%). Все остальные группы в массе своей оценивают свои жилищные условия как удовлетворительные, а максимальна доля оценивающих их как плохие у работников торговли и бытового обслуживания (11%).

Учитывая всё вышесказанное, неудивительно, что и оценки их жизни в целом у всех социальных групп в целом похожи. Хорошо ее оценивают от 16% рядовых работников торговли и бытового обслуживания до 40% у руководителей. Плохо — от 2% предпринимателей и самозанятых до 9% россиян старше 65 лет.

Как видно из приведенных выше, а также не вошедших в главу данных, по хорошим оценкам межгрупповая дифференциация среди россиян выражена сильнее, чем по плохим. Сильнее всего межгрупповая дифференциация выражена в отношении тех материальных сторон жизни, которые связаны с долгосрочным планированием: ситуации с жильем, сбережениями, долгами. В целом же можно утверждать, что внутригрупповая дифференциация сейчас в российском обществе больше, чем межгрупповая.

Это в полной мере относится и к другим рассмотренным выше сюжетам, по которым также в подавляющем большинстве случаев качественные различия между отдельными социальными группами отсутствуют. Так, если говорить об активности россиян

по улучшению своего материального положения, то проявляют пассивность и ничего не предпринимают, так как не видят в этом необходимости, от 4% низко- и неквалифицированных рабочих до 19% предпринимателей и самозанятых. Ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать для улучшения своего материального положения – от 5% предпринимателей и самозанятых до 34% лиц старше 65 лет и т.д.

В целом можно сказать, что и в отношении их нынешнего материального положения, и в плане его динамики для россиян важна не столько принадлежность к традиционно рассматриваемым социальным группам, сколько принадлежность к благополучной и неблагоприятной части массовых слоев, далеко не всегда совпадающим на персональном уровне с высокодоходной и низкодоходной частями населения. С помощью кластерного анализа на основе ответов респондентов на вопросы о среднедушевом доходе в их домохозяйствах, наличии у них сбережений и долгов, а также их оценок своей материальной обеспеченности, жилищных условий, качества своего питания и возможностей приобрести необходимую одежду были выделены два кластера¹². Первый из них, составляющий чуть более трети массовых слоев (34%), можно рассматривать как в целом благополучную часть населения, а второй, объединяющий две трети представителей массовых слоев (66%) – как скорее неблагоприятную его часть, хотя степень этого неблагоприятия может быть различной.

Понять, что позволяет охарактеризовать два этих кластера именно таким образом, помогают данные таблицы 3.8.

Наиболее статистически значимыми особенностями членов данных кластеров¹³ оказались (в порядке убывания значимости) проживание в определенном регионе, принадлежность к той или иной возрастной группе, профессиональный статус и тесно с ним связанная в условиях асимметрии профессиональной структуры в России занятость в государственном и негосударственном секторах экономики, образование матери, горизонт планирования, специфика места в социальных сетях, наличие занятости, образование отца, индивидуальный доход и собственное образование. Таким образом, среди факторов благополучия в современной России как факторы неклассового характера (регион проживания),

¹² Использовался метод двухэтапного кластерного анализа. Силуэтная мера связности 0,3.

¹³ Для оценки статистической значимости связей использовалась программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection).

Таблица 3.8

**Субъективное благополучие и динамика материального положения
членов кластеров благополучных и неблагополучных россиян,
2022 г., %***

Самооценки	Неблагополучные	Благополучные
<i>Жизнь складывается</i>		
Хорошо	10	53
Удовлетворительно	81	46
Плохо	9	1
<i>Динамика материального положения за последний год</i>		
Улучшилось	5	19
Осталось без изменений	40	53
Ухудшилось	55	28

Примечание: * Фоном выделены показатели, превышающие 50%.

так и те ресурсы, которые определяют позицию человека на рынке труда соответствующего региона (его культурный и социальный капитал, образование, физиологический ресурс и т.д.).

Стоит отметить, что факторы принадлежности к благополучной или неблагополучной части населения во многом похожи на факторы динамики материального положения за последний год. Среди последних также (в порядке убывания значимости¹⁴) проживание в определенном регионе, горизонт планирования, профессиональный статус и связанная с ним занятость в государственном и негосударственном секторах экономики, возраст, наличие занятости как таковой. Как видим, для динамики материального положения менее значимыми оказываются факторы, связанные с инкорпорированными ресурсами человека. Однако ключевые структурные факторы (регион проживания, профессиональный статус, сектор занятости и ее наличие) сохраняют свое значение. Это означает, что ухудшение положения россиян в последний год обуславливалось прежде всего сложной совокупностью внешних факторов, а сами они очень мало на что могли повлиять.

¹⁴ Для ее оценки также использовалась программа Chaid.

Глава 4

ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ COVID-19 И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН

Спустя три года с момента широкого распространения пандемии коронавируса борьба с ней все еще продолжается, и говорить о ее полном завершении не придется, вероятно, и в долгосрочной перспективе. Помимо существенного негативного влияния на один из ключевых ресурсов развития любого общества — здоровье населения, пандемия затронула практически все сферы жизни общества и превратилась из сугубо медицинского в масштабное социально-экономическое явление.

В российском научном дискурсе, несмотря на относительную новизну данного явления, предпринимаются активные попытки анализа специфики воздействия многоаспектного спектра последствий пандемии на разные сферы жизни населения. Появились результаты оперативных замеров и исследований, фиксирующих «в моменте» мнения россиян по тем или иным вопросам, связанным с последствиями пандемии для российской повседневности¹, отношением к принимаемым государством мерам², влиянием ее на социально-экономическое положение населения, экономическим положением³, и многими другими аспектами. Проводится также и более глубокий анализ последствий пандемии в контексте отдельных сфер социально-экономической жизни общества. Так, например, исследуется ее воздействие на рынок труда и сферу

¹ Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021.

² *Рогозин Д.М., Вырская М.С., Вьюговская Е.В.* Восприятие проблемы пандемии и оценка принимаемых мер и рисков. Итоги социального мониторинга 22–25 мая 2020 г. // Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 15 (117). С. 95–109.

³ Кризисный мониторинг на официальном сайте ВЦИОМ (URL: https://profi.wciom.ru/open_projects/krizisnyi_monitoring, дата обращения: 15.09.22).

занятости⁴, сферу образования⁵, материальное положение россиян⁶. Предпринимались и попытки комплексно оценить влияние пандемии на жизнь российского общества⁷.

Однако в условиях проведения специальной военной операции на Украине на пандемийную реальность накладываются беспрецедентные по масштабам санкции стран «коллективного Запада» и нарастающая международная напряженность. Текущая медиаповестка отчасти вытеснила проблему коронавируса из сознания общества, в публичном поле упоминания о пандемии встречаются все реже. В этой связи последствия пандемии переплетаются с другими формами социально-экономических воздействий на жизнь населения, но их влияние, как будет показано далее, осознается большей частью населения страны и не исчезает полностью.

На этом фоне особого внимания заслуживает анализ специфики влияния пандемии *COVID-19* на жизнь россиян, а также тех «уроков», которые им удалось извлечь из более чем двух лет, проведенных в условиях активного распространения коронавируса. Это позволит оценить потенциальную готовность нашего общества к новым эпидемиологическим вызовам на микроуровне, а также проследить, как в новых условиях трансформируются запросы и ожидания российского населения. Ведь, хотя различные страны, в том числе и Россия, продолжают кампании по вакцинации

⁴ Гимпельсон В.Е. Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях коронакризиса // Вопросы экономики. 2022. № 2. С. 69–94; Тихонова Н.Е. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества // Социологический журнал. 2021. № 2. С. 46–67.

⁵ Попова Е.С. Неравенство образовательных шансов в цифровом измерении // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1. С. 55–67; Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Д.И. Сапрыкина, А.А. Волохович; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

⁶ Каравай А.В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху *COVID-19* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (169). С. 121–137; Пешняк А.И., Горина Е.А., Корчагина И.И., Тер-Акопов С.А. Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки // Экономическая социология. 2021. Т. 16. № 6. С. 70–93.

⁷ Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2; «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии *COVID-19* / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

населения и практикуют различные противоэпидемиологические меры, коронавирус мутирует, и эксперты не исключают появления новых его версий, как, впрочем, и пока неизвестных вирусов. Это уже сказывается и на подходах к оценке коллективного иммунитета⁸. Сохраняются и последствия пандемии социального, экономического, психологического свойства, серьезным образом влияющие на повседневную жизнь различных групп наших сограждан, к части которых они адаптировались и имеют определенный резерв устойчивости, а к части – нет. Рассмотрим их подробнее.

Очертим сначала круг вопросов, связанных с наиболее распространенными в России последствиями пандемии и оценкой нанесенного ею ущерба на микро- и макроуровнях. Как видно из таблицы 4.1, на протяжении минувших лет список наиболее распространенных последствий пандемии существенным образом не менялся, хотя внутренняя динамика показателей все же имела место быть. Возглавляют данный список социальные и экономические ее последствия. Более того, с течением времени их роль возрастает. Так, в сравнении с периодом начала пандемии (март-апрель 2020 г.) россияне стали чаще отмечать рост расходов на продукты и медикаменты (48% против 38% соответственно). Пандемия продолжает существенным образом сказываться на образе жизни наших сограждан и их занятости. Это заметно, в частности, по резкому увеличению доли заявляющих о срыве ранее запланированных мероприятий (26% против 16% и 18% в 2021 г. и 2020 г. соответственно). В сравнении с 2020 г. россияне стали относительно чаще отмечать рост нагрузок на работе (18% против 13% в 2020 г.). Приросла и доля практикующих режим удаленной занятости (16% против 12% в 2020 и 2021 гг.).

Нисходящие же по отношению к 2020 и 2021 гг. тенденции 2022 г. относятся к сокращению числа тех, кто сообщал о проблемах с получением медицинской помощи по вопросам, не связанным с *COVID-19* (22% против 28% в 2021 г.), кому пришлось потратить из-за пандемии часть или все семейные сбережения (13%

⁸ К августу 2022 г. уровень коллективного иммунитета в России снизился до 7,4%. С этого момента публикация соответствующих данных была приостановлена до формирования новой модели расчета коллективного иммунитета. Это было связано с появлением новых подвариантов коронавируса, которые легче переносятся и которые сложно отличить от других респираторных инфекций. См.: Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (*COVID-19*) «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://стопкоронавирус.рф/information> (дата обращения: 08.09.2022).

против 20% в 2021 г.), у кого под влиянием последствий пандемии пострадали близкие (7% против 12% в 2021 г.).

Таблица 4.1

**Динамика последствий пандемии коронавируса,
с которыми сталкивались россияне, 2020–2022 гг., %**
(отранжировано по показателям 2022 г.)

Последствия	2020	2021	2022
Возросли расходы на продукты питания и медикаменты	38	55	48
Отказались от планов на отпуск	29	27	30
Отказались от привычного досуга (посещение театров, ресторанов, спортивных клубов и т. п.)	27	26	28
Сорвались многие планируемые мероприятия (деловые поездки и т. п.)	18	16	26
В связи с пандемией не смогли получить медицинскую помощь по проблемам, не связанным с COVID-19	23	28	22
Стали внимательнее относиться к своему здоровью, отказались от вредных привычек	16	19	18
При сохранении работы и зарплаты повысились нагрузки, интенсивность занятости	13	17	18
Перешли на удаленный режим работы (временно, постоянно)	12	12	16
В связи с пандемией пришлось потратить большую часть или все сбережения семьи	15	20	13
В жизни ничего существенно не изменилось	15	11	12
Потеряли работу	12	9	12
В связи с пандемией оказались в неоплаченном отпуске или перед угрозой потери работы	11	9	11
Освоили новые навыки работы в удаленном режиме	8	8	11
В связи с пандемией пришлось изменить другие жизненные планы – получение образования, покупку/продажу квартиры и т. п.	10	11	10
Нашли новую работу	4	5	9
В связи с пандемией столкнулись с задержкой выплаты зарплаты более чем на месяц	7	8	8
Освоили новые виды досуга (онлайн-курсы, онлайн-вечеринки и т. п.)	4	6	8
Освоили иные новые навыки, необходимые для того, чтобы получить/сохранить работу	5	5	7
Сами не пострадали, но пострадали близкие, и это косвенно сказалось на них	12	10	7
Сократились расходы на продукты питания и медикаменты	7	7	6
Появились новые вредные привычки (начали курить, переедать), отказались от физических нагрузок	4	4	4
Появилось много новых деловых планов, мероприятий	2	3	3
Потеряли бизнес	1	1	3
Открыли новый бизнес	1	—	2
В целом скорее даже выиграли от кризиса	2	—	1

Важно при этом отметить, что восходящие тенденции имеют по большей части поступательный характер, и показатели постепенно возрастают от года к году. Это позволяет делать предположения об их устойчивости. Но устойчивость нисходящих тенденций сомнительна, поскольку ныне они свидетельствуют лишь об «откате» на уровень показателей начала пандемийного периода.

Важно и то, что на момент опроса 2022 г. пандемия уже не являлась определяющим фактором, воздействующим на социально-экономические показатели. Таковым стала начавшаяся специальная военная операция на Украине и последовавший за ней рост международной напряженности. Более того, эти события переплелись, в результате чего россияне столкнулись с еще одним масштабным социально-экономическим вызовом. В связи с этим неудивительно, что позитивные итоги коронакризиса минимизировались и, как правило, имели отношение к нематериальной сфере. При этом хотя бы об одном позитивном последствии данного кризиса, за исключением усиления внимания к собственному здоровью, заявляют не более 8% россиян. Хотя в текущих условиях и это немало.

Примечательно, как различался состав тех, кто столкнулся с максимальным числом последствий пандемии. Так, среди тех, кто столкнулся с наименьшим количеством последствий, относительно чаще встречаются лица без высшего образования (72% против 56% среди тех, кто попал в группу с максимальным числом последствий), старше 55 лет (31% против 19%), не имеющие работы (32% против 19%), рабочие разной квалификации (29% против 19%). Соответственно, те, кто имеет высшее образование (45% против 28% среди тех, кто испытал меньшее число последствий), находится в возрасте до 55 лет (81%), имеет работу (81%), а также трудится на позициях высококвалифицированных специалистов (25% против 13%), относительно чаще входят в состав группы, члены которой столкнулись с максимальным числом последствий пандемии.

Таким образом, число последствий коронакризиса, с которыми сталкивались наши сограждане, во многом опосредовано их возрастными особенностями, а также характеристиками, косвенно или напрямую определяющими их место в системе производственных отношений. Уровень доходов, а также место проживания не демонстрируют значимых взаимосвязей с масштабами переживаемых ими последствий *COVID-19*, хотя в целом слабые тенденции, свидетельствующие о большем числе таковых, заметны среди проживающих в Москве или Санкт-Петербурге (15% против 9% в группе испытав-

ших минимальное число последствий), а также тех, кто имеет относительно высокие доходы (9% против 5% соответственно).

Кроме того, названные россиянами последствия пандемии группируются в ходе факторного анализа⁹ в пять факторов, среди которых: отсутствие значимых последствий пандемии; изменение жизненных планов; изменения на работе; социальные и экономические последствия; отдельные и редкие позитивные изменения¹⁰.

Из данных, представленных в таблице 4.2, видно, что вероятность столкнуться с теми или иными последствиями пандемии коррелирует с некоторыми социально-демографическими характеристиками респондентов. При этом важно, что эти последствия имеют, как правило, нематериальную природу. Принадлежность же к доходным слоям практически не соотносится с указанными группами последствий. Это свидетельствует о том, что в условиях пандемий доходные характеристики утрачивают дифференцирующую силу. Нематериальные же составляющие выходят на первый план.

Наибольшей дифференцирующей силой обладает профессиональный статус. Так, одна часть работающих относительно чаще сталкивалась с преимущественно негативными изменениями на работе (рядовые работники сферы торговли и бытового обслуживания), а другая — с изменением жизненных планов, которые включали в числе прочих адаптацию к новым условиям труда

⁹ Использовался метод Варимакс, двойное вращение. Процент объясненной дисперсии — 35%.

¹⁰ В группу «Отсутствие значимых последствий» вошли переменные, фиксирующие доли указавших, что у них в жизни ничего не изменилось, либо пострадали только близкие, что лишь косвенно сказалось на них. Группа «Изменения, связанные с работой» включала выбор следующих вариантов ответа: обретение или потеря работы, потеря бизнеса, повышение нагрузок при сохранении того же размера зарплаты, вынужденный уход в неоплачиваемый отпуск или угроза потери работы, задержки заработной платы, а также появление новых вредных привычек. Группа «Изменение жизненных планов» предполагала выбор следующих ответов: срыв мероприятий, изменение жизненных планов, появление новых планов, отказ от привычного досуга, освоение новых видов досуга, переход на удаленную занятость, освоение навыков для удаленной работы или получения/сохранения работы, повышение внимания к собственному здоровью. Группа «Позитивные последствия» объединила следующие варианты ответа: открытие нового бизнеса, общий выигрыш от кризиса и сокращение расходов. В группу «Социальные и экономические последствия» вошли следующие переменные: рост расходов на продукты и медикаменты, трата сбережений, проблемы с медицинской помощью по заболеваниям, не связанным с COVID-19, сокращение или увеличение доходов, ухудшение или улучшение отношений в семье, перенесенный опыт заболевания коронавирусом.

Таблица 4.2

**Особенности последствий пандемии для различных социальных групп
российского населения, 2022 г., % от тех, кто столкнулся хотя бы с одним
последствием из каждой их группы***

Социальные и демографические группы	Группы последствий				
	Отсутствие значимых последствий	Изменения, связанные с работой**	Изменение жизненных планов	Позитивные последствия	Социальные и экономические последствия
Образовательные группы					
Общее среднее образование	21	46	51	11	86
Среднее специальное	20	46	60	8	89
Высшее	16	45	73	7	92
Профессиональные группы					
Предприниматели и самозанятые	19	38	67	14	97
Руководители разного уровня	11	50	78	3	96
Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование	14	44	77	6	91
Служащие на должностях, не предполагающих высшего образования	18	45	70	8	88
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	14	54	67	5	92
Рабочие от 5 разряда	25	41	57	9	88
Рабочие 1–4 разрядов и без разряда	20	45	54	10	86
Не работают	22	—	54	9	88
Возрастные группы					
До 25 лет включительно	21	52	70	8	84
26–35 лет	22	45	64	8	89
36–45 лет	16	44	66	10	90
46–55 лет	13	50	69	6	92
56–65 лет	19	36	58	6	93
66 лет и старше	25	29	48	9	87
Группы с разными оценками ситуации в стране					
Спокойные	21	38	62	9	85
Тревожащиеся	18	47	64	7	91
Катастрофисты	8	70	69	8	97

Таблица 4.2 (окончание)

Социальные и демографические группы	Группы последствий				
	Отсутствие значимых последствий	Изменения, связанные с работой**	Изменение жизненных планов	Позитивные последствия	Социальные и экономические последствия
Группы с разным количеством последствий пандемии для них лично					
Испытали наибольшее число последствий пандемии	—	73	99	11	99
Испытали значительное количество ее последствий	5	40	72	9	97
Испытали наименьшее количество последствий пандемии	54	11	18	3	70
По массиву в целом	19	45	63	8	90

Примечания: * Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают средний по выборке более чем на 3%; ** Данные приведены от работающих.

(специалисты с высшим образованием и рядовые служащие). Руководители оказались группой, пережившей наиболее разнообразные последствия пандемии. Более того, они относительно чаще встречались и среди тех, кто сталкивался с ее последствиями социально-экономического характера.

На этом фоне отдельного внимания заслуживает группа предпринимателей и самозанятых, представители которой, хотя и чаще сталкивались с социальными и экономическими последствиями пандемии, наиболее широко представлены среди тех, кто заявляет об определенных улучшениях, произошедших в их жизни в период коронакризиса (14% против 8% по массиву в целом). Об отсутствии же значимых ее последствий относительно чаще заявляют квалифицированные рабочие. Однако и среди них более половины столкнулось с необходимостью изменить жизненные планы и испытало на себе последствия социального и экономического характера.

Примечательно и то, что чем моложе человек, тем чаще он сталкивается с последствиями пандемии, сказывающимися на его работе и вынуждающими его менять свои жизненные планы. Поскольку наиболее молодая возрастная группа аккумулирует значительную долю студентов, нередко подрабатывающих наряду с учебой, понятно, что в периоды длительных локдаунов многие из них потеряли временные рабочие места. Кроме того, студентов коснулось и такое массовое последствие пандемии, как пере-

ход на дистанционное обучение. С последствиями коронакризиса социального и экономического характера, связанными с изменением жизненных планов, существенно чаще сталкиваются также россияне с высшим образованием.

На этом фоне стоит отметить хорошо прослеживаемую взаимосвязь трех из пяти групп последствий пандемии (изменения, связанные с работой; изменения жизненных планов; последствия социального и экономического характера) со спецификой оценки населением современной общественной ситуации. Характер этой взаимосвязи не вполне понятен, однако она определенно фиксируется и предопределяет усиление среди россиян «катастрофических» умонастроений. Кроме того, дополнительные смыслы эта связь обретает в свете того, что последствия из трех указанных групп чаще всего являются взаимосвязанными и проявляются в наибольшей мере в среде тех, кто столкнулся с множественностью последствий, вызванных пандемией.

Обратимся к индивидуальным практикам и опасениям россиян, связанным непосредственно с коронавирусной инфекцией. На фоне низкого общего уровня коллективного иммунитета каждый пятый весной 2022 г. прямо заявлял о своей неготовности делать прививку, ссылаясь на страх перед вакцинацией. Еще 11% говорили о планах вакцинироваться, однако подобные декларации далеко не всегда переходят в реальные действия (табл. 4.3). Значительная часть наших сограждан заявляла о том, что переболела ковидом, причем некоторые — по несколько раз (около 10%). На то, что они переболели данным заболеванием, указали в марте 2022 г. 59% россиян. Однако важно иметь в виду, что многие из этих ответов основаны на субъективных самоощущениях, а не на подтвержденных диагнозах, особенно когда численность заболевших идет на спад, многие болеют в легкой форме, и далеко не каждый «заявляет о себе» и проходит соответствующую диагностику. Так, например, согласно официальной статистике зарегистрированных случаев, переболевшими *COVID-19* значатся не более 14% россиян¹¹.

¹¹ На 20 сентября 2022 г. зарегистрирован 20535057 случаев заболевания коронавирусной инфекцией. Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (*COVID-19*) «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://стопкоронавирус.рф/information> (дата обращения: 20.09.2022). Росстат представил предварительные цифры о численности населения в регионах страны по данным Всероссийской переписи населения. ФСГС РФ // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784> (дата обращения: 20.09.2022).

Тем не менее приведенные данные свидетельствуют о том, что ковид не ушел из жизни населения страны не только в социально-экономическом, но и в эпидемиологическом смысле слова. При этом отношение к нему наших сограждан заметно изменилось. Прежде всего, существенно снизился уровень страха перед ним, а внимание в гораздо большей мере стали привлекать последствия неэпидемиологического характера.

Таблица 4.3

Заболееваемость коронавирусом, страх перед ним и отношение к вакцинации в группах с разным числом испытанных последствий пандемии, 2022 г., %*

Показатели	Испытали наименьшее количество последствий	Испытали значительное количество последствий	Испытали наибольшее число последствий	По массиву в целом
<i>Проходили вакцинацию / ревакцинацию в последние 180 дней</i>				
Да	44	46	56	48
Нет	55	53	44	51
<i>Болели коронавирусом, но более чем полгода назад</i>				
Да	22	41	49	38
Нет	77	58	51	62
<i>Испытывают влияющий на их жизнь страх заразиться коронавирусом</i>				
Да	24	33	31	30
Нет	75	66	68	70
<i>Болели коронавирусом в последние полгода</i>				
Да	10	32	46	30
Нет	90	67	54	70
<i>Испытывают страх перед вакцинацией, поэтому не готовы делать прививку от ковида</i>				
Да	19	19	20	19
Нет	81	81	80	79
<i>Не проходили вакцинацию, но планируют пройти ее в ближайшее время</i>				
Да	11	12	10	11
Нет	83	83	86	84

Примечание: * Доли затруднившихся с ответом в таблице не представлены. Фоном в таблице отмечены ячейки с максимальными показателями по столбцу для каждого из показателей.

Важно отметить и то, что число последствий пандемии, с которыми пришлось столкнуться россиянам, тесно связано с опытом заболевания коронавирусом в последние полгода и опытом вакцинации. Максимальное число переболевших фиксируется среди тех, кто сталкивался с целым комплексом последствий пандемии. Среди них же наиболее высока доля сделавших в последние 6 месяцев прививку от ковида. Относительно высока доля переболевших коронавирусом в последние полгода и среди «катастрофистов» (35%). Вакцинируются они также охотнее, чем те, кто расценивает текущую обстановку в стране, регионе и на муниципальном уровне как спокойную (57%). Несколько выше доля привившихся среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга (54%), а также в центрах субъектов РФ (55%). Примечательно и то, что россияне, не имеющие работы, не спешат вакцинироваться: среди них доля привитых составила весной 2022 г. 40% против 48% в среднем по массиву.

В целом, склонность к эпидемиологической самодисциплине способна стимулироваться перенесенными последствиями. В противном случае люди реагируют на профилактику коронавируса достаточно «половинчато». Так, даже среди тех, кто переболел ковидом более чем за полгода до момента опроса (за это время антитела, приобретенные в ходе болезни, утрачивают свою силу), 44% еще не сделали прививку, и каждый пятый боится ее делать.

По-разному относятся наши сограждане и к тем изменениям, которые привнесла в их жизнь пандемия. Общая тенденция динамики оценок различных «ковидных» нововведений заключается в снижении положительных оценок по всем пунктам за исключением двух — повышенного внимания к своему здоровью и удаленного режима работы, в отношении которого, впрочем, фиксируется определенная поляризация мнений. Данное снижение повлекло за собой рост нейтральных оценок. И только в отношении необходимости регулярной вакцинации взрослых, а также обязательного ношения масок выросли доли отрицательно к этому относящихся (рис. 4.1). Общий рост нейтральности к вызванным пандемией мерам свидетельствует о постепенном вхождении в повседневность россиян недавно еще совсем новых элементов. Тем не менее существуют и явления, которые все еще вызывают отторжение более чем у половины российского населения — это дистанционное образование и социальный мониторинг. Но если второе не прижилось и практически ушло из повседневной жизни россиян, то в части первого предстоит поиск компромисса и наиболее эффективной модели функционирования такого формата обучения в периоды

Рисунок 4.1. **Динамика отношения россиян к нововведениям, вызванным пандемией, 2021/2022 гг., %***

Примечание: * Оценки «нейтрально» на рисунке не представлены.

пандемий. Как показывают исследования, условными бенефициарами онлайн-образования становятся те, у кого есть доступ к Интернету, мотивация, самодисциплина, привычка и поддерживающая социальная среда¹².

Обратим внимание и на то, что наиболее критичное отношение к дистанционному образованию характерно для россиян старше 35 лет. Во всех возрастных группах, превышающих данный порог, более половины их представителей заявляет об отрицательном восприятии этого формата обучения. Солидарны с ними и более половины тех, кто относится к занятому населению (54% против 48% среди незанятых), а также имеет среднедушевые доходы выше двух медиан (57% против 50% в группе с доходами до 0,75 медианы).

Скепτικнее иных к удаленному режиму работы относятся работники сферы торговли и бытового обслуживания (35%), а так-

¹² Попова Е.С. Неравенство образовательных шансов в цифровом изменении // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1. С. 55–67.

же предприниматели (32%). Наиболее лояльны к такому формату занятости руководители (28%), высококвалифицированные специалисты (26%) и служащие (28%).

Регулярная вакцинация взрослых относительно чаще вызывает отрицание у предпринимателей (44%) и руководителей разного уровня (41%). Аналогичным образом данное нововведение воспринимается молодежью в возрасте до 25 лет (46%).

Таким образом, отношение к тем или иным антиковидным мерам зависит от того, затрагивают ли они интересы соответствующей группы и насколько они вписываются в образ жизни ее представителей. При этом, однако, о жестком детерминировании речи не идет. Так, в случае со взрослыми респондентами, как правило, уже обремененными семьями, это необходимость выстраивать баланс между работой «на удаленке» и домашним обучением детей или, в случае с вакцинацией, уверенность молодежи в силе собственного иммунитета и в то же время «страх перед уколами». Дистанционная занятость при этом импонирует тем, чей труд в меньшей степени «привязан» к определенному месту, и, напротив, вызывает неприятие у тех, чья деятельность «завязана» на прямое взаимодействие с людьми, и для кого невозможен переход «на удаленку».

Наряду с этим, на отношение к тем или иным пандемийным новшествам влияет и общее число последствий пандемии, с которыми пришлось столкнуться россиянам. Из данных, представленных в таблице 4.4, видно, что масштабность и комплексность воздействия последствий пандемии во многом предопределяет и наибольшую критичность группы, с ними столкнувшейся, в отношении практически всех опосредованных *COVID-19* нововведений, за исключением дистанционной занятости и социально-одобряемой декларации о повышении внимания к собственному здоровью. При этом представители группы, отличающейся минимальным уровнем воздействия на нее пандемийных последствий, относительно чаще придерживаются нейтрального или позитивного мнения относительно новых составляющих российской повседневности.

В продолжение сюжета о локальных, во многом даже индивидуальных последствиях пандемии, повлекших за собой определенные новшества, появившиеся в повседневных практиках россиян, обратимся к оценкам опрошенных в части масштабов ущерба и пользы, которые пандемия принесла нашим согражданам или отдельным ключевым сферам жизнедеятельности российского социума.

Таблица 4.4

Отношение различных по числу испытанных последствий пандемии групп россиян к ряду нововведений, вызванных COVID-19, 2022 г., %*

Отношение	Испытали наименьшее количество последствий	Испытали значительное количество последствий	Испытали наибольшее число последствий
<i>Дистанционное образование</i>			
Положительно	12	11	16
Нейтрально	38	36	29
Отрицательно	50	53	54
<i>Обязательное ношение масок</i>			
Положительно	26	24	20
Нейтрально	44	42	40
Отрицательно	30	33	40
<i>Соблюдение социальной дистанции</i>			
Положительно	27	34	29
Нейтрально	50	47	47
Отрицательно	23	19	24
<i>Ограничения на поездки в отдельные страны</i>			
Положительно	31	34	21
Нейтрально	48	43	44
Отрицательно	21	23	35
<i>Самоизоляция</i>			
Положительно	22	25	23
Нейтрально	47	39	41
Отрицательно	32	36	36
<i>Удаленный режим работы</i>			
Положительно	18	23	30
Нейтрально	53	51	44
Отрицательно	29	26	27
<i>Регулярные вакцинации взрослых от коронавируса</i>			
Положительно	26	25	21
Нейтрально	42	39	35
Отрицательно	32	36	44
<i>Повышенное внимание к своему здоровью</i>			
Положительно	50	59	66
Нейтрально	43	35	28
Отрицательно	7	6	7

Таблица 4.4 (окончание)

Отношение	Испытали наименьшее количество последствий	Испытали значительное количество последствий	Испытали наибольшее число последствий
<i>Отрицание любых ограничений во имя общественного здоровья (ковид-диссидентство)</i>			
Положительно	13	10	8
Нейтрально	53	54	49
Отрицательно	34	36	43
<i>Введение сертификатов о вакцинации</i>			
Положительно	14	15	12
Нейтрально	47	45	42
Отрицательно	39	40	46
<i>Социальный мониторинг (разные виды дополнительного контроля за людьми)</i>			
Положительно	11	10	6
Нейтрально	40	39	34
Отрицательно	49	52	60

Примечание: * Фоном в таблице отмечены ячейки с максимальными показателями по столбцу для каждого из показателей. Жирным шрифтом отмечены максимальные показатели по строке.

В целом важно отметить, что, как на индивидуальном, так и на страновом уровне пандемия, по мнению россиян, принесла гораздо больше вреда, нежели пользы (табл. 4.5). Говоря о себе лично, наряду с ущербом, причиненным *COVID-19* их доходам или повседневной жизни, наши сограждане упоминают, причем даже относительно чаще (59%), и негативное воздействие коронавируса на психологическое состояние людей. Значимый, с точки зрения россиян, ущерб был причинен и здоровью (49%), а наименее масштабное негативное воздействие последствия пандемии оказали на внутрисемейные отношения. Однако, если рассматривать данные оценки сквозь призму различных групп населения, то число последствий, с которыми пришлось столкнуться российским гражданам, всё же дифференцировало их взгляды по этому вопросу. Так, среди тех, кто испытал воздействие меньшего числа последствий *COVID-19*, доминирует мнение о том, что пандемия никак не повлияла ни на одну из предложенных им для оценки составляющих их жизни. В двух других группах большинство опрошенных склоняется к позиции о ее негативном влиянии на различные аспекты жизни, кроме отношений в семье.

На уровне страны ущерб от пандемии видится россиянам более существенным. Если в отношении себя лично он признается

Таблица 4.5

**Оценки последствий пандемии в группах с разным числом
испытанных ее последствий, 2022 г., %***

Оценки	Испытали наименьшее количество последствий	Испытали значительное количество последствий	Испытали наибольшее число последствий	По массиву в целом
<i>Психологическое состояние</i>				
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	39	66	68	59
Никак не повлияла	60	32	29	40
Принесла некоторую или заметную пользу	—	3	2	2
<i>Доходы</i>				
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	34	60	66	54
Никак не повлияла	65	37	29	43
Принесла некоторую или заметную пользу	1	2	5	3
<i>Повседневная жизнь в целом</i>				
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	32	60	68	54
Никак не повлияла	65	38	29	44
Принесла некоторую или заметную пользу	3	2	3	3
<i>Здоровье</i>				
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	25	56	64	49
Никак не повлияла	74	41	34	49
Принесла некоторую или заметную пользу	2	3	2	2
<i>Отношения в семье</i>				
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	8	29	33	24
Никак не повлияла	90	66	59	71
Принесла некоторую или заметную пользу	2	5	8	5

Примечание: * Фоном в таблице отмечены ячейки с максимальными показателями по столбцу для каждого показателя.

не более чем 60% россиян, то в части ключевых сфер жизни социума данные показатели варьируются в диапазоне 53–83% в разных группах. Эта ситуация уже традиционна и описывалась в предыдущих исследованиях¹³. Подобное расхождение оценок может быть

¹³ Подробнее см.: Российское общество в условиях пандемии. Информационно-аналитический доклад. М.: ФНИСЦ РАН, 2020; Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). Информационно-аналитический бюллетень. 2021. № 2. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922> (дата обращения: 29.05.2022).

опосредовано во многом насыщенной информационной повесткой, далеко не всегда однозначно информирующей о разного рода социальных последствиях пандемии *COVID-19*.

Если же говорить об оценках россиян последствий пандемии для общества, то наиболее пострадавшими от последствий пандемии признаются российская экономика и образование (рис. 4.2). Это согласуется и с вышеприведенными данными о доминирующем характере социальных и экономических последствий *COVID-19*, а также о неоднозначности восприятия такого нововведения, как дистанционное образование. Однако при анализе динамического ряда фиксируются и некоторые важные изменения. Во-первых, по результатам опроса 2020 г. каждый четвертый респондент надеялся, что, несмотря на общее скорее негативное влияние, пандемия поспособствует улучшению ситуации в сфере здравоохранения. Через год (в 2021 г.) доля рассуждающих подобным образом увеличилась до 31%. А в 2022 г. она сократилась до 19%, и очевидных причин для перелома тенденции в новых условиях нет. Стабильной при этом остается доля тех, кто отмечает ущерб от пандемии для отношений между населением и властью. Численность этой группы значительна, однако тенденции к росту или сокращению она не демонстрирует.

Наибольшую, хотя и не в абсолютном выражении, пользу пандемия по-прежнему приносит, по мнению россиян, российскому здравоохранению (19%). В то же время, как уже отмечалось, динамика данного показателя нисходящая. Пользу от пандемии для остальных сфер жизни общества видят не более 6% россиян. Это еще раз подтверждает преимущественно негативный характер

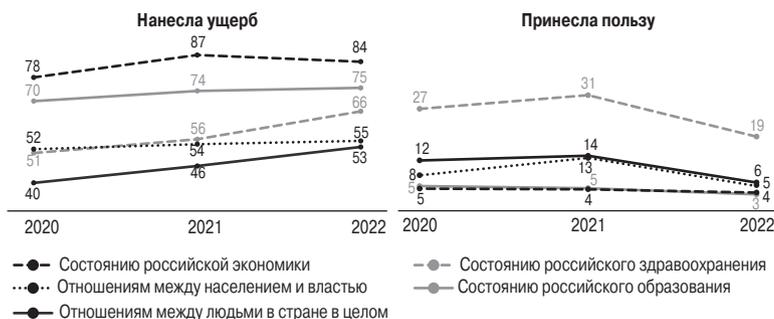

Рисунок 4.2. Динамика оценок населением ущерба / пользы от пандемии коронавируса для различных сфер жизни российского общества, 2020–2022 гг., %

ее воздействия, причем как на уровне индивида, так и на уровне государства и социума в целом. В этом отношении у населения довольно твердая позиция, которая вряд ли будет переосмыслена в позитивном ключе.

Кроме того, как показано в таблице 4.6, индивидуальный негативный опыт наших сограждан вследствие пандемии укореняет их убежденность в том, что ее воздействие на ключевые сферы жизни общества носит негативный характер. Напротив, недостаточность или отсутствие такого опыта располагают опрошенных к более нейтральным оценкам, особенно в части отношений между населением и властью и между людьми в стране в целом.

Таблица 4.6

Оценки россиянами с разным числом испытанных последствий пандемии ущерба, нанесенного ею различным сферам жизни общества, 2022 г., %*

Оценки	Испытали наименьшее количество последствий	Испытали значительное количество последствий	Испытали наибольшее число последствий
<i>Состояние российской экономики</i>			
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	78	84	90
Никак не повлияла	18	12	7
Принесла некоторую или заметную пользу	4	3	4
<i>Состояние российского образования</i>			
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	66	78	78
Никак не повлияла	29	21	19
Принесла некоторую или заметную пользу	5	1	3
<i>Состояние российского здравоохранения</i>			
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	56	65	77
Никак не повлияла	23	14	8
Принесла некоторую или заметную пользу	21	21	14
<i>Отношения между населением и властью</i>			
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	45	56	66
Никак не повлияла	51	39	28
Принесла некоторую или заметную пользу	4	5	7
<i>Отношения между людьми в стране в целом</i>			
Нанесла сильный или не очень сильный ущерб	40	55	64
Никак не повлияла	55	39	28
Принесла некоторую или заметную пользу	5	6	8

Примечание: * Фоном в таблице отмечены ячейки с максимальными показателями по столбцу для каждого из показателей.

Укоренение в массовом сознании россиян пандемии коронавируса в качестве неотъемлемого элемента социальной реальности происходило неравномерно и под воздействием ряда прочих масштабных событий и трансформаций. Если на первых этапах распространения *COVID-19* население еще не воспринимало коронавирус достаточно серьезно и испытывало надежды на кратковременность данного явления по аналогии, к примеру, со вспышками свиного гриппа весной 2009 г., то по мере роста смертности от него и усиления его комплексного влияния на различные сферы социальной жизни он стал оцениваться фактически всеми группами россиян как тревожный и значимый фактор социального благополучия и здоровья российских граждан.

Однако затем специальная военная операция на Украине и масштабные санкции Запада в одночасье «вытеснили» тематику *COVID-19* не только из медийного поля, но и из перечня ключевых проблем, беспокоящих россиян. Это в некотором смысле ознаменовало старт нового этапа восприятия пандемии массовым сознанием. Так, как отмечалось выше, большинство наших сограждан заявляло весной 2022 г. об отсутствии у них страха заболеть коронавирусом. С одной стороны, это говорит об изменении в умах российского населения эпидемиологического статуса заболевания, а с другой — об общей усталости от длительных карантинных мер и прочих ограничений. Другим косвенным свидетельством отсутствия у россиян страхов в отношении *COVID-19* является их стремительный отказ от следования масочному режиму и социальному дистанцированию, как только это стало возможным. На фоне разработки вакцины, снижения числа летальных исходов, появления менее опасных штаммов у значительной доли российских граждан сформировалось понимание того, что коронавирус хотя и не исчезнет, но будет более контролируемым, а значит и менее опасным для населения.

Тем не менее мониторинговые исследования показали, что две трети (66%) граждан страны всё же считают *COVID-19* опасным для здоровья человека, хотя ранее более трети из них (или 25% всех россиян) так его не воспринимали (рис. 4.3).

На этом фоне важно обратиться к мнению различных социальных групп наших сограждан об опасности коронавируса. Так, среди тех, кто оказался среди наименее пострадавших от пандемии и ее последствий, относительно выше доля не воспринимающих последний как опасное явление (41% против 30–33% тех, кто в большей или меньшей степени сталкивался с последствиями

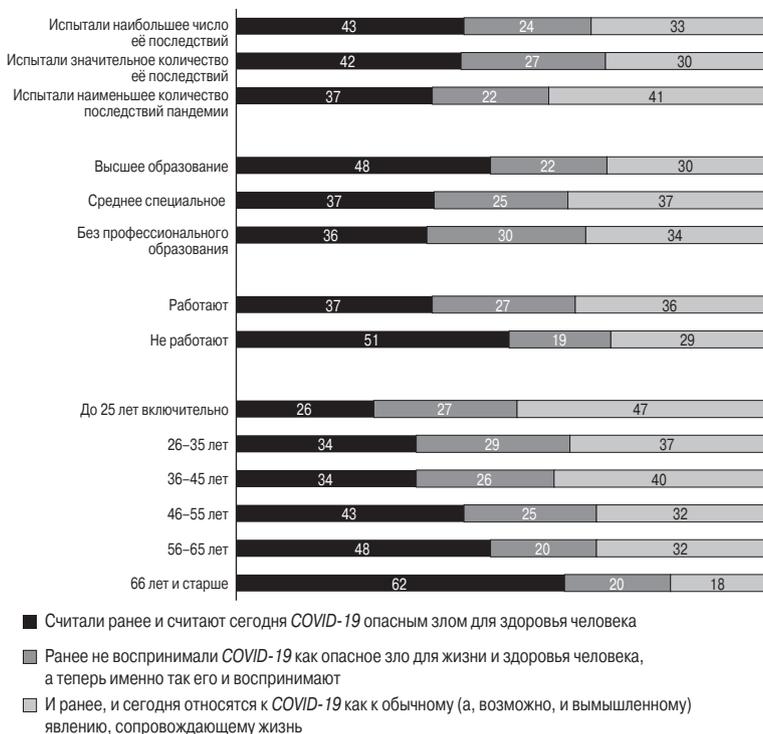

Рисунок 4.3. **Особенности отношения различных групп россиян к коронавирусной инфекции, 2022 г., %**

пандемии). По большому счету именно характер и опыт взаимодействия с вирусом и его последствиями определяют отношение россиян к пандемии: чем подобный опыт скромнее, тем, соответственно, меньшей представляется и исходящая от ковида опасность. Кроме того, среди столкнувшихся с COVID-19 и результатами его распространения больше тех, кто пересмотрел свое мнение в сторону признания большей опасности вируса.

Закономерности в этом отношении прослеживаются и в разрезе возрастных, образовательных и прочих характеристик индивида. К примеру, среди россиян с высшим образованием выше доля тех, кто изначально считал коронавирус опасным для человечества злом (48% против 36–37% у представителей менее образованных групп). Аналогичная тенденция характерна и для неработающих россиян – 51% против 37% у занятого населения. А вот при

обращения к различным возрастным группам ситуация несколько иная: среди наиболее юной части наших сограждан выше доля отрицающих коронавирус или не считающих его опасным для общества (47% против 18% в среде представителей наиболее пожилых групп).

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что в российском обществе все еще остается значительная доля граждан, довольно легкомысленно относящихся к пандемии *COVID-19*, отрицающих ее, либо не воспринимающих вирус в качестве опасного общественно-значимого явления. Существование таких «диссидентских» групп в значимом количестве может существенно осложнить выработку и реализацию упреждающих мер при возникновении аналогичных или больших по масштабу вызовов, препятствовать формированию социальной солидарности. Однако на этом фоне весьма позитивно выглядит тенденция пересмотра фактически четвертью россиян своего отношения к пандемии в пользу более осознанного подхода к ней. В этом смысле последствия распространения коронавирусной инфекции сыграли положительную роль.

Значимо проанализировать и восприятие российским населением подходов государства к реализации противоэпидемиологических мер. Необходимо отметить, что в целом россияне склонны относиться к ним с одобрением и поддержкой. Так, 62% из них весной 2022 г. считали, что действия государства в этом отношении были весьма последовательны и целесообразны в складывавшейся ситуации. При этом равная доля наших сограждан подчеркивала, что борьба с вирусом должна основываться только на отечественных разработках, а вакцинация осуществляться только российскими препаратами (рис. 4.4).

Обращает на себя внимание амбивалентность оценок в отношении соблюдения прав и свобод граждан при реализации тех или иных противоэпидемиологических мер. Это свидетельствует об остроте для россиян вопроса с правами и свободами в принципе, а не только в отношении рассматриваемой проблемы. Отметим, в связи с этим, что вопросы внешнего контроля остаются для россиян, особенно для молодой части населения страны (57% против 36% в самой пожилой группе наших сограждан), одними из наиболее болезненных. Молодежь не готова испытывать внешнее давление и внутренне противодействует любым посягательствам на свои свободы.

Рисунок 4.4. **Отношение россиян к реализуемым государством мерам по противодействию коронавирусу, 2022 г., %***

Примечание: *Данные по затруднившимся ответить в каждой группе не превышали 2% и на рисунке не представлены.

Различные глобальные катаклизмы, такие как пандемия коронавируса или прочие не поддающиеся прямому контролю человека феномены, часто сказываются на характере функционирования общественных систем, существенно трансформируют работу социальных институтов, меняют специфику общественных взаимодействий в целом. Направленность подобных изменений может свидетельствовать о готовности того или иного социума эффективно и своевременно реагировать на возникающие угрозы и без значимых последствий устранять их, а также о наличии в обществе мобилизационного и консолидационного ресурса, за счет которого осуществляется борьба с теми или иными невзгодами, обеспечивается устойчивость социальной системы как таковой.

В свете этого проанализируем, как, по мнению россиян, справилось с данными вызовами российское общество, сплотила ли его пандемия *COVID-19* либо заложила новые линии для его разобщения и раскола на почве обозначившихся проблем и социальных противоречий. Согласно результатам мониторинга 2020–2022 гг., с момента начала пандемии коронавируса позиции наших сограждан в этом отношении не сильно изменились (рис. 4.5). Основная масса российских граждан оказалась в целом не склонна к однозначному мнению, и за два года пандемии их доля несколько выросла (54%). Вместе с тем, россияне, тяготеющие к более однозначным трактовкам, концентрируются у разных по смыслу «полюсов» — почти каждый пятый уверен, что консолидационного

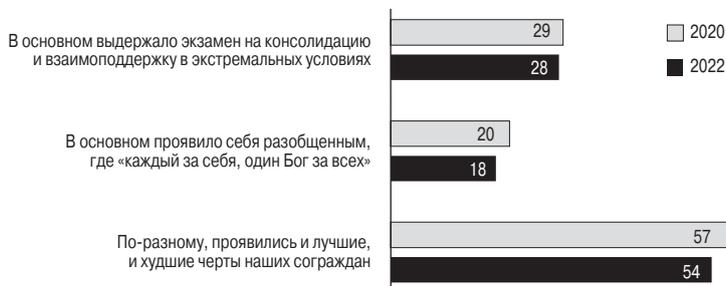

Рисунок 4.5. Динамика оценок россиянами консолидационного потенциала, связанного с противодействием общества COVID-19, 2020–2022 гг., %

эффекта пандемия не произвела (18%). Однако свыше четверти (28%) полагают, что наше общество выдержало экзамен на сплоченность и взаимоподдержку в экстремальных условиях. В свою очередь более половины россиян отмечают разные человеческие черты, проявившиеся в условиях пандемии.

Приведенные данные позволяют утверждать, что общественная сплоченность и коллективное противостояние во время пандемии противоречиво оцениваются россиянами, прежде всего, в силу комплексности проблемы и отсутствия отработанного механизма борьбы с ней. Даже несмотря на то, что «общий враг» чаще всего выступает спланивающим общество фактором, возникшая угроза имела эффект внезапно разорвавшейся бомбы, что не позволило оперативно выработать единую модель сопротивления ей и активизировало индивидуализированные стратегии выживания.

При более детальном анализе данного вопроса с позиций представителей различных групп россиян обнаруживается, что консолидационный эффект от пандемии чаще ощущают те, кто пострадал от ее последствий в наименьшей степени – 35% против 25% среди тех, кто так или иначе испытал на себе ее воздействие (рис. 4.6).

Вместе с тем, оценки консолидационного потенциала, наличествующего в обществе, значимо коррелируют с возрастом россиян. Так, молодежь до 25 лет, особенно в сравнении с наиболее пожилыми группами наших сограждан, чаще говорит о разобщенности социума в этот период и не считает характерным для него проявления взаимоподдержки (19% против 39% соответственно).

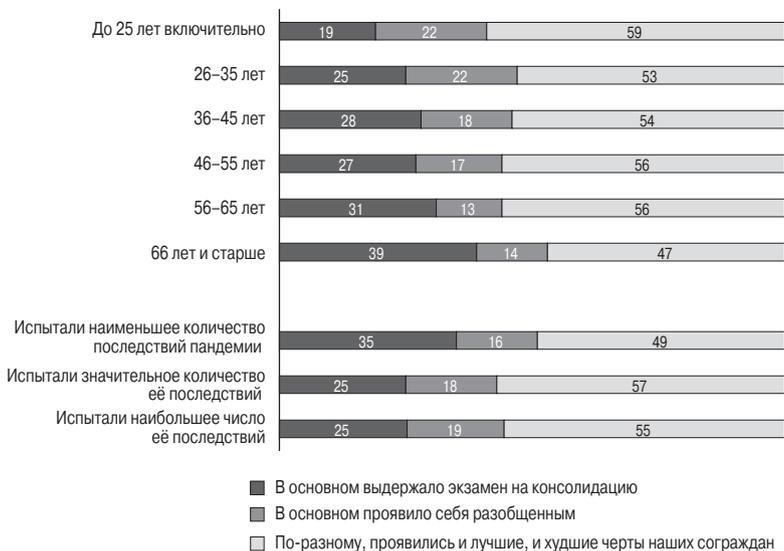

Рисунок 4.6. **Оценки различными группами россиян консолидационного потенциала, связанного с противодействием общества COVID-19, 2022 г., %**

Таким образом, согласно полученным данным, последствия пандемии *COVID-19* по-прежнему оказывают серьезное влияние на жизнь россиян. Это влияние проявляется даже несмотря на кардинальную смену актуальной повестки дня, опосредованной сегодня проведением специальной военной операции на Украине. При этом социально-экономические последствия пандемии как на индивидуальном, так и на страновом уровне представляются нашим согражданам схожим образом. В отношении же собственно эпидемиологической составляющей с восприятием ситуации на макро- и микроуровнях имеются рассогласования.

Глава 5

ДОВЕРИЕ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ / ДЕКОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ФАКТОР ДУХОВНОЙ АТМОСФЕРЫ ОБЩЕСТВА¹

Современные научные концепции рассматривают доверие как один из компонентов социального капитала индивидов и социальных групп. Исследователи сходятся во мнении, что высокий уровень доверия граждан друг другу и существующим социальным институтам благоприятно сказывается на развитии экономики, государства и общества в целом, поскольку снижается уровень транзакционных издержек, связанных с необходимостью подтверждения любых действий экономических агентов – от предоставления займа соседу и подтверждения своей квалификации при устройстве на работу до инвестиций в фондовый рынок и в производство. Этот подход к концептуализации социального капитала обычно связывают с именем Р. Патнема², и он показывает, что иногда разнообразие социальных институтов и плюрализм мнений могут нести опасность для консолидации общества. Социальный капитал, связанный с доверием, разделяют на две формы – разделяющую (*bonding, exclusive*) и объединяющую (*bridging, inclusive*). Первая связана с внутригрупповыми взаимодействиями, вторая – с межгрупповыми. В обществе, где разные группы доверяют разным политическим партиям, неформальным объединениям и источникам информации, слабы межгрупповые связи, и при этом сильно внутригрупповое взаимодействие (доверяют только «своим»), сложно говорить о консолидации.

Ресурсный потенциал социальных сетей рассматривается в качестве социального капитала в рамках другой традиции

¹ В главе частично использованы материалы статьи: *Каравай А.В.* Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 134–148.

² *Putnam R.D.* Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. PS: Political Science and Politics. 1995. Vol. 28. No. 4. P. 664–683; *Putnam R.* Bowling alone, America's declining of social capital // *Journal of Democracy*. 1995. T. 6. С. 65–78.

его изучения, связанной с работами П. Бурдьё³, Дж. Коулмана⁴, М. Грановеттера⁵, Ф. Фукуямы⁶ и др. Впрочем, и в рамках этой традиции роль доверия очень важна, оно является основой существования социальных связей. Люди, оказывая друг другу помощь, создают «доверительные расписки», которые со временем погашают. При этом доверие не обязательно должно быть на личностном уровне, оно может возникать и опосредованно — через принадлежность к социальной группе или определенным социальным институтам. Особое внимание исследователей в рамках этой традиции приковано к тому ресурсному потенциалу, который становится доступен индивиду через его социальные сети. Из-за неравномерного распределения монетарных и немонетарных ресурсов в различных социальных группах и склонности индивидов к общению с похожими на них людьми, ресурсы в социальных сетях распределены также неравномерно⁷.

Период пандемии *COVID-19* и последовавшие за ним события на Украине резко актуализировали в России проблему доверия. Как показывают данные многолетних исследований ИС ФНИСЦ РАН, российское общество неоднородно по своему отношению к действиям руководства страны и доверию как к нему, так и к различным представленным в социуме социально-экономическим и социально-политическим институтам. При этом фиксируемый плюрализм мнений не является чем-то критическим и воспринимается сегодня как безусловная норма: 79% взрослого населения страны считают, что невозможно преодолеть текущий кризис так, чтобы это устроило всех или почти всех, признавая тем самым легитимным существование различий во взглядах и интересах россиян. В 1995 г. данного мнения придерживались 52% населения, в 2012 г. — 67%. Одновременно 87% наших сограждан полагают, что каждый человек имеет право отстаивать собственную точку зрения

³ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

⁴ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

⁵ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

⁶ Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third world quarterly. 2001. Т. 22. No. 1. С. 7–20.

⁷ Подробнее о теоретической концепции социальных сетей и особенности их функционирования см.: Каравай А.В. Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4 (36). С. 42–60.

даже в том случае, если она отлична от общепринятой. В результате развития подмеченных тенденций российское общество становится более зрелым, к настоящему моменту времени диктатура большинства для него уже не характерна. Более того, имея в виду, что спокойное восприятие большинством населения плюрализма мнений и интересов является одним из признаков гражданского общества, можно констатировать, что последнее продолжает последовательно формироваться в России.

В то же время признание большинством плюрализма интересов нормой не свидетельствует автоматически о деконсолидации общества по ключевым вопросам общественной жизни. В ситуации, когда действия по преодолению кризисных явлений не могут учесть всех интересов, вызывать доверие будут только те социальные и государственные институты, которые сумеют (причем наиболее полно!) принять во внимание интересы общества в целом. Ведь в научной интерпретации доверие представляет собой ожидания людей в части того, что другие люди, социальные группы, институты (в том числе государство) будут вести себя предсказуемо, в согласии с общепринятыми нормами, с вниманием к нуждам окружающих.

Весной 2022 г. у трех четвертей россиян наибольшее доверие вызывали армия и Президент РФ, у двух третей – Российская академия наук. Несколько реже, но всё же у большинства, – российское правительство и церковь. Насчет доверия общественным организациям и главам субъектов РФ общество не пришло к единому мнению: в целом по стране доли доверяющих и не доверяющих им были практически одинаковыми (рис. 5.1).

Параллельный анализ показателей доверия и недоверия различным структурам и институтам позволяет построить своеобразную матрицу доверия / недоверия в российском социуме. В нижнем правом квадранте рисунка 5.1 представлены институты, которым россияне склонны доверять в меньшей степени. Это обе палаты парламента, органы местного самоуправления, полиция и профсоюзы – им доверяют около 40% населения. Следующая группа институтов вызывает доверие приблизительно у трети российских граждан – судебная система, российские банки и Центризбирком. Наконец, аутсайдерами рейтинга доверия выступают политические партии (четверть доверяющих). Не пользуются доверием большинства наших сограждан и различные каналы получения информации – как цифровые, так и традиционные СМИ.

Очевидно, что, с точки зрения россиян, весной 2022 г. их интересы лучше представляли федеральные, нежели местные

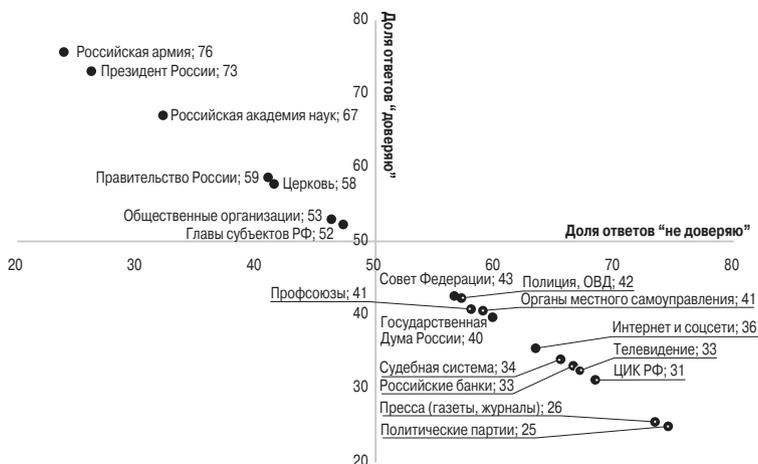

Рисунок 5.1. **Доверие / недоверие россиян различным государственным и общественным институтам, 2022 г., %***

Примечание: * Чем ниже и правее находится точка, тем меньше доверие вызывает соответствующий институт. Для наглядности задано пересечение осей в точке (50; 50): это позволяет отделить группы структур и институтов, которым доверяют свыше половины россиян, от тех, которым свыше половины наших сограждан, наоборот, не доверяют. В подписях к точкам приведены доли доверяющих соответствующей структуре. Доли не доверяющих и затруднившихся с ответом на рисунке не представлены.

и региональные, власти. При этом обе палаты парламента, а также политические партии, созданные для того, чтобы олицетворять и символизировать многообразие нужд и стремлений разных групп «во власти», со своей прямой задачей не справляются. Так, Государственной Думе россияне не доверяют в 1,5 раза чаще, чем доверяют; Совету Федерации — в 1,3 раза; политическим партиям — в 4 (!) раза. И здесь можно говорить, скорее, о существовании в обществе консенсуса в части недоверия к названным властным институтам, нежели о разобщенности российских граждан на почве разного отношения к ним.

В целях оценки динамики уровня доверия россиян различным государственным и общественным институтам был рассчитан Индекс доверия⁸, отображающий превышение доли ответов

⁸ Индекс доверия рассчитывается по формуле: $I = (R_p - R_o) / (R_p + R_o)$, где I — индекс, R_p — доля положительных ответов, R_o — доля отрицательных ответов. Для сопоставимости результатов опросов разных лет Индекс доверия строился только для ответивших респондентов.

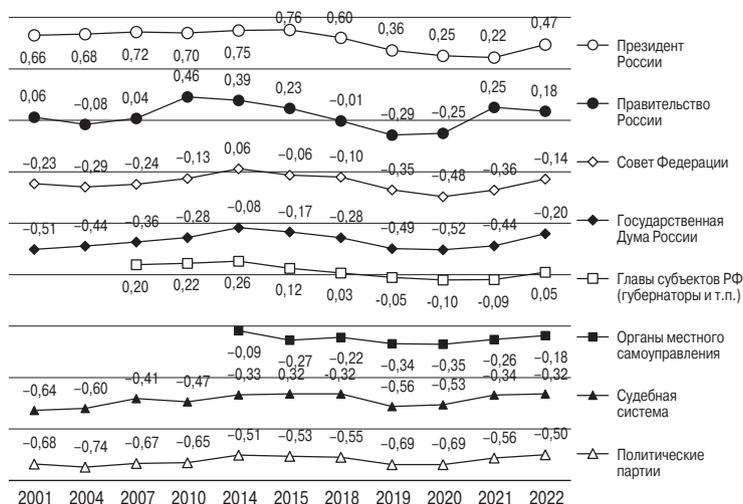

Рисунок 5.2. Динамика Индекса доверия россиянам различным социальным институтам, 2001–2022 гг., баллы

«доверяю» над ответами «не доверяю» среди ответивших на соответствующий вопрос. Диапазон значений Индекса лежит в интервале от -1 (в случае абсолютного недоверия) до 1 (при полном доверии). На рисунке 5.2 представлена динамика Индекса доверия россиянами различным институтам власти в период 2001–2022 гг.

Как видно из данных, представленных на рисунке 5.2, единственным институтом власти, которому на протяжении последних двух десятилетий доверяло и доверяет большинство россиян, остается Президент РФ, хотя персоналии на этом посту менялись. С 2001 по 2018 г. Индекс доверия Президенту страны стабильно превышал 0,5 балла. Однако после 2018 г. фиксировалось снижение соответствующего показателя, продолжавшееся по 2021 г. Возможными причинами этого могли стать пенсионная реформа⁹, предполагавшая повышение возраста выхода на пенсию, а также кризис, вызванный пандемией *COVID-19*. В то же время по завершении острого периода пандемии выросло доверие россиян к правительству.

⁹ Повышение возраста выхода на пенсию было негативно воспринято многими россиянами. По данным ИС ФНИСЦ РАН, в 2019 г. ухудшение в сфере пенсионного обеспечения, имевшее место в течение предыдущих двух лет, отмечал 51% российских граждан против 33% и 40% в 2018 и 2020 гг. соответственно.

Стоит отметить, что после прохождения «пиковой» фазы пандемии наши сограждане стали больше доверять всем институтам власти, что может быть расценено как свидетельство положительной оценки действий властей всех уровней в 2020–2022 гг. Исключением остаются судебная система и политические партии, к которым на протяжении всего рассматриваемого периода общество по большей части относилось с недоверием. Таким образом, уровень доверия к действиям властей не может рассматриваться сегодня как деконсолидирующий фактор, поскольку большинство россиян доверяет Президенту и правительству, но скептически в отношении деятельности парламента и политических партий. Помимо этого, заметны положительные изменения в восприятии обществом региональных властей, что может стать дополнительным источником консолидации российских граждан в их одобрении действий исполнительной власти. В то же время парадоксальна ситуация с теми, кто призван непосредственно представлять «во власти» интересы общества во всем их многообразии, — сенаторами и депутатами. Их деятельность из года в год не вызывает у россиян доверия.

Полиция и армия находятся на двух противоположных полюсах континуума доверия населения России (рис. 5.3). Исторически российским вооруженным силам доверяет большинство наших сограждан. С 2001 г. Индекс доверия им стабильно находится в положительной зоне, а с 2014 г. превышает 0,5 балла (за исключением периода 2020–2021 гг., когда значение данного Индекса опустилось до уровня в 0,4 балла, но и тогда доверие армии было выше, чем остальным рассматриваемым институтам). Иная ситу-

Рисунок 5.3. **Динамика Индекса доверия россиян армии и полиции*, 2001–2022 гг., баллы**

Примечание: * До 2011 г. — милиция.

ация – с доверием органам внутренних дел: россияне по большей части им устойчиво не доверяют, и значения соответствующего Индекса до сих пор фиксируются в негативной зоне. Так, в марте 2022 г. полиции доверяли всего 42% наших сограждан. Вместе с тем это не отменяет того факта, что за последние два десятка лет доля россиян, доверяющих органам внутренних дел, демонстрирует тенденцию к росту. В 2001 г. Индекс доверия им составлял $-0,59$ балла (15% доверяющих); в 2014 г. соответствующие значения фиксировались на уровне $-0,27$ балла (28% доверяющих), а в 2022 г. – $-0,15$ балла (42% доверяющих). Другими словами, медленно, но верно все большее число россиян признает, что органы правопорядка представляют и защищают их интересы.

Потоки информации, получаемой из различных источников, способны манипулировать общественным мнением и формировать разнообразные картины мира. Доверие человека информационным каналам, в которых доминирует какой-то один взгляд на происходящее в окружающем мире, создает вокруг него «информационный пузырь», в который сложно попасть альтернативным мнениям. Сегодня невозможно отрицать несходства картин мира, представленных в традиционных СМИ (телевидение и печатная пресса) и цифровых каналах (Интернет в целом и социальные сети в частности). Как следствие, можно предположить, что деление общества по степени доверия тем или иным каналам получения информации не способствует его консолидации.

Это видно, в частности, по отношению россиян к событиям, происходящим на Украине. В таблице 5.1 показано, что доверяющие традиционным СМИ воспринимают их с меньшим негативом, а будущее России оценивают позитивнее, чем те, кто доверяет информации из Интернета и социальных сетей.

Однако российскому обществу пока не угрожает опасность раскола, порожденного ориентацией его членов на различные источники информации, поскольку без малого половина россиян относится критически ко всем информационным каналам – 46% наших сограждан не доверяют ни прессе, ни телевидению, ни Интернету и социальным сетям, а в Москве и Санкт-Петербурге данный показатель достигает 57% (!). Газеты и журналы вызывают доверие у 26% россиян, телевидение – у 33%, Интернет и соцсети – у 36%. Четверть россиян получает информацию только из одного источника, в том числе 16% – из Интернета и социальных сетей, 7% – из телевизионных передач и трансляций, 2% – из печатной прессы. Наименее критичны в своих оценках различных источников

Таблица 5.1

Отношение россиян, доверяющих различным источникам информации, к событиям вокруг Украины и их последствиям, 2022 г., %

Показатели	Доверяют		
	Прессе	Телевидению	Интернету и соцсетям
<i>Отношение к санкциям</i>			
Они не окажут существенного негативного влияния	35	37	27
Они оказывают/окажут на Россию негативное влияние	48	50	46
Санкции приведут к крайне негативным для России последствиям	17	13	27
<i>Отношение к решению о проведении военной спецоперации на Украине</i>			
Абсолютно не одобряют	6	4	11
Скорее не одобряют	8	6	11
В чем-то одобряют, в чем-то нет	28	30	32
Скорее одобряют	30	29	24
Полностью одобряют	28	31	22
<i>Оценка возможности избежать проведения СВО на Украине</i>			
Совершенно точно нельзя было избежать	27	30	22
Скорее нельзя было избежать	27	29	23
Сложно сказать	31	30	31
Скорее можно было избежать	10	9	14
Совершенно точно можно было избежать	5	2	10
<i>Оценка будущего развития России</i>			
Путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты	85	87	72
Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик	15	13	28

информации молодые люди в возрасте до 25 лет. Тем не менее и среди них 40% не доверяют наиболее распространенным каналам получения информации. При этом 50% молодежи до 25 лет доверяют Интернету и социальным сетям, в том числе 34% – только и исключительно им. В то же время среди 26–35-летних цифровым информационным каналам доверяют не более 38% опро-

шенных (табл. 5.2). Таким образом, если говорить об опасности, которую несет деление общества по степени доверия тем или иным источникам информации, то сегодня данная проблема стоит не столь остро, как могло бы казаться. Да, в силу возраста молодежь до 25 лет отличается менее критическим взглядом на мир, а многие ее представители питают доверие только к Интернету и социальным сетям. Однако и в данной возрастной группе таких отнюдь не большинство.

Очевидны кризис доверия всем информационным источникам и критическое отношение почти половины наших сограждан к получаемой информации. При этом уровень доверия традиционным СМИ в российском обществе исторически невысок. Индекс доверия печатной прессе остается отрицательным с 1998 г., а с 2014 г., за исключением некоторых периодов, падает практически постоянно. Та же ситуация и с Индексом доверия телевидению, который единожды (в 2014 г.) вышел в положительную зону (0,1 балла), хотя и тогда данному информационному каналу доверяли лишь 44% россиян (рис. 5.4). Опросы показывают, что доверие Интернету и социальным сетям сократилось за последний год с $-0,16$ балла до $-0,28$ балла. Информационный шум, ставший неотъемлемой частью жизни современных людей, дискредитирует все источники информации, заставляя россиян относиться к ним все более критически.

Что касается общественных институтов, то в основном они пользуются доверием большинства населения. Тем не менее нельзя

Таблица 5.2

Доля доверяющих различным источникам информации среди россиян разного возраста, 2022 г., %*

Источники информации	До 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет	66 лет и старше	По массиву в целом
Пресса	20	24	24	25	23	39	26
Телевидение	22	30	32	32	32	48	33
Интернет и социальные сети	50	38	37	38	23	29	36
Справочно:							
Не доверяют ни одному источнику	40	49	49	49	51	39	47
Доверяют только одному источнику	41	24	23	22	27	23	25

Примечание: * Допускалось несколько вариантов ответа.

не отметить, что в последние годы отношение ко многим из них не улучшается. Начиная с 2010 г., в обществе нарастает неоднозначное отношение к церкви — при стабильных 50–60% ее сторонников растет доля не доверяющих ей, что происходит за счет сокращения тех, кто не способен оценить ее деятельность однозначно. Как следствие, в последнее десятилетие фиксируется значительное снижение Индекса доверия ей (рис. 5.5).

На сравнительно высоком, хотя и со значительными колебаниями, уровне остается Индекс доверия Российской академии наук. За время пандемии положение последней даже улучшилось: если в сентябре 2020 г. ей безусловно доверяли 58% россиян, то в 2021 г. — 70%, а в 2022 г. — 67%. Аналогичная тенденция просматривается и в отношении общественных и правозащитных организаций — за время пандемии доля доверяющих им выросла с 37% в 2020 г. до 53% в 2022 г. Наконец, профсоюзы, оставаясь скорее формальным институтом, поскольку, согласно данным опроса ФНИСЦ РАН 2021 г., их помощь в случае необходимости воспользовались бы лишь 3% россиян, также улучшили за последние годы свое положение, хотя не доверяющих им и сегодня гораздо больше, чем доверяющих (59% против 39% соответственно).

В целом, россияне стали больше доверять тем общественным и государственным институтам, которые, по их оценкам, смогли проявить себя в период пандемии. Тем самым — сложные времена способствовали укреплению связей между обществом и органами власти разного уровня, общественными организациями, научным сообществом. Свидетельством этого укрепления и опосредованного им усиления доверия может служить согласие 71% наших сограждан с тем, что путь, по которому идет современная Россия,

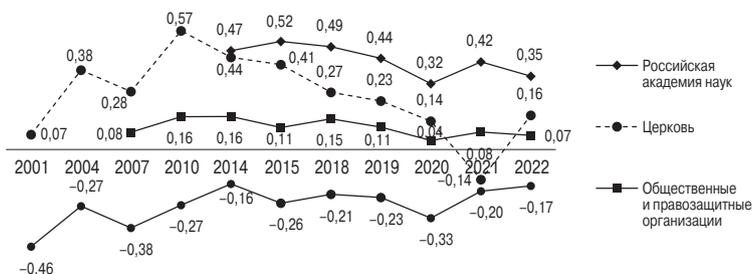

Рисунок 5.5. **Динамика Индекса доверия россиянами различным общественным институтам, 2001–2022 гг., баллы**

даст в перспективе положительные результаты. Для сравнения: в 2016 и 2012 гг. подобного мнения придерживались около двух третей опрошенных (65% и 64% соответственно).

Зафиксированное в ходе опросов укрепление доверия граждан страны социальным и государственным институтам должно сопровождаться укреплением межгруппового и межличностного доверия. Исследование 2022 г. показало, что россияне считают драйверами развития страны большинство ключевых социальных групп. При этом доверия большей части наших сограждан (свыше 85% опрошенных) удостоились разные по своему составу общности (табл. 5.3) – рабочие, крестьяне, средний класс, предприниматели и молодежь. Безусловным большинством населения полезными для развития страны и общества признаются также военные, руководители предприятий и фирм, интеллигенция, и, хотя и в меньшей степени, – сотрудники правоохранительных органов.

Особняком на этом фоне стоят чиновники, которых россияне считают скорее помехой для развития страны (57%). Это парадоксально, поскольку, как было показано выше, сегодня большинство россиян в целом доверяют многим властным институтам, но негативно оценивают при этом работу государственных служащих. Так, среди доверяющих Президенту лишь 48% считают, что чиновники способствуют развитию России; правительству – 54%, Госу-

Таблица 5.3

Мнение россиян относительно влияния на развитие страны различных социальных групп, 2022 г., %*

Социальные группы	Способствуют развитию	Препятствуют развитию
Рабочие	94	5
Крестьяне	93	6
Средний класс	92	7
Предприниматели	90	10
Молодежь	88	11
Военные	83	16
Руководители предприятий и фирм	80	19
Интеллигенция	78	21
Сотрудники правоохранительных органов	65	34
Государственные чиновники	42	57

Примечание: * Затруднившиеся с ответом в таблице не представлены.

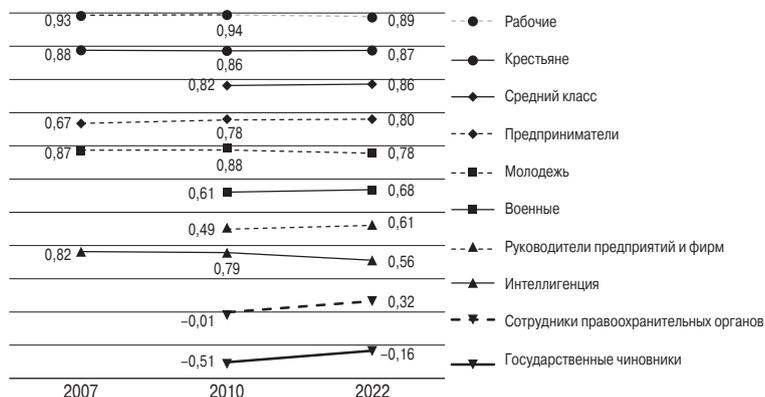

Рисунок 5.6. **Динамика показателей Индекса восприятия россиянами групп – драйверов развития России, 2007–2022 гг., баллы**

дарственной Думе – 62%, Совету Федерации – 61%, политическим партиям – 68%.

Положительное влияние на развитие страны представителей многих групп российского общества признается большинством наших сограждан на протяжении длительного времени. На рисунке 5.6 показана динамика Индексов восприятия драйверов России, рассчитанных по той же формуле, что и Индекс доверия. Положительные значения данного Индекса отражают превышение доли тех, кто считает представителей той или иной группы способствующими развитию страны, над долей сторонников противоположного мнения, тогда как отрицательные значения говорят об обратной ситуации¹⁰. Анализ показателей Индекса в разные годы свидетельствует, что, во-первых, на протяжении длительного времени наши сограждане склонны в массе своей признавать важную роль в развитии России большинства представленных в обществе ключевых социальных групп. Наивысшая степень согласия по данному вопросу была достигнута к 2007 г. Во-вторых, некоторые изменения, хотя и сравнительно небольшие, за последние годы все же произошли. Так, постепенно падает авторитет интеллигенции: в 2007 г. безусловное большинство (91% ответивших) россиян считало, что эта часть общества способствует развитию страны, а в 2022 г. соответствующий показатель снизился до 78%.

¹⁰ Расчет Индекса восприятия основывался только на тех, кто ответил на соответствующий вопрос.

В целом же за последние 12 лет российский социум стал более консолидированным в своем мнении относительно роли рассматриваемых социальных групп в развитии страны, и это справедливо даже в отношении чиновников, сотрудников правоохранительных органов и крупных банков.

Таким образом, в российском обществе уже давно сложился консенсус относительно доверия социальным институтам и ключевым социальным группам, а также в целом схожее мнение относительно их роли в развитии страны. При этом доминирует точка зрения, согласно которой, несмотря на присутствие в социуме самых разнообразных групп с разными интересами, большинство из них действует на благо страны. Более того, если раньше россияне чаще признавали ведущую роль своих и близких к ним групп (так, рабочие и сельские жители в большинстве своем полагали, что на благо страны работают прежде всего рабочие и крестьяне, молодежь видела в этой роли молодежь и т.д.), то в 2022 г. независимо от возраста, места проживания, уровня образования, материального положения и профессионального статуса не менее 70% представителей всех групп заявили, что развитию России способствует каждая из них. Это означает, что наблюдается консолидация общества и вокруг социальных институтов, и на уровне социальных групп с различными целями и интересами.

Таким образом, очевидно, что та часть социального капитала, которая связана с доверием государственным институтам и ключевым социальным группам, в последние годы возрастает, и период пандемии, при всей своей сложности, благотворно повлиял на эти процессы. Подобное положение вещей ценится большей частью россиян, поскольку угроза распространения недоверия граждан к власти беспокоит 49% населения страны, а постоянно боятся этого 14%. В отношении роста недоверия между людьми соответствующие показатели составляют 53% и 18%.

Возникает вопрос: а что происходит с доверием на уровне межличностных отношений, и ощущают ли сами россияне высокий уровень взаимовыручки в обществе? Данные исследования демонстрируют, что субъективные оценки этих взаимоотношений находятся на среднем уровне – 5,4 балла из 10 возможных (медиана – 5 баллов). При этом немногим менее четверти (23%) наших сограждан оценивают степень распространенности взаимовыручки не выше, чем на 3 балла (обозначим ее как низкую), а свыше трети (35%) ставят ей 7 баллов и более (условно высокая степень взаимовыручки). Если говорить об отдельных группах, то значи-

мые отличия оценок прослеживаются у представителей разных возрастов и профессий (рис. 5.7), а вот материальное положение и уровень образования на восприятие уровня взаимовыручки в обществе не влияют.

На рисунке 5.7 показано, что прямой зависимости между оценкой уровня взаимовыручки в обществе и местом проживания, возрастом или профессиональным статусом респондентов всё же нет. Тем не менее жители центров субъектов РФ, предприниматели и самозанятые, служащие и специалисты, а также население в возрасте 46–65 лет в среднем оценивают уровень взаимопомощи в обществе выше среднего, а ниже остальных его оценивают, как правило, руководители разного уровня. Однако эти отклонения сравнительно невелики.

Оценки уровня взаимовыручки в обществе зависят в ряде случаев от личной ситуации индивидов – доверяют или нет они своему окружению, ощущают ли поддержку с его стороны. Следует отметить, что тех, кто не доверяет никому, в российском обществе почти нет – их доля не превышает статистической погрешности (1%). С другой стороны, весной 2022 г. каждый десятый россиянин доверял всем членам своего окружения – от родственников и близких до соседей и коллег. Несмотря на всё еще высокий

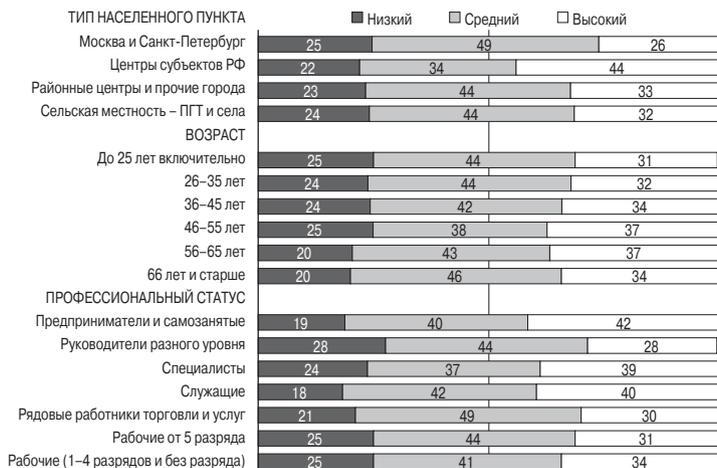

Рисунок 5.7. **Субъективные оценки уровня взаимовыручки в обществе в зависимости от места проживания, возраста и профессионального статуса опрошенных, 2022 г., %**

уровень межличностного доверия в социуме, за время пандемии он заметно упал: меньше стало тех, кто доверяет самым близким (семье, родственникам и друзьям), увеличилось число не доверяющих соседям и коллегам (табл. 5.4).

Возможно, негативная динамика вызвана тем, что постепенно исчезает влияние пандемийного периода, когда была необходимость чаще приходиться друг другу на выручку, принимать и оказывать помощь, или напротив, не состоявшимися ожиданиями относительно получения помощи во время пандемии. Но есть и другое объяснение – неоднозначное отношение россиян к тем событиям, которые развернулись с началом специальной военной операции на Украине. Вероятные конфликты на этой почве также способны были снизить уровень межличностного доверия. Всё-таки 21% населения в марте 2022 г. в той или иной степени не одобрил проведение спецоперации, а 22% опрошенных заявили, что вооружённого конфликта скорее всего можно было избежать. При этом соответствующие показатели среди тех, кто доверяет семье лишь отчасти, были заметно выше – 35% и 31%. Среди недоверяющих семье они были еще выше – 60% и 53% соответственно, однако их не стоит абсолютизировать в силу малой численности данной группы. Таким образом, отношение к событиям вокруг Украины могло негативно повлиять на уровень межличностного доверия внутри российского общества. В то же время критических изменений весной 2022 г. еще не произошло, поскольку тех, кто не доверял никому, тогда практически не было, тогда как в 2004 г., например, их было 17%.

Обратимся к вопросу о потенциале и формах той помощи, которую россияне оказывают друг другу. Данные свидетельству-

Таблица 5.4

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете своему ближайшему окружению?», 2021–2022 гг., %

Окружение	Доверяют		Доверяют отчасти		Не доверяют		В окружении нет таких людей	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Члены семьи	91	88	8	11	0	1	1	0
Родственники	69	62	29	34	2	4	0	0
Друзья	56	49	40	44	3	6	1	1
Коллеги	18	18	49	50	13	16	20	16
Соседи	18	14	55	55	25	29	2	2

ют, что практически все наши сограждане рассчитывают на получение (97%) или готовы оказать (94%) тот или иной вид помощи. При этом к наиболее распространенным ее видам относятся те, которые помогают решить повседневные текущие проблемы с бытом или финансами — хозяйственно-бытовая помощь, возможность занять денег «до получки» или разово подзаработать (табл. 5.5). Всё, что открывает новые жизненные возможности для них или их детей — новая хорошая работа, карьерный рост, обучение в престижной школе или вузе и т.п., доступно гораздо меньшему числу наших сограждан, а тех, кто способен предоставить такие возможности, относительно немного. При этом по сравнению с 2021 г. ситуация в данной области практически не изменилась, хотя доступ к займам у российского населения сократился. Вероятно, причина этого — ожидания кризиса на фоне санкций и «переход» многих россиян в режим экономии.

Таблица 5.5

Распределение ответов на вопрос «Могли бы Вы в случае необходимости получить от своего ближайшего окружения или оказать его членам следующие виды помощи?», 2022 г., %*

Виды помощи	Могли бы получить такую помощь		Готовы оказать такую помощь	
	2021	2022	2021	2022
Поступление в хороший вуз	6	6	3	4
Продвижение по карьерной лестнице	7	7	2	3
Решение жилищной проблемы	6	9	4	5
Устройство детей в хорошую школу	8	9	4	7
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении проблем	10	9	8	7
Устройство на хорошую работу	11	11	4	5
Возможность взять в долг свыше 100 тыс. руб.	13	12	5	6
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	23	22	9	9
Поиск приработков	25	28	14	17
Возможность взять в долг до 100 тыс. руб.	53	41	33	23
Хозяйственно-бытовая помощь (ХБП)	—	65	—	78
Не имею таких знакомых / не могу оказать никакой помощи	—	3	—	6
Не имею таких знакомых / не могу оказать никакой помощи (кроме ХБП)	19	31	41	54

Примечание: * Допускалось несколько вариантов ответа.

В сети обмена включены практически все россияне, однако рассчитывающих получить помощь в среднем больше, чем готовых ее предоставить. Исключение составляет не требующая дополнительных ресурсов хозяйственно-бытовая помощь: готовых оказать ее больше, чем тех, кто рассчитывает ее получить. Сложилась интересная ситуация: субъективно наши сограждане средне оценивают уровень взаимовыручки в обществе, но при этом подавляющее их большинство готово прийти на выручку, оказать посильную помощь, и почти все рассчитывают ту или иную помощь получить. Это означает, что жители России заметно недооценивают уровень взаимовыручки в социуме в целом.

Не умаляя значимости для формирования и поддержания межличностных связей в обществе хозяйственно-бытовых форм помощи, сосредоточимся на более значимых для жизни и дефицитных формах поддержки. Как показано в таблице 5.5, тех, кто готов предоставить их, то есть играющих в социальных сетях роль доноров, в 1,5 раза меньше, чем тех, кто рассчитывает такую помощь получить, то есть реципиентов.

Рассмотрим две шкалы «Донорство» и «Реципиентство», построенные путем суммирования баллов, присвоенных за каждый вид потенциально предоставляемой или получаемой помощи. Максимум по каждой из них составляет 10 баллов, но данные исследования дают в обоих случаях не более 7 баллов. Среднее значение по шкале «Донорство» составило 0,85 балла, по шкале «Реципиентство» – 1,53 балла. Эти показатели положительно коррелируют (коэффициент корреляции Пирсона 0,524), а посему логично предположить, что чем больше у человека потенциал предоставляемой им помощи, тем больше и возможностей привлечения значимых видов поддержки. Можно было бы допустить и обратную зависимость: высокий потенциал привлекаемой помощи обеспечивает широкие возможности ее предоставления другим. Однако наличие группы тех, кто только ожидает помощи, но сам ее предоставлять не готов (27% опрошенных), указывает на то, что процессы распространения ресурсов работают в направлении «от доноров к реципиентам», и редко в обратном направлении.

Шкалы потенциала получаемой и предоставляемой помощи можно представить в виде пары координатных осей пространства «донорство – реципиентство» в российском обществе. Кластерный анализ позволяет выделить в этом пространстве 6 кластеров, образующих структуру социальных сетей. Первый кластер объединяет россиян, имеющих нулевые значения по обеим шкалам (27%

населения), то есть в принципе не включенных в обмен значимыми видами ресурсов. Второй – «чистые реципиенты» (27% россиян) – это те, кто, имея 0 баллов по шкале «Донорство», тем не менее рассчитывает получить от своего окружения различные виды помощи. Несмотря на то, что представители этих двух кластеров не готовы оказывать значимые виды помощи, среди них максимально число готовых помогать в хозяйственно-бытовом плане (92% среди «чистых реципиентов» и 88% среди не включенных в обмен значимыми ресурсами россиян). Это лишний раз подтверждает высокий уровень взаимовыручки в российском обществе, в контексте которой люди готовы оказывать любую посильную помощь, независимо от располагаемых ресурсов и материального положения (рис. 5.8).

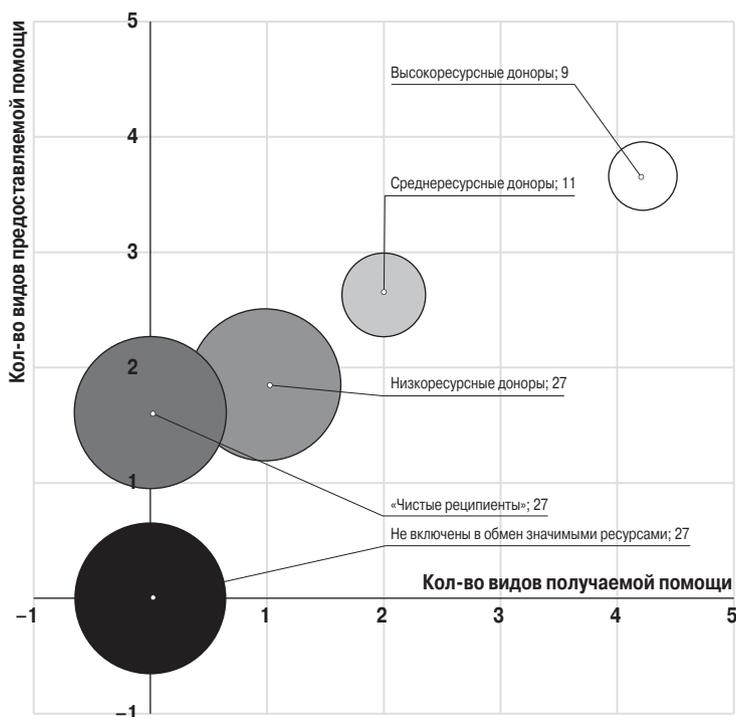

Рисунок 5.8. Структура социальных сетей массовых слоев российского населения, 2022 г., %

Оставшиеся 4 кластера объединяют доноров с разным потенциалом предоставляемой ими другим членам сетей помощи. Самый большой «донорский» кластер – низкоресурсные доноры (27% населения): по большей части его представители способны предоставить какой-то один вид помощи, в основном дать в долг сравнительно небольшую сумму денег. Группа среднересурсных доноров заметно меньше – всего 11% россиян. Ее представители могут предоставить сетям в среднем два вида помощи. Потенциал получаемой помощи у них также выше, чем у низкоресурсных доноров. Последние два кластера объединяются в группу высокоресурсных доноров и даже в сумме составляют лишь 9% массовых слоев населения. Именно их можно назвать основой и наиболее активными членами социальных сетей, поскольку все они способны предоставить не менее трех видов поддержки, а доступный им потенциал получаемой помощи – самый высокий из всех.

Как упоминалось выше, в обмене значимыми видами ресурсов не участвуют более четверти наших сограждан, и еще столько же относятся к «чистым реципиентам», чей потенциал получаемой помощи включает преимущественно возможности получить помощь в устройстве на хорошую работу (48% группы), небольшие займы (43%) или доступ к должностным лицам для решения личных проблем (27%).

Если же говорить о «донорах», то в плане потенциала помощи, предоставляемой ими своим сетям, они значительно различаются. Так, потенциал сравнительно многих низкоресурсных «доноров» заключается в возможности помочь с трудоустройством на хорошую работу и предоставлении небольших займов (табл. 5.6). Заметная часть среднересурсных «доноров» имеют плюс к этому возможность содействовать в доступе к должностным лицам. И, наконец, высокоресурсные «доноры», как правило, способны предоставлять самые различные виды поддержки. Кроме того, посредством своих сетей высокоресурсные доноры могут обрести доступ ко всем видам ресурсов, включая наиболее дефицитные из них.

Данные весны 2022 г. говорят о том, что чаще остальных не включены в обмен значимыми ресурсами лица старше 45 лет, проживающие в сельской местности и вне столиц субъектов РФ, преимущественно без высшего образования и, как следствие, занятые физическим или низкоквалифицированным нефизическим трудом (табл. 5.7). Иными словами, доступ к ресурсообмену зависит как от образа жизни, опосредованного этапом жизненного цикла и

Таблица 5.6

Виды помощи, которые могут предоставить или получить различные группы россиян-«доноров», 2022 г., %

Виды помощи	Низко-ресурсные		Средне-ресурсные		Высоко-ресурсные	
	Могут получить	Готовы предоставить	Могут получить	Готовы предоставить	Могут получить	Готовы предоставить
Устройство на хорошую работу	59	42	60	56	71	67
Возможность взять в долг до 100 тыс. руб.	33	26	39	49	37	57
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении личных проблем	25	8	39	26	46	51
Обращение к хорошим врачам или устройтво в хорошую больницу	10	5	21	12	31	44
Поступление в хороший вуз	14	2	31	13	35	38
Продвижение по карьерной лестнице	13	3	21	11	34	38
Возможность взять в долг более 100 тыс. руб.	8	8	16	16	31	37
Устройство детей в хорошую школу	6	1	10	2	27	33
Поиск приработков	9	2	12	13	28	28
Решение жилищной проблемы	8	1	13	2	27	27

особенностями места жительства, так и от накопленного человеческого капитала, определяющего позицию индивида в социальной структуре. Помимо этого, прослеживается практически линейная взаимосвязь между степенью включенности индивидов в социальные сети и уровнем их среднедушевых доходов. Только у 13% не включенных в обмен значимыми ресурсами россиян среднедушевые доходы превышают 1,25 медианы доходного распределения в населенных пунктах соответствующего типа. Среди «чистых реципиентов» таких 24%, среди низкоресурсных доноров — 34%, среднересурсных доноров — 46%, высокоресурсных доноров — 54% (при 29% по массиву в целом).

Как следствие, доступ к ресурсообмену в социальных сетях чаще получают представители высокодоходных слоев, и они же обретают от них максимальную пользу. Иными словами, социальные сети способствуют углублению материальных и нематериальных неравенств, и, возможно, по этой причине россияне в среднем невысоко оценивают уровень взаимовыручки в обществе, поскольку

Таблица 5.7

Социально-экономические характеристики групп, занимающих разные позиции в структуре социальных сетей, 2022 г., %

Показатели	Не включены в ресурсообмен	«Чистые реципиенты»	Доноры			По массиву в целом
			Низко-ресурсные	Средне-ресурсные	Высоко-ресурсные	
ВОЗРАСТ						
До 25 лет включительно	6	10	8	6	16	8
26–35 лет	15	21	24	23	23	21
36–45 лет	19	27	25	30	28	25
46–55 лет	22	19	17	19	18	19
56–65 лет	18	13	15	13	7	14
66 лет и старше	20	10	11	9	8	13
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ						
Москва и Санкт-Петербург	8	16	13	15	13	13
Центры субъектов РФ	25	26	28	29	34	27
Прочие города	31	27	27	33	27	29
Села и ПГТ	36	31	32	23	26	31
ОБРАЗОВАНИЕ						
Высшее образование	27	34	36	46	57	36
Среднее специальное образование	53	51	52	46	35	50
Общее среднее образование	20	15	12	8	8	14
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС						
Предприниматели и самозанятые	3	6	6	11	15	7
Руководители разного уровня	2	5	6	6	14	6
Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование	20	24	23	34	33	25
Служащие на должностях, не требующих высшего образования	14	16	15	11	13	14
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	24	14	16	11	10	16
Рабочие	37	35	34	27	15	32

ку реальные возможности доступных им сетей не оправдывают их ожиданий. Невзирая на это, потенциальная помощь достаточно эффективно конвертируется в помощь реальную. Так, в 2021 г. в процессы получения и оказания помощи были включены 80% наших сограждан (в том числе 60% сами оказывали помощь, а 66% получали ее). Тем не менее для многих россиян это не отменяет проблему несоответствия ожидания конкретному виду помощи и реального ее получения хотя бы потому, что доноров в 1,5 раза меньше, чем реципиентов.

Выше упоминалось о группах населения, различающихся субъективным восприятием ситуации в стране и обществе. Надо отметить, что эти группы различаются и по степени доверия тем или иным социальным институтам и группам, включая межличностное доверие. Как показано в таблице 5.8, спокойно воспринимающие текущую ситуацию россияне гораздо чаще доверяют основным общественным и государственным институтам (значение Индекса доверия властным институтам¹¹ составляет в их группе 0,16 балла при $-0,05$ балла по массиву в целом). В среде «тревожащихся» наших сограждан значение Индекса доверия институтам власти уходит в отрицательную зону и составляет $-0,12$ балла, однако, безусловное большинство их все же доверяет Президенту РФ, армии и РАН. Среди же «катастрофистов» максимально число тех, кто не доверяет ни одному из названных институтов (16% против 7% по массиву в целом), а положительные значения Индекса доверия фиксируются только в части общественных организаций и РАН, хотя и для них значения Индекса едва превышают нулевую отметку.

Представители рассматриваемых групп дифференцированы и по степени доверия ближайшему окружению. В таблице 5.9 показано, что россияне со спокойным восприятием ситуации чаще остальных полностью доверяют собственному окружению. «Катастрофисты», наоборот, чаще ему не доверяют.

Очевидно, в нынешних турбулентных условиях спокойствие в восприятии ситуации в стране, своем регионе и населенном пункте (месте жительства) зависит от ощущения чувства «плеча»: не случайно свыше половины (51%) «катастрофистов» оценивают уровень заботы и взаимовыручки в обществе ниже среднего, хотя в полярной группе «спокойных» 53% оценивают его выше 6 баллов

¹¹ Представляет собой среднее значение Индексов доверия Президенту РФ, правительству РФ, региональным и муниципальным властям, обеим палатам парламента и политическим партиям.

Таблица 5.8

Индексы доверия ключевым общественным и государственным институтам в группах россиян с различным восприятием ситуации в обществе, 2022 г., баллы

Институты	«Спокойные»	«Тревожащиеся»	«Катастрофисты»	По массиву в целом
Президент России	0,73	0,40	-0,25	0,47
Правительство России	0,44	0,09	-0,47	0,18
Руководитель субъекта РФ	0,28	-0,03	-0,49	0,05
Органы местного самоуправления	-0,02	-0,25	-0,51	-0,18
Государственная Дума России	0,00	-0,27	-0,68	-0,20
Совет Федерации	0,10	-0,23	-0,68	-0,14
Политические партии	-0,41	-0,52	-0,76	-0,50
Полиция, органы внутренних дел	0,07	-0,24	-0,52	-0,15
Пресса (газеты, журналы)	-0,40	-0,51	-0,68	-0,48
Телевидение	-0,23	-0,39	-0,61	-0,34
Интернет и социальные сети	-0,33	-0,26	-0,25	-0,28
Российская армия	0,71	0,47	-0,11	0,52
Профсоюзы	-0,05	-0,23	-0,34	-0,17
Судебная система	-0,11	-0,41	-0,59	-0,32
Церковь	0,32	0,09	-0,03	0,16
Общественные организации	0,13	0,04	0,03	0,07
Российская академия наук	0,50	0,30	0,06	0,35
Российские банки	-0,19	-0,41	-0,53	-0,34
Центральная избирательная комиссия (ЦИК РФ)	-0,16	-0,46	-0,76	-0,37

из 10 возможных. Однако на личном уровне, независимо от восприятия окружающей их действительности, практически все представители рассматриваемых групп включены в социальные сети, то есть могут предоставлять или получать хотя бы хозяйственно-бытовую помощь. Структура социальных сетей в данных группах практически не отличается от той, что фиксируется для населения в целом, за одним исключением – среди «катастрофистов» свыше трети их представителей (36% при 27% по массиву в целом) относятся к «чистым реципиентам», и 18% – к низкоресурсным донорам (при 28% по массиву в целом).

Таблица 5.9

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете своему ближайшему окружению?» в группах россиян с различным восприятием ситуации в обществе, 2021–2022 гг., %

Окружение	Доверяют			Отчасти доверяют			Не доверяют		
	«Спокойные»	«Тревожащиеся»	«Катастрофисты»	«Спокойные»	«Тревожащиеся»	«Катастрофисты»	«Спокойные»	«Тревожащиеся»	«Катастрофисты»
Члены семьи	90	87	82	9	12	18	1	1	0
Родственники	66	61	55	30	36	43	4	3	2
Друзья	52	48	46	43	46	49	5	6	5
Коллеги	24	21	17	58	61	53	18	18	30
Соседи	16	14	7	57	57	50	27	29	43

В заключение подчеркнем, что при довольно высокой степени консенсуса в обществе относительно доверия к ключевым институтам и роли в развитии страны основных социальных групп, россияне оценивают уровень взаимовыручки в обществе как средний. Эти оценки не согласуются с уровнем доверия ближайшему окружению и объективными показателями готовности россиян прийти на помощь друг другу, которые, напротив, очень высоки. Скорее всего, причиной этого рассогласования выступают завышенные запросы в отношении своих контрагентов по социальным сетям, особенно в условиях растущей неопределенности будущего.

Глава 6

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ И ОБЩЕСТВА

Исследования в режиме мониторинга динамики ценностных и мировоззренческих установок россиян свидетельствуют: сегодня Россия переживает третий период в своей новейшей истории. На смену идеологической турбулентности, расколов и поиска, активного освоения и примеривания на себя новых ценностей, идеологием и смыслам, пришедшихся на конец 1980-х и 1990-е годы, пришел период идеологической нейтральности и индифферентности первого относительно благополучного десятилетия нулевых, который затем сменился временем управляемого ценностного синтеза и формирования консервативного большинства. Ключевым в этой связи становится вопрос о том, сложилось ли в действительности это большинство, имеет ли оно в основе своей специфический ценностный базис, который готов к «испытаниям на прочность». С другой стороны, важно понимать, что представляет собой ценностное меньшинство, каковы точки его социальной локализации, а главное — насколько его ценностные установки противостоят либо дополняют собой ценности большинства, есть ли у этих групп россиян потенциал взаимопонимания и взаимодействия.

Предваряя анализ эмпирических данных, который мог бы ответить на поставленные вопросы, необходимо отметить, что ценности и установки, которыми человек руководствуется в собственной жизни, могут отличаться от тех, которые лежат в основе его восприятия общего хода развития страны и выбора той или иной желаемой модели общественного устройства. Поэтому анализ трансформации смысложизненных установок россиян будет проведен на двух уровнях. Вначале — на макроуровне, в контексте мировоззренческих представлений наших сограждан, связанных с оценкой ими пути, по которому идет Россия, ее цивилизационной модели, государственного устройства, то есть сквозь призму «смыслов для страны». А далее — на микроуровне, с учетом вос-

приятия людьми собственной жизни, базовых смыслов и принципов собственного существования, то есть сквозь призму «смыслов для себя».

Ключевой вопрос, который лежит в основе анализа представлений россиян о «смыслах для страны», — вопрос о том, насколько перспективен путь, по которому движется сегодня страна. ИС ФНИСЦ РАН располагает данными, отражающими динамику мнений наших сограждан по этому вопросу более чем за 20 лет. Эта динамика свидетельствует о том, что сегодня страна переживает второй пик общественной поддержки выбранного вектора развития России — уверенное большинство граждан (71%) считают, что путь, по которому идет Россия, даст в перспективе положительные результаты, и только 29% полагают, что он ведет в тупик (рис. 6.1). Первый такой пик пришелся на 2014 г., ознаменованный объединением Крыма с Россией. В то время убеждение о том, что Россия идет правильным путем, разделяло подавляющее большинство россиян (75%). Между этими двумя пиками можно наблюдать период значительного ослабления поддержки выбранного курса, когда ее уровень (53–55%) лишь немногим превышал уровень его общественной критики (45–47%). Очевидно, что ситуации, связанные с переосмыслением места в мире и усиления международной роли

Рисунок 6.1. **Динамика оценок россиянами вектора развития страны, 2001–2022 гг., %***

Примечание: * Затруднившиеся с ответом здесь и далее в главе на рисунках не указаны.

России, с ее новым позиционированием и с активизацией внешнеполитической активности, сопровождающиеся противодействием этой активности извне, ужесточением риторики и действий зарубежных стран в ее отношении, усиливают консолидацию общества и численно увеличивают лояльное большинство.

Критичность в отношении выбранного вектора развития России достигала значимых величин в начале 2000-х гг. (40% в 2001 г.), далее — в 2011 г. с его «болотными протестами», а также в период с 2018 по 2021 г. Пиковое же значение доли россиян, заявлявших, что путь, по которому идет страна, ведет в тупик, фиксировалось в 2020 г. — в разгар коронакризиса. Таким образом, смещение фокуса внимания общества с внешнеполитической повестки на внутреннюю численно уменьшает искомое большинство, ведет к смене настроений с поддержки, связанной с достижениями на внешнеполитической арене, на более критическое восприятие выбранного страной пути развития.

При этом оценка выбранного курса мало связана с объективными параметрами и обстоятельствами жизни россиян (такие социально-демографические параметры, как пол, уровень образования, место проживания, заметного влияния на оценки пути развития России не оказывают), но отражает специфику его восприятия представителями разных поколений. Максимум поддержки выбранный для России курс получает среди 56–65-летних россиян (77% на фоне минимальных 59% среди молодежи 18–25 лет), т.е. в поколении людей, рожденных в 1957–1966 гг. Это люди, чья молодость, построение семьи и карьеры и в целом наиболее активный и продуктивный возраст пришлись на годы социальной и идейно-политической турбулентности в стране, на «лихие 90-е» с их «диким капитализмом» и кризисной экономической ситуацией. И при этом они имеют опыт жизни в стране, жившей по другим правилам, без рынка и идеологического разнообразия, но зато в обширной и мощной державе, расколовшейся потом на их глазах на «страны постсоветского пространства». Это социально и экономически активное поколение, имеющее возможность сравнить опыт жизни при разных моделях общественного устройства, не просто готовое к консервативному повороту, но и лично в нем заинтересованное.

Два обозначенных выше пика позитивной оценки вектора развития страны (2014 и 2022 гг.), сходных по внешнему признаку (доле поддерживающего большинства), имеют важные отличия, связанные с изменениями в социально-демографическом составе этого

большинства. Во-первых, и это наиболее заметное изменение, снизился уровень поддержки нынешнего пути развития России среди молодежи (рис. 6.2). Если в 2014 г. его позитивно оценивали 73% россиян моложе 25 лет, то в марте 2022 г. доля позитивных оценок молодежи сократилась до 59% (и это снижение гораздо заметнее, чем по населению в целом: 14 п.п. и 4 п.п., соответственно). Одновременно выросла доля молодежи, полагающей, что нынешний путь развития ведет Россию в тупик — с 26% до 41%, то есть на 15 п.п. (при том, что в целом по населению доля негативных оценок увеличилась лишь на 5 п.п.). За этими количественными изменениями видно качественное отличие ситуации: если в 2014 г. российская молодежь воспроизводила ту же картину оценок, что и россияне в целом (и можно было говорить о возрастном консенсусе населения в вопросе о курсе развития страны), то сегодня ее позиция — особая. На фоне остальных групп она выделяется своей критичностью, чего в 2014 г. не наблюдалось.

Второе изменение в составе групп населения, поддерживающих вектор развития страны, отмечено среди жителей разных типов поселений. Сравнение данных 2014 и 2022 гг. показывает, что сегодня его поддержка стала несколько выше в Москве и Санкт-Петербурге, где доля тех, кто полагает, что выбранный путь и направление движения ведут страну к позитивным результатам, увеличилась с 64% до 71% (рис. 6.3). Вообще, в этом вопросе столицы заметно «подтянулись» к средним по стране показателям: если раньше они демонстрировали более высокий уровень критичности, то сегодня значение доли столичных жителей, считающих, что страна идет в тупик, практически совпадает со сред-

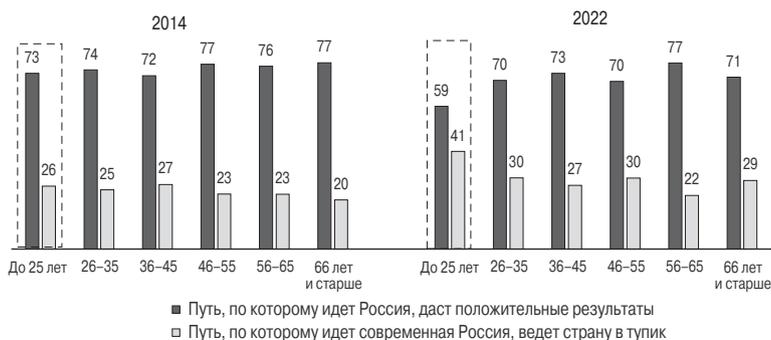

Рисунок 6.2. **Динамика оценок основного вектора развития страны в разных возрастных группах, 2014–2022 гг., %**

ним общероссийским показателем (28% и 29% соответственно). Обратная ситуация в российских селах. В 2022 г. уровень поддержки их жителями пути развития страны стал несколько ниже, чем в период посткрымского подъема социального оптимизма (70% при 78% в 2014 г.), а вот уровень критичности, напротив, выше (29% при 20% в 2014 г.). Таким образом, наблюдается выравнивание показателей поддержки курса, которому следует Россия, в разных типах поселений. Различия, которые фиксировались в 2014 г. (до 15 п.п. — между столицами и селами), сегодня практически нивелированы (не превышают 1 п.п.).

А в целом перед нами два контртренда: консолидационный, выравнивающий различия и формирующий общую позицию — в поселенческом разрезе населения, и второй, дифференцирующий позиции — в возрастном разрезе.

Второй аспект, отражающий отношение россиян к «смыслам для страны», — динамика их запроса на перемены в обществе. Взгляд на умонастроения населения через призму этого запроса позволяет в том числе понять, насколько путь, по которому идет Россия, соответствует устремлениям тех, кто хочет преобразований, и тех, кому необходимо сохранение стабильности, т.е. насколько консолидировано внутренне поддерживающее его большинство. Самым низким запрос на перемены был в 2014 г., когда был зафиксирован его «исторический минимум» за период наблюдений с 1998 г. (30%), после чего исследования демонстрировали тренд на рост этого показателя до 56–57% в 2018–2019 гг. Впоследствии запрос на перемены ослабел, и в марте 2022 г. его транслировали уже 50% россиян, тогда как запрос на стабильность — 49%. В этот момент

Рисунок 6.3. Динамика оценок основного вектора развития страны жителями разных типов поселений, 2014–2022 гг., %

общество оказалось расколото в данном вопросе на два практически равных по численности лагеря.

Как показывает анализ данных, путь, по которому идет Россия, укладывается, прежде всего, в запрос на стабильность — подавляющее большинство (80%) респондентов, считающих, что страна нуждается в ней, оценивают нынешний вектор развития как залог будущих положительных результатов (рис. 6.4). Одновременно реализуемый курс отвечает и запросу на перемены (хотя и в заметно меньшей степени) — большинство респондентов, транслирующих подобный запрос (62%), также позитивно оценивают путь, по которому движется сегодня Россия. И хотя доля тех носителей запроса на перемены, которые считают данный путь тупиковым, значительна (38%), тем не менее, перевес мнений в пользу одобрения нынешнего курса отчетливо выражен и среди сторонников перемен.

Сравнение того, как изменилось соотношение между восприятием пути развития страны и запросом на перемены/стабильность к весне 2022 г. в сопоставлении с 2021 г., показывает, что общество переосмысливает перспективы развития страны, наполняя новым смыслом то, что вкладывается в понятие «перемены». Если в 2021 г. «перемены» предполагали скорее поиск иного пути, отличного от того, которым идет страна, и большинство (57%) сторонников перемен считали, что Россия идет в тупик, то год спустя, в марте 2022 г., большинство сторонников перемен (62%) заявляли, что страна идет в правильном направлении: «путь» и «перемены» для них в этот момент уже не противоречили, а соответствовали друг другу.

Однако из этого нового явления есть исключения, связанные, прежде всего, с возрастными различиями восприятия «пути» и «перемен». Новое прочтение вектора развития страны как ответа на запрос на перемены справедливо, прежде всего, для представи-

Рисунок 6.4. **Динамика взаимосвязи оценок россиянами основного вектора развития страны с запросом на перемены, 2021–2022 гг., %**

телей старших возрастов, особенно для группы 56–65-летних россиян – среди тех ее представителей, которые выступают за перемены, уверенное большинство (70%) одобряют нынешний путь развития страны (рис. 6.5). Вернемся к главной особенности этого поколения, встретившего распад СССР на пике жизненной энергии и жизненных вызовов, не имевшего «подушек безопасности» и одновременно вынужденного принять на себя ответственность за себя и близких – именно для него, в силу такого сочетания жизненных обстоятельств, развал страны и последующая перестройка оказались наиболее драматичным периодом. Возможно, именно поэтому нынешние события чаще, чем в других возрастных группах, воспринимаются его представителями как своеобразный реванш, восстановление исторической справедливости.

Другое дело молодежь до 25 лет – среди сторонников перемен большинство в данной группе (53%) считают нынешний курс страны тупиковым. Их «прочтение» перемен – про другой путь для России. Важно обратить внимание на раскол в молодежной среде, который поляризует группу, создает в ней разные смысловые полюса для, казалось бы, одних и тех же понятийных концептов: 53% молодежи из числа сторонников перемен считают, что современная Россия идет в тупик, но лишь немногим меньше (47%) полагают, что выбранный путь даст в перспективе положительные результаты.

Еще более дифференцированы (а точнее – поляризованы) мнения о пути развития страны среди россиян, по-разному относящихся к решению о проведении специальной военной опера-

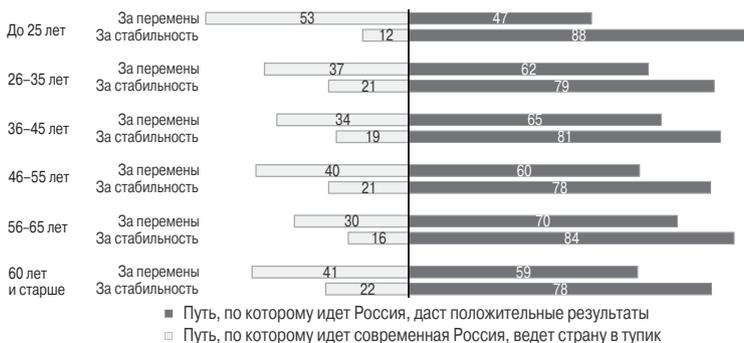

Рисунок 6.5. **Оценки основного вектора развития страны сторонниками перемен и стабильности в разных возрастных группах, 2022 г., %**

ции на Украине. Подавляющее большинство (90–91%) тех, кто это решение одобряют и полагают, что оно было неизбежно, считают, что Россия идет правильным путем (рис. 6.6). И, напротив, те, кто это решение не одобряют и считают, что его можно было избежать, в большинстве своем (68–71%) придерживаются мнения, что избранный путь ведет страну в тупик.

Несколько меньше дифференцирующее влияние того, как наши сограждане оценивали в марте 2022 г. возможные дальнейшие события и процессы, в том числе связанные с военной спецоперацией на Украине. Например, среди россиян, испытывающих постоянный страх в связи с возможным «ограничением прав и свобод граждан, установлением авторитарного режима» или «запретом для рядовых россиян на посещение ряда зарубежных стран», около половины оценили путь развития России как тупиковый (50% и 47% соответственно). Однако, несмотря на такие опасения, даже в этих группах доля тех, кто полагает данный путь верным и ведущим в перспективе к положительным результатам, составляет 49–53%.

Таким образом, весной 2022 г. специальная военная операция на Украине явилась более значимым фактором разделения общества на тех, кто поддерживает или не поддерживает путь развития страны, чем такие связанные с ней возможные последствия, как ограничение прав и свобод граждан или запрет посещения зару-

Рисунок 6.6. **Оценки основного вектора развития страны в группах россиян с различным отношением к СВО на Украине и к возможным связанным с ней событиям и процессам, 2022 г., %**

бежных стран — даже если они являлись источником сильных переживаний, постоянного страха.

Еще одной значимой линией разлома умонастроений в российском обществе является выбор, а точнее, переосмысление цивилизационной модели, по направлению к которой должна, по мнению россиян, двигаться страна. Рассмотрим их отношение к тому, должна ли Россия следовать той модели жизнеустройства, которая действует в современных западных странах, или ей необходимо развивать собственный цивилизационный концепт, идти своим особым путем. В этом ключевом мировоззренческом вопросе большинство россиян (77%) выбирают цивилизационный суверенитет России, считая, что она представляет собой особую цивилизацию, и что в ней никогда не привьется западный образ жизни. Однако значительным является и прозападное меньшинство (23%), полагающее, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны (рис. 6.7).

Процессы, происходящие сегодня в стране и мире, триггером для которых стала специальная военная операция на Украине, усилили установки на восприятие России как особой цивилизации, чуждой западному образу жизни и мысли. Доля тех, кто придерживается данного мнения, выросла в 2022 г., по сравнению с 2021 г., с 65% до 77%. Прозападное меньшинство потеряло за этот же период около трети своих сторонников (снижение поддержки с 35% до 23%).

Обратим внимание, что баланс оценок обществом возможного прозападного или суверенного векторов развития страны, сложившийся в марте 2022 г., близок к тому, что наблюдался сразу после воссоединения Крыма с Россией: тогда доля сторонников самобытного пути развития РФ составляла 74–75%, а прозападное меньшинство было на уровне 25%.

Несмотря на отмеченную динамику восприятия россиянами мировоззренческой дилеммы, связанной с отношением к Западу, когда между «Крымской весной» и началом специальной военной операции на Украине несколько ослабели установки на «особый путь» России и усилились установки на сближение с Западом, в целом устойчивость баланса оценок в пользу российского суверенитета традиционно высока. Особенно хорошо это видно при сравнении динамики показателей соответствующего выбора с динамикой отношения к пути, по которому движется современная Россия. Лабильность оценок последнего заметно выше, отклонения пиковых от самых низких значений составляют около

22 процентных пунктов, тогда как отклонения в выборе цивилизационного пути существенно меньше – в пределах 12 процентных пунктов (рис. 6.7). Иными словами, выбор цивилизационной модели, в рамках которой должна развиваться страна, россиянами сделан и вряд ли может быть подвержен существенному изменению.

При внешней схожести нынешней ситуации с той, которая наблюдалась в 2014 г., следует отметить одно важное отличие – современное прозападное меньшинство, сходное по численности с меньшинством «посткрымским», гораздо сильнее «заряжено» негативом в отношении общего вектора развития страны. Так, в 2014 г. среди сторонников прозападного пути развития РФ преобладало позитивное восприятие общего вектора движения страны: 61% внутри этого меньшинства полагали, что путь, по которому следует Россия, даст положительные результаты, и только 38% считали, что страна идет в тупик (рис. 6.8). В 2021 г. прозападное меньшинство также в целом одобряло путь развития страны (58%), хотя доля скептиков, полагающих, что он ведет в тупик, несколько увеличилась (с 38% до 42%). События же весны 2022 г. изменили баланс – большинство сторонников прозападной модели развития (59%) заявили, что выбранный путь ведет страну в тупик. Таким образом, часть общества явно переосмысливает мировоззренческий конструкт «путь России»: если в 2014 г. он отвечал как видению будущего сторонниками цивилизационного суверенитета РФ, так и запросу сторонников прозападной модели развития, то

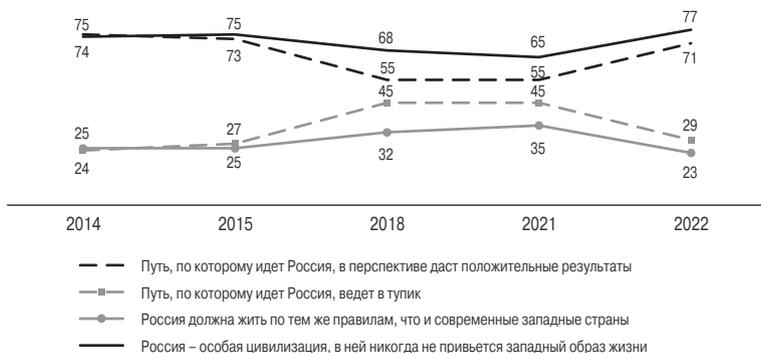

Рисунок 6.7. Сравнение динамики оценок россиянами основного вектора развития страны и их установок на западную или особую российскую цивилизационную модель, 2014–2022 гг., %

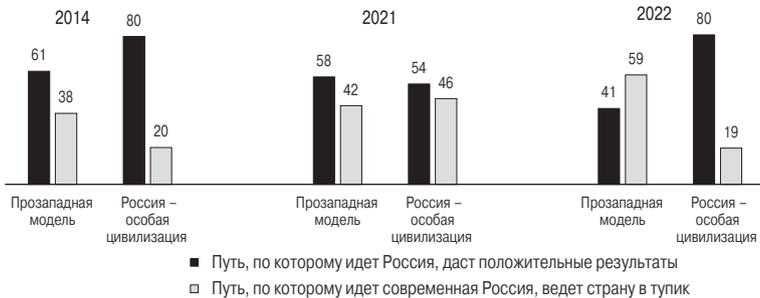

Рисунок 6.8. Сравнение оценок россиянами основного вектора развития страны и их установок на прозападную или особую российскую цивилизационную модель в 2014, 2021 и 2022 гг., %

в 2022 г. он более не сочетал в себе эти вектора. Новый его концепт оказался неприемлем для прозападного меньшинства.

Есть и еще одно важное изменение, произошедшее в прозападном меньшинстве российского общества и отличающее его от состояния 2014 г. — изменение его возрастного состава. В 2014 г. наблюдалась картина поступательного межпоколенного транзита традиционных ценностей, когда каждая возрастная группа была настроена в отношении цивилизационного выбора более консервативно по сравнению с младшими группами. Чаще других прозападные и либеральные установки демонстрировала молодежь, но в целом ее отрыв от других возрастных групп был невелик: среди россиян 18–25 лет были ориентированы прозападно 35%, в остальных группах доля прозападного меньшинства составляла от 28% в ближайшей к ним по возрасту общности 26–35-летних до 18% среди людей старше 65 лет (рис. 6.9). В 2022 г. доля прозападного меньшинства в указанных группах стала относительно ниже (от 26% среди 26–35-летних до 15% среди самых старших), зато среди молодежи до 25 лет наблюдался скачок прозападных установок — с 35% в 2014 г. до 46% в марте 2022 г. Это единственная группа, в отношении которой данные не давали весной 2022 г. оснований говорить о консолидации мировоззренческих позиций в части цивилизационной модели развития страны, тогда как в 2014 г. они были. В 2022 г. молодежь оказалась расколота на два сравнимых по численности лагеря: «прозападную» и «пророссийскую», причем отрыв молодежи от остального населения вышел по своему масштабу за рамки наблюдаемого ранее. Если учесть, что подобная ситуация фиксируется также и в оценках молодежью того пути,

Рисунок 6.9. **Установки на прозападную или особую российскую цивилизационную модель у представителей разных возрастных групп, 2014 / 2022 гг., %**

которому следует Россия, то можно констатировать не просто усиление критичности мировоззренческих установок молодых россиян, но их отдаление от других возрастных групп, некоторую мировоззренческую сегрегацию.

Среди особенностей прозападного меньшинства по состоянию на март 2022 г. следует выделить и повышенную долю в нем россиян с высокими доходами (33% среди имеющих душевой доход более 2 медиан), руководителей разного уровня (35%), людей, планирующих свою жизнь не меньше чем на 5 лет (31%). По всей видимости, это опосредуется теми возможностями, которые представители данных групп связывают для себя лично с цивилизационным концептом «Запад» – возможности сотрудничать, вести бизнес, путешествовать и т.п. Однако, в отличие от молодежи, уверенное большинство представителей этих групп всё же поддерживают идею цивилизационного суверенитета России (65–67%).

Мировоззренческие установки россиян также сопряжены с тем, как они оценивают ситуацию в стране, регионе, муниципальном образовании – считают ли ее спокойной, тревожной либо катастрофической. Высокий уровень критичности оценок ситуации связан с более выраженными установками на прозападную модель государственного устройства и особенно – с высоким уровнем недовольства тем путем, которым движется сегодня Россия. Те же, кого устраивает ситуация в стране и на местах, считают верным выбранный путь и поддерживают идею самобытности РФ, необходимости выстраивания для нее собственного цивилизационного концепта. Так, среди россиян, оценивающих ситуа-

цию в стране, регионе, месте своего проживания как нормальную, спокойную, подавляющее большинство являются сторонниками нынешнего пути развития страны (85%) и выступают за цивилизационный суверенитет России (84%), а критические соображения высказывают лишь 15–16%. Напротив, группа тех, кто считает ситуацию в стране, регионе, месте проживания катастрофической, пребывает в состоянии мировоззренческого раскола. Здесь велики доли сторонников как самобытности России (55%), так и прозападного пути развития (45%). Если же говорить об оценках курса, которым движется страна, то в этом отношении большинство (69%) встает на критическую позицию, заявляя, что он ведет Россию в тупик.

Имея в виду, что сегодня общественный дискурс, большинство публичных и личных коммуникаций сфокусированы, прежде всего, на проблемах международного статуса России, отмеченная связь оценок курса страны и ее ориентированности на ту или иную цивилизационную модель с оценками положения внутренних дел показывает, что россияне смотрят на мир сквозь призму происходящего рядом с ними, вокруг них. Таким образом, внутреннее неблагополучие страны может усиливать прозападные настроения и ощущение тупиковости выбранного курса в целом.

На пересечении двух рассмотренных мировоззренческих взаимодополняющих сюжетов (отношение к пути, по которому идет Россия, и выбор цивилизационной модели развития страны) была разработана *мировоззренческая сегментация* населения:

- «лояльные консерваторы» — наиболее массовый сегмент россиян, которые последовательно поддерживают нынешний путь развития страны и выступают за цивилизационный суверенитет России (61%);
- «лояльные западники» — россияне, которые транслируют запрос на движение России в сторону Запада, но при этом считают путь, по которому идет современная Россия, верным (10%);
- «нелояльные консерваторы» — россияне, которые, признавая важность цивилизационного суверенитета России, тем не менее, считают, что нынешний путь страны ведет ее в тупик (15%);
- «нелояльные западники» — россияне, которые последовательно выступают за прозападную модель развития страны и считают нынешний курс движения тупиковым (14%).

Схема формирования сегментации представлена на рисунке 6.10.

Рисунок 6.10. **Сегментация россиян по их отношению к вектору развития России, 2022 г., %**

Следует отметить одну важную характеристику входящих в мировоззренческую сегментацию групп – особенности эмоционально-психологического состояния, в котором пребывают их представители. Речь о том, что текущая ситуация в стране в целом формирует негативный эмоциональный фон, в котором доминирует тревожность. Однако в данном случае представляют интерес специфические отличия в состоянии одних групп по сравнению с другими.

Наиболее благополучны в эмоциональном плане «лояльные консерваторы», более трети которых находятся в спокойном, уравновешенном состоянии (30%) либо даже в состоянии эмоциональной приподнятости (5%). К ним по оценкам своего состояния очень близки «лояльные западники». «Нелояльные консерваторы» отличаются самым высоким уровнем тревожности: в ней пребывает большинство (63%) представителей данной общности. Что же касается «нелояльных западников», то это группа с наиболее высоким (по сравнению с остальными) уровнем крайне негативных эмоциональных состояний – более четверти из них (28%) характеризуют собственное повседневное состояние как раздраженность, озлобленность, агрессия. Это более чем вдвое выше соответствующего показателя в группах «нелояльных консерваторов» и «лояльных западников» (по 12%) и втрое выше показателя

в группе «лояльных консерваторов» (9%). Таким образом, последовательное согласие с выбранным курсом гораздо чаще обеспечивает комфортное психологическое состояние, а последовательное несогласие с ним – максимально некомфортное.

На фоне проанализированной выше динамики мировоззренческих установок наших сограждан, характеризующей рост их уверенности в правильности выбранного пути развития страны и усиления вектора на ее цивилизационный суверенитет, росла и поддержка действующей власти. В итоге весной 2022 г. подавляющее большинство опрошенных (76%) полагают, что власть заслуживает поддержки, даже имея в виду ее недостатки, тогда как о необходимости смены власти заявляли меньшинство (23%).

Очевидна консолидация общества вокруг действующей власти в условиях цивилизационного вызова стране – по аналогии с ситуацией 2014 г., временем воссоединения Крыма с Россией. По сравнению с 2021 г. доля россиян, готовых поддержать власть, увеличилась к марту 2022 г. с 63% до 76%, то есть на 13 п.п., и практически на столько же снизилась доля ее критиков (на 14 п.п., с 37% до 23%). И это при том, что «критическое плато» наблюдалось перед этим на протяжении нескольких лет (с 2018 до 2021 г.) (рис. 6.11).

Сегодня нередко звучат сомнения в откровенности респондентов, отвечающих на вопросы об отношении к власти. Однако сопоставление ответов о власти с ответами на более нейтральные вопросы, не предполагающие самоцензуры – о пути развития страны в целом, о предпочитаемой цивилизационной модели –

Рисунок 6.11. Динамика установок россиян на поддержку или смену власти, 2014–2022 гг., %

показывает сходную картину, дополнительно верифицируя тем самым полученные данные. Во всех показателях можно усмотреть сходную динамику – подъем оптимизма, усиление пророссийских настроений, поддержку российского цивилизационного суверенитета, а с ними и рост поддержки власти. Более того, по состоянию на март 2022 г. поддержка власти хотя и находилась по сравнению с несколькими предшествующими годами на пике роста, но была несколько ниже, чем в посткрымском 2014 г.: тогда власть поддерживали 84%, а в марте 2022 г. – 76% опрошенных (рис. 6.12). И напротив, доля критиков власти оказалась в марте 2022 г. несколько выше, чем в 2014 г. (23% и 16% соответственно). То есть наши сограждане открыто выражают как свою поддержку власти, так и собственную критическую позицию в отношении нее. Во всяком случае, делают это не менее открыто, чем в 2014 г.

Используя предложенную выше сегментацию населения по мировоззренческим установкам, посмотрим далее, как выглядит с их учетом пространство мнений в отношении власти. Анализ данных показывает, что почти тотальную поддержку власти демонстрируют «лояльные консерваторы» (94%): по всей видимости,

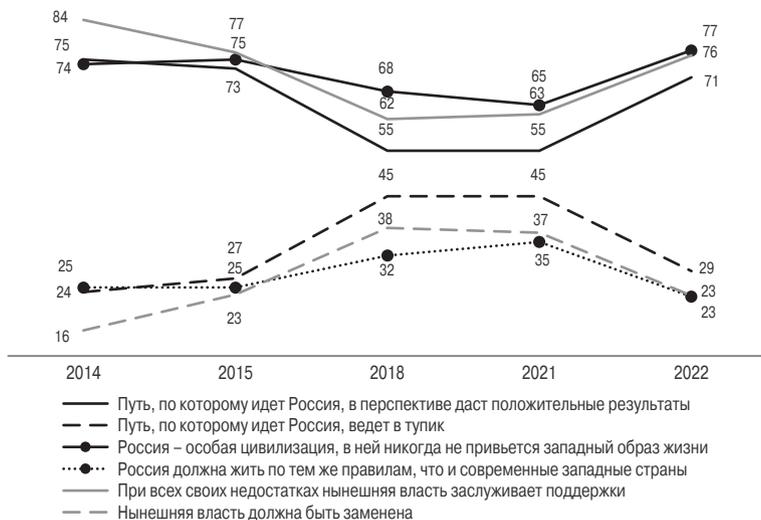

Рисунок 6.12. **Динамика оценок россиянами основного вектора развития страны, установок на западную или особую российскую цивилизационную модель и на поддержку либо смену власти, 2014–2022 гг., %**

действия власти в целом соответствуют их представлениям о России и пути ее развития (рис. 6.13). В подавляющем большинстве своем (85%) считают необходимым поддержать власть и «лояльные западники». Даже несмотря на явное принципиальное расхождение нынешнего курса страны с их прозападными мировоззренческими установками, установки на поддержку выбранного в начале 2022 г. курса развития страны безусловно доминируют.

Принципиально иначе выглядит ситуация в двух других группах, выделенных согласно нашей мировоззренческой сегментации. Так, внутренне непоследовательная группа «нелояльных консерваторов» весьма противоречива и в своем отношении к власти — 43% ее представителей поддерживают действующую власть, а 56% выступают за ее смену. Ключом к пониманию этой позиции является отношение данной группы к специальной военной операции, которую в той или иной степени одобряют лишь 20% ее представителей при, например, 41% в группе «лояльных западников» и 62% среди «лояльных консерваторов». Напротив, 37% «нелояльных консерваторов» решение о проведении спецоперации не одобряют (критичнее в данном смысле оказались только «нелояльные западники», где не одобрили ее 64%). По всей видимости, выступая за пророссийский курс, многие представители рассматриваемой группы сомневаются, что его следует реализовывать посредством военной операции, то есть сомневаются не в цели, а в методах ее претворения в жизнь.

«Нелояльные западники» вполне конгруэнтны своим мировоззренческим установкам, отрицающим «особость России» и избранный ею путь. В большинстве своем они отказываются действующей власти в поддержке и выступают за ее смену (71%).

Рисунок 6.13. Установки на поддержку/смену власти в группах россиян с разными оценками ситуации в стране и с разным отношением к вектору развития России, 2022 г., %

Тем не менее есть в этой группе и те, кто считает, что, несмотря на присущие ей недостатки, нынешняя власть все же заслуживает поддержки (27%). Следует отметить, что в среде «нелояльных западников» присутствуют даже и те, кто заявляет о своей поддержке специальной военной операции (9%). Возможно, при ответе на подобные вопросы — об отношении к последней и к властям — у определенной части наших сограждан срабатывает самоцензура, которая и формирует эти нелогичные, на первый взгляд, «маргиналии мнений», внутренние противоречия позиций. Но возможно и то, что за недовольством выбранным курсом и ориентацией на Запад у части этой группы стоят тривиальные экономические мотивы, то есть недовольство своим экономическим положением и желание жить «как на Западе», что отнюдь не мешает одобрению СВО на Украине.

Высоким дифференцирующим влиянием на отношение россиян к власти отличаются оценки населением ситуации в стране, регионе, месте проживания. Россияне, воспринимающие обстановку на разных уровнях — от своего села, города до страны в целом — как спокойную, нормальную, в подавляющем большинстве своем поддерживают власть (87%). И, напротив, те, кто оценивает ее как катастрофическую или близко к этому, чаще выступают за смену власти (58%).

Показательно, но один из важнейших маркеров-разделителей общества — установки на перемены или стабильность — хотя и связан с установками на поддержку либо смену власти, однако не способствует расколу. Сегодня и запрос на стабильность, и запрос на перемены, в большей или меньшей степени, адресованы действующей власти, связываются с продолжением ее работы (86% и 66% соответственно), см. рис. 6.14. Лишь меньшинство в обеих группах заявляет о необходимости смены власти. В меньшинстве находятся и сторонники смены власти из числа носителей запроса на перемены (33%). Иначе говоря, перемены ожидаются, но не в данной плоскости. И в этом — отличие ситуации весны 2022 г. от той, которая наблюдалась еще год назад. Тогда сторонники перемен делились почти поровну: чуть большая их часть (53%) поддерживали власть, но почти столько же (47%) считали, что власть должна быть заменена.

На общем фоне консолидации общества можно заметить еще одно подтверждение тому, что молодые россияне в возрасте до 25 лет занимают сегодня особую позицию, существенно отличную от позиции иных возрастных групп, а также от позиции их свер-

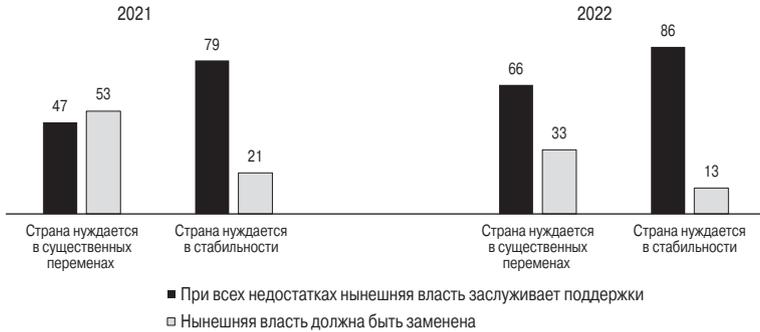

Рисунок 6.14. **Динамика установок на поддержку/смену власти среди сторонников перемен или стабильности, 2021–2022 гг., %**

стников в 2014 г. Критичность современной российской молодежи заметно выше уровня критичности россиян в других возрастных группах: доля молодежи в возрасте до 25 лет, заявляющей о необходимости смены власти, достигает 35%, причем отрыв от ближайшей возрастной группы 26–35-летних составляет 9 п.п. (в 2014 г. молодежь 18–25 лет ничем не отличалась в своем отношении к власти от 26–35-летних или от 36–45-летних наших сограждан) (рис. 6.15).

Отметим, что дифференцирующего влияния на уровень поддержки властей со стороны других социально-демографических характеристик (пол, образование, тип поселения, профессия) не выявлено.

Рисунок 6.15. **Динамика установок на поддержку/смену власти в разных возрастных группах, 2014–2022 гг., %**

Российское общество уже не первый год расколото в отношении того, следует ли и дальше укреплять властную вертикаль, или необходима децентрализация власти, расширение прав региональных и муниципальных ее органов. Относительное большинство наших сограждан являются сторонниками усиления централизации (на уровне 52–57%), немногим меньше выступают за децентрализацию власти (43–48%), см. рис. 6.16. С 2018 по 2021 г. медленно рос запрос на ослабление вертикали, однако события на Украине заметно стимулировали обратное устремление — на сильную власть (рост за год с 52% до 57%).

Профиль динамичного изменения отношения россиян к вопросу о централизации власти в целом повторяет профиль динамики показателя поддержки власти как таковой. Однако, несмотря на раскол мнений, в вопросе о централизации власти российские граждане демонстрируют меньшую лабильность — оценки весьма устойчивы, изменения укладываются в коридор в 5 п.п. (тогда как изменение уровня поддержки власти происходит в коридоре 14 п.п.). Вопрос о вертикали власти — это вопрос скорее о принципах государственного устройства, нежели об оценках текущей ситуации и текущих действий, а потому изменения здесь менее выражены. Хотя и в данном случае можно заметить влияние мобилизационного эффекта на общество в условиях специальной военной операции, выражающееся в запросе на усиление власти — в том числе через ее централизацию и укрепление вертикали.

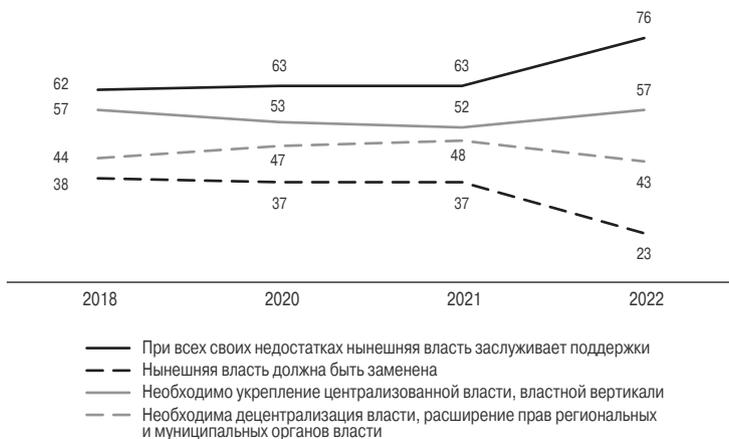

Рисунок 6.16. **Динамика установок россиян на поддержку/смену власти и отношения к ее (де)централизации, 2018–2022 гг., %**

В представлениях российских граждан о государственном устройстве имеются заметные отличия, опосредованные возрастом, а также местом проживания. В возрастном разрезе обратим внимание, с одной стороны, на молодежь, чаще транслирующую в данном (как и во многих других) вопросе либерально окрашенную точку зрения — большинство респондентов 18–25 лет выступают за децентрализацию власти, за расширение прав и полномочий на местах (рис. 6.17).

Напротив, представители самой старшей возрастной группы наших сограждан (66 лет и старше) чаще других поддерживают идею укрепления властной вертикали (63%) — и это один из немногих вопросов, где голос данной группы заметен на фоне остальных за счет отличий их позиции от позиций представителей иных возрастов. При этом сравнение данных исследования 2022 г. с результатами опроса 2021 г. показывает, что особая позиция старшей возрастной группы проявилась недавно. По всей видимости, триггером к этому стало проведение специальной военной операции на Украине вкупе с жизненным опытом советского периода, когда необходимость реализации мобилизационного сценария страны в случае военной угрозы не ставилась под сомнение.

В марте 2022 г. идею усиления властной вертикали поддерживали жители всех типов поселений — от мегаполисов до сел. И в этом отличие от ситуации 2021 г., когда за укрепление вертикали «голосовали» столицы, а жители регионов, особенно областных, краевых, республиканских и даже районных центров несколько чаще (хотя и с небольшим перевесом) склонялись в пользу децентра-

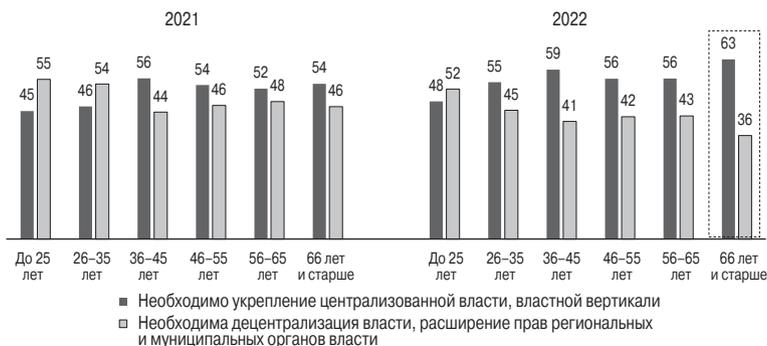

Рисунок 6.17. Динамика отношения к (де)централизации власти в разных возрастных группах, 2021–2022 гг., %

лизации власти и усиления полномочий на местах. Весной 2022 г. запрос на укрепление вертикали власти усилился даже в наиболее уязвимых в социальном и экономическом плане малых городах и селах — здесь на 6–10 п.п. увеличилась доля выступающих за укрепление вертикали власти и на 7–11 п.п. снизилась поддержка идеи ее децентрализации (рис. 6.18).

В отношении к вопросу о властной вертикали ярко проявляется специфика групп, выделенных в рамках мировоззренческой сегментации, и групп с разной оценкой ситуации в стране, регионе, месте проживания. На «полюсе централизации» — мнения «лояльных консерваторов», самой большой по численности группы населения, поддерживающей цивилизационный суверенитет России и нынешний путь ее развития. Уверенное их большинство (71%) выступают за централизацию власти (рис. 6.19).

«Лояльные западники», выступающие за то, чтобы Россия развивалась по западной модели, но поддерживающие при этом и нынешний курс руководства страны, расколоты практически пополам: 53% их представителей — за централизацию и 46% — за децентрализацию. Напомним также, что данная группа подавляющим большинством поддерживает действующую власть. По всей видимости, ее члены пытаются приспособиться к ситуации. И, судя по приведенным выше характеристикам эмоционально-психологического состояния этой группы (близким к характеристикам состояния наиболее благополучных в эмоциональном плане «лояльных консерваторов»), им это удастся без серьезного психологического дискомфорта.

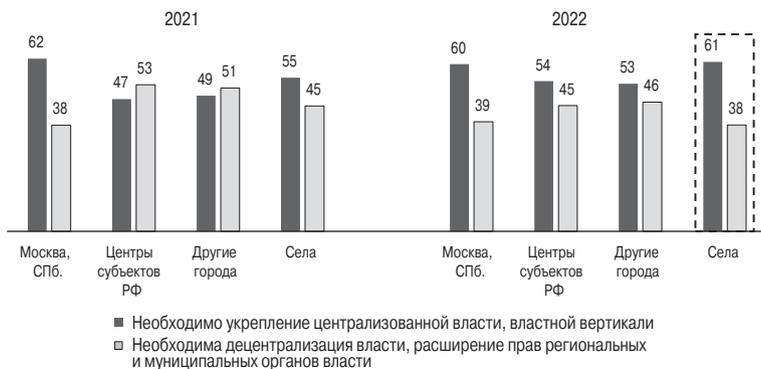

Рисунок 6.18. **Динамика отношения россиян к (де)централизации власти в поселениях разных типов, 2021–2022 гг., %**

Вопрос об отношении к вертикали власти дает ключ к пониманию позиции «нелояльных консерваторов». Эта группа, напомним, включает сторонников видения России как особой цивилизации, которые полагают при этом, что нынешний вектор развития ведет страну в тупик. В картине мира большинства из них (62%) Россия должна идти по пути децентрализации власти, усиления полномочий на местах. Наконец, «нелояльные западники» критикуют нынешнее руководство страны и в этом отношении – подавляющее их большинство (86%) выступают за децентрализацию власти.

Что касается групп населения, выделенных по характеру оценок положения дел в стране, регионе и месте проживания, то здесь наиболее склонны к поддержке сильной вертикали власти те, кто считает ситуацию спокойной, нормальной (64%). Напротив, большинство тех, кто расценивают ее как катастрофическую, выступают за децентрализацию власти (69%). Таким образом, запрос группы «катастрофистов» в отношении власти носит системный и радикальный характер, предполагающий ее смену и децентрализацию.

В тесной связи с представлениями россиян о пути, которым идет страна, и о предпочитаемой для нее цивилизационной модели, находится и вопрос о демократической составляющей ее устройства. Сегодня общество переживает момент системного переосмысления и переоценки ценностей, в том числе это касается и демократии. Большинство наших сограждан (68%) соглашались с тем, что «Индивидуализм, либерализм и западная демократия – это ценности, которые россиянам не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство» (рис. 6.20). При этом, когда им предлагаются разные варианты «России будущего», демократическая версия этого будущего

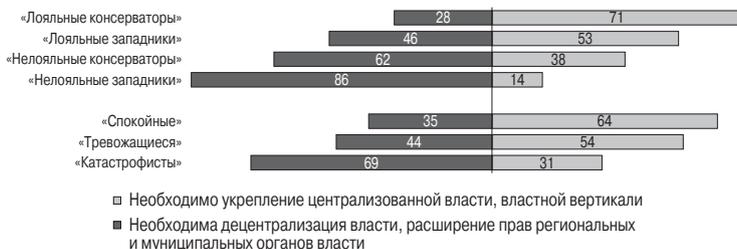

Рисунок 6.19. **Отношения к (де)централизации власти в группах россиян с разными оценками ситуации в стране и с разным отношением к вектору развития России, 2022 г., %**

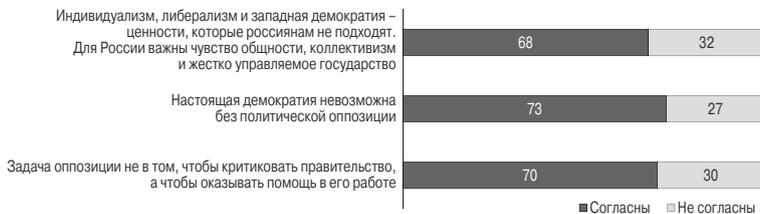

Рисунок 6.20. **Согласие или несогласие россиян с суждениями о демократии и оппозиции, 2022 г., %**

(«Страна, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности») выходит в условном рейтинге образов завтрашнего дня на 2–3-е место, получая 39% (столько же выбирают образ страны, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие, а на первом месте с 47% стоит образ страны, где обеспечивается социальная справедливость). Другими словами, речь идет не об отрицании демократии как таковой, а о важности ее на фоне других первоочередных запросов к власти.

При этом демократия не мыслится без оппозиции – большинство россиян (73%) соглашались с тем, что «Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции», роль которой состоит в конструктивном взаимодействии с органами государственной власти, конструктивной помощи правительству, а не просто в критике ради критики (70%).

Самобытный российский концепт государственного устройства, где во главе угла стоят коллективизм и жесткая власть, и нет места западной модели демократии, охотнее других поддерживают «лояльные консерваторы» (77% против 22% не согласных). Несколько меньше, но также в большинстве своем – «лояльные западники» и «нелояльные консерваторы» (64–66%). Единственная группа, для которой модель развития, отторгающая ценности индивидуализма и либерализма, неприемлема – это «нелояльные западники»: здесь против предложенного подхода выступают 70% (рис. 6.21).

Ответы на вопрос о том, возможна ли настоящая демократия без оппозиции, демонстрируют консенсус мнений – от 71% до 80% представителей различных мировоззренческих групп уверены, что оппозиция является неотъемлемым элементом демократически устроенного общества. А вот понимание задач, стоящих перед

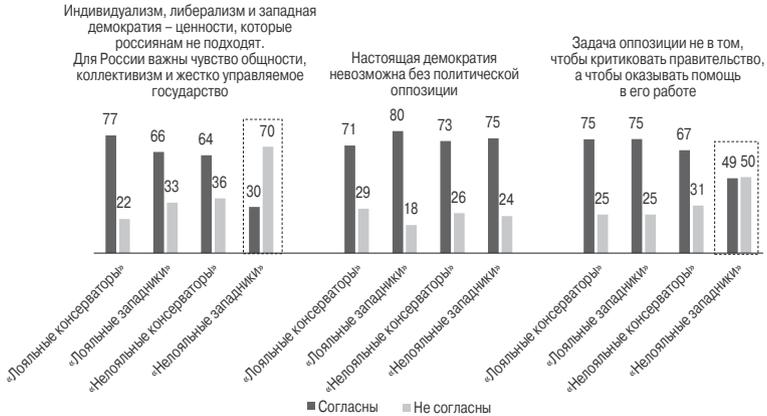

Рисунок 6.21. **Согласие или несогласие с суждениями о демократии и оппозиции в группах россиян с разным отношением к вектору развития России, 2022 г., %**

оппозицией, ее конкретной роли в жизни социума далеко не столь однозначно. Если представители трех мировоззренческих групп — «лояльные консерваторы», «лояльные западники» и «нелояльные консерваторы» — сходятся в том, что главная задача оппозиции не просто критиковать, но и помогать правительству, то группа «нелояльных западников» разделилась во мнениях. Половина из них согласны с данным утверждением (49%), а другая половина (50%) — нет. И это один из тех немногих вопросов, которые раскалывают группу «нелояльных западников», демонстрирующую в целом консолидированный критический подход к восприятию действующей власти.

В отношении к демократии видна дифференцированность мнений представителей различных возрастных групп российских граждан. Демократия западного образца как ценность актуальна для молодежи в возрасте до 25 лет — здесь от нее не готовы отказаться 52%, то есть относительное большинство (рис. 6.22). При этом почти столько же (48%) согласны с тем, что такие ценности западной демократии, как индивидуализм и либерализм, России не подходят, для нее важнее чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Среди представителей других возрастных групп доля отказывающихся поддержать тезис о том, что западная демократия России не подходит, также довольно заметна (24–36%), хотя большинство (63–76%) в них разделяют

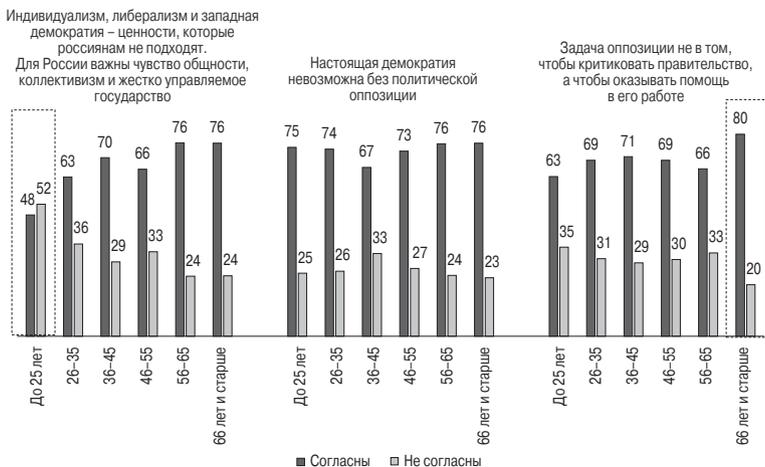

Рисунок 6.22. **Согласие или несогласие с суждениями о демократии и оппозиции в разных возрастных группах, 2022 г., %**

мнение, согласно которому стране нужна не западная демократическая модель, а некая собственная оригинальная ее версия.

Понимание оппозиции как неотъемлемой составляющей демократии характерно примерно в равной степени для представителей всех возрастных групп (в пределах 67–76%). Обратим внимание, что это – консенсусная ценность и для всех групп, выделенных в рамках разных оснований их дифференциации по особенностям мировоззрения.

Мнения о роли оппозиции также близки в разных возрастных группах. На этом фоне выделяется группа 66-летних и старше, которые заметно чаще других (80%) ожидают от оппозиции не критики ради критики, а конструктивной помощи правительству.

Наряду с усилением в российском обществе поддержки власти, наблюдается неоднозначная картина отношения россиян к такому элементу государственного устройства, как закон. Опциональное отношение к последнему, воплощенное в поговорках типа «закон что дышло...» – своего рода вневременная категория в России. Даже в периоды массового увлечения идеями либерализма и демократии, признавая важность принципа равенства всех перед законом как основы демократического устройства общества, наши сограждане, тем не менее, весьма «вольно» относились к закону сами и допускали столь же вольное к нему отношение со стороны

других. Сегодня данные исследований ИС ФНИСЦ РАН говорят о сдвиге приоритетов в вопросе о том, какой российским гражданам хотелось бы видеть Россию будущего: если в предыдущие годы на первое место выдвигался принцип реального равенства всех перед законом, то в последнее время, при сохранении высокой значимости указанного принципа, на первый план выходит требование социальной справедливости. Это отражает рост значимости запроса на справедливость, т.е. соответствия сложившегося мироустройства его нормативной модели в российской культуре.

По данным исследования 2022 г., большинство россиян (65%) согласны с тем, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона (против 34% не согласных, см. рис. 6.23). Даже введение в формулировку вопроса о законе «дополнительного условия» — «Законы, конечно, надо соблюдать, но только если это делают и представители власти», повышает декларируемое уважение к закону до 77%, но и при такой постановке вопроса почти четверть наших сограждан считают возможным оставаться «вне закона» (23%). При этом в выборе, который россияне делают между законом и справедливостью, 59% соглашаются, что «Не так важно, соответствует что-либо закону или нет, — главное, чтобы это было справедливо». И только 40%, остающиеся в меньшинстве, не готовы с этим согласиться.

Вопрос о том, допустимо ли, чтобы правительство влияло на правосудие, если этого требуют интересы государства, является для населения страны наиболее спорным. Относительное большинство наших сограждан (55%) согласны с тем, что оно должно иметь такую возможность, но 45% выступают против этого.

Важно отметить, что отношение к закону как к некоей опции, которую можно «включать» и «выключать» в зависимости от обстоятельств — будь то соображения справедливости или инте-

Рисунок 6.23. **Согласие или несогласие россиян с некоторыми суждениями о законе, 2022 г., %**

рессы государства (заметим, что смысловое наполнение этих двух категорий также весьма неоднозначно) – распространено примерно в равной степени в разных социальных группах и мировоззренческих сегментах. Это тот случай, когда даже молодежь мало чем отличается от представителей других возрастных групп: доля тех, кто соглашается с приоритетом справедливости над законом, составляла в группе опрошенных до 25 лет 59%, что совпадает со значением данного показателя по массиву в целом. Тем не менее можно выделить несколько групп, в которых закон – безусловная ценность для большинства их представителей. Чаще других главенство закона признают жители Москвы и Санкт-Петербурга (54%), а также люди с высоким уровнем доходов (55%). Во всех остальных группах наших сограждан большинство ставит во главу угла справедливость, а не закон.

Показательно, что гибкое отношение к закону демонстрируют и люди, по-разному оценивающие положение дел в стране, регионе, месте проживания. Даже среди «нелояльных западников», то есть россиян, которые, отвечая на разные вопросы, последовательно демонстрируют приверженность западным ценностям, подчеркивают приоритет демократии и т.п., почти половина (49%) соглашались с тем, что справедливость выше закона, и более трети (34%) допускают, что правительство должно иметь возможность влиять на правосудие, если этого требуют интересы государства (рис. 6.24).

На фоне общей «раздемократизации» общества неслучайным выглядит одобрение большинством россиян (62%) идеи ограниче-

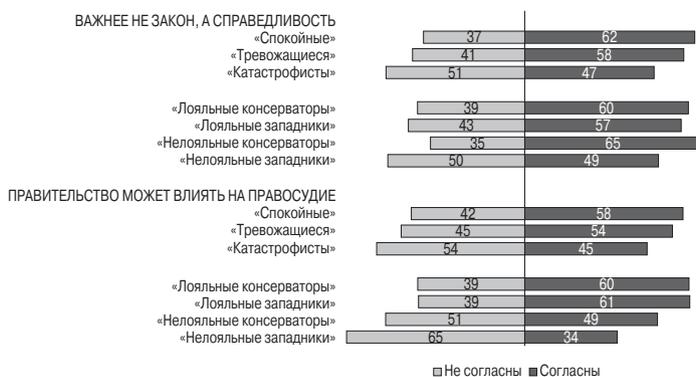

Рисунок 6.24. **Согласие или несогласие с суждениями о законе в группах россиян с разными оценками ситуации в стране и с разным отношением к вектору развития России, 2022 г., %**

ния свободы для СМИ или блогеров в случае, если они нарушают интересы государства. Против этого весной 2022 г. выступали лишь 37% опрошенных. Готовность отказаться от свободы СМИ во имя интересов государства демонстрировали большинство представителей разных социально-демографических групп населения (60–72%). И даже среди молодежи до 25 лет возможность ограничения свободы слова готовы были поддержать более половины (51%). Доли несогласных колебались в интервале 28–39% (при максимальных 48% среди молодежи до 25 лет).

Несколько иная картина вырисовывается, если посмотреть на мнения россиян сквозь призму особенностей оценки ими ситуации в стране, регионе, месте проживания. Те, кто считали ситуацию в стране и на местах спокойной либо тревожной, а также представители групп «лояльных консерваторов» и «лояльных западников» в большинстве своем поддерживали возможность ограничения свободы СМИ и блогеров (60–72%). Напротив, большинство «катастрофистов» и «нелояльных западников» выступали против ограничения свободы слова (61–68%).

Важнейшим фактором, связанным с готовностью россиян отказаться от свободы слова для СМИ и блогеров, является военная спецоперация на Украине. Те, кто одобряют решение о ее проведении, и те, кто уверен, что ее нельзя было избежать, в подавляющем большинстве (75%) считают возможным ограничение свободы слова, если СМИ или блогеры нарушают интересы государства. Те же, кто выступают против проведения специальной военной операции, кто полагает, что такого развития событий можно было избежать, большинством голосов (60–62%) выступают против каких-либо ограничений свободы СМИ и блогеров, даже если те нарушают интересы государства (рис. 6.25).

На основании отношения населения страны к демократическим ценностям в их классическом «западном» понимании была построена сегментация по демократическим установкам. Для расчета соответствующего многомерного индекса учитывались 6 показателей:

1. Выбор между западной демократией и самобытной российской моделью развития (согласие или несогласие с суждением «Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство»).

Рисунок 6.25. **Согласие или несогласие с суждением «Если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, их свободу следует ограничить» россиян с разным отношением к проведению СВО на Украине, 2022 г., %**

- Отношение к централизации власти (альтернативный выбор между позициями «Необходимо укрепление централизованной власти, властной вертикали» и «Необходима децентрализация власти, расширение прав региональных и муниципальных органов власти»).
- Понимание роли оппозиции (согласие или несогласие с суждением «Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказывать помощь в его работе»).
- Отношение к закону как альтернативе справедливости (согласие или несогласие с суждением «Не так важно, соответствует что-либо закону или нет, — главное, чтобы это было справедливо»).
- Отношение к закону как зависимой от интересов государства переменной (согласие или несогласие с суждением «Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства»).
- Отношение к свободе слова как зависимой от интересов государства переменной (согласие или несогласие с суждением «Если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, их свободу следует ограничить»).

На основе этих критериев были сформированы 3 группы (рис. 6.26):

- «демократы-западники» — россияне, в 4 случаях и более из 6 возможных выбравшие варианты ответов, отражающие установки на западную версию демократических ценностей;

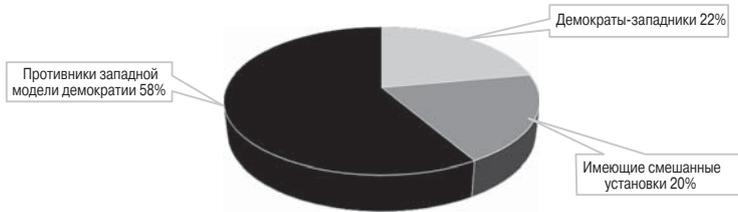

Рисунок 6.26. **Сегментация россиян по отношению к демократическим ценностям, 2022 г., %**

2. «противники западной модели демократии» — россияне, в 4 случаях и более из 6 возможных выбравшие варианты ответов, альтернативные установкам на западные демократические ценности;
3. «имеющие смешанные установки».

Полученная сегментация показывает, что сегодня последовательных «демократов-западников» в России 22%, тогда как большинство (58%) составляют «противники западной модели демократии». Социальные профили этих двух полярных по своим установкам общностей говорят о том, что они достаточно равномерно представлены в различных территориальных, социально-демографических и профессиональных группах: при этом «демократов-западников» везде меньшинство, «противников западной модели демократии» — большинство.

В числе наиболее выраженных отклонений от средних можно назвать большую долю сторонников западной демократии среди молодежи до 25 лет (37%) и руководителей разного уровня (31%). Повышенные доли противников западной модели, напротив, фиксируются среди людей старшего возраста (65% среди 56–65-летних и 71% среди 66-летних и старше), а также людей без профессионального образования (65%).

Глава 7

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ИХ ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Переходя в анализе смысложизненных установок россиян с уровня «смыслов для страны» на уровень «смыслов для себя», обратимся к одному из важнейших параметров, предопределяющих отношение людей к собственной жизни, базовым смыслам и принципам собственного существования, — к восприятию ими себя в контексте окружающего мира как самостоятельных, самодостаточных либо зависимых, подчиненных субъектов. Динамика данных за 17 лет, которыми располагает ИС ФНИСЦ РАН, свидетельствует, что на протяжении всего этого времени общество было разделено на две крупные группы. Большая часть (от 51% до 66% в разные годы) — это люди, которые, по их собственной оценке, не могут выжить без поддержки государства. Сегодня их доля составляет 59% (рис. 7.1). Несколько меньше группа тех, кто уверен, что сможет обеспечить себя и свою семью самостоятельно, и в помощи

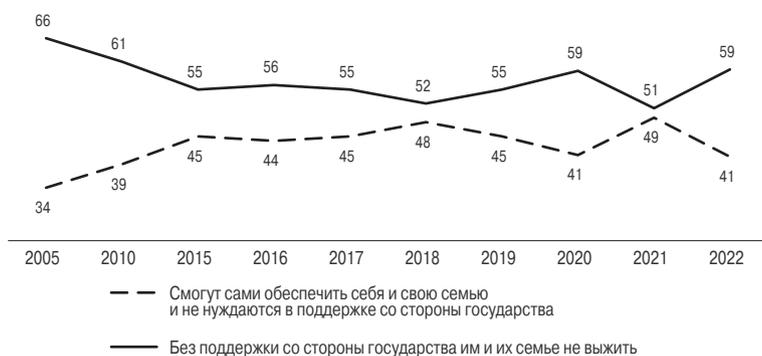

Рисунок 7.1. **Динамика выбора в альтернативных парах суждений о самодостаточности или зависимости от государства, 2005–2022 гг., %***

Примечание: * Затруднившиеся с ответом здесь и далее в главе на рисунках не указаны.

государства в данном вопросе не нуждается (от 34% до 49%). По состоянию на март 2022 г. группа россиян, считающих себя самодостаточными, объединяла 41% наших сограждан.

Если сравнивать последние годы с начальным периодом наблюдений, то заметна общая тенденция ослабления зависимости граждан от поддержки государства, повышения их самодостаточности. Даже весной 2022 г., после скачка – по сравнению с предыдущим годом – доли «зависимых» россиян на 8 п.п., цифры демонстрируют общество более самодостаточное, чем оно было по состоянию на 2005 или 2010 г. Несмотря на два пика роста зависимости наших сограждан от государства (в пандемийном 2020 г. и весной 2022 г., после начала СВО на Украине), определенный запас прочности у них пока сохраняется.

Динамика данного показателя (как и других показателей, отражающих восприятие россиянами собственной жизни и «смыслов для себя») в целом меньше, чем динамика показателей «смыслов для страны». Коридор их изменений укладывается в 9–15 п.п., тогда как коридор изменения показателей, характеризующих отношение россиян к развитию страны и к власти, составляет 22–29 п.п. Иначе говоря, «смыслы для себя» – это более надежная «мировоззренческая гавань», ценностный якорь для людей, особенно важный в периоды высокой общественной турбулентности и неопределенности.

Доли «зависимых» и «самодостаточных» россиян представлены в рамках отдельных социальных групп неравномерно. Одним из сильных дифференцирующих факторов является в данном случае уровень материальной обеспеченности людей: чем он выше, тем выше доля тех, кто самодостаточен и считает себя не зависящим от поддержки государства (максимальные 77% в группе с доходами более 2 медиан). Напротив, среди наименее обеспеченных россиян, чей доход не превышает 0,75 медианы, доля «самодостаточных» составляет минимальные 22% (рис. 7.2).

Второй фактор, оказывающий линейное дифференцирующее влияние на уровень самодостаточности россиян, это возраст. Среди молодежи до 25 лет большинство (56%) относят себя к «самодостаточным», тогда как среди россиян 66 лет и старше таковых только 15% (самое низкое значение среди всех социальных групп). В этих распределениях отражен общий профиль социальной уязвимости российских граждан, где на одном полюсе находятся молодые и хорошо обеспеченные, а на другом – пожилые и малообеспеченные.

Рисунок 7.2. **Выбор в альтернативных парах суждений о самодостаточности или зависимости от государства в разных социальных группах, 2022 г., %**

Зависимость от государства воспринимается россиянами с разным уровнем образования примерно одинаково, хотя уровень их материального положения различается весьма существенно (так, доля малообеспеченных с доходами менее 0,75 медианы составляет 46% среди не имеющих профессионального образования и только 26% среди обладателей высшего профессионального образования). То есть восприятие нашими согражданами вопроса об «обеспечении» имеет более сложный, комплексный характер, выходя за рамки собственно доходов.

Собственную независимость от государства чаще декларируют жители столиц, а также предприниматели и россияне, занимающие руководящие должности разного уровня.

Весной 2022 г. по сравнению с 2021 г. доля россиян, ощущающих себя зависимыми от поддержки государства, выросла на 8 п.п. Отмеченный рост неодинаков в различных социальных группах, что позволяет обозначить наиболее уязвимые из них.

Во-первых, наиболее существенно пострадала группа низкодоходных россиян. Если в 2021 г. соотношение «зависимых» и «самодостаточных» граждан в ее составе было 67% к 32%, то в 2022 г. — уже 78% и 22%. То есть если в 2021 г. назад разрыв между «зависимыми» и «самодостаточными» в этой группе был двукратным, то за год он увеличился до 3,5 раз (рис. 7.3).

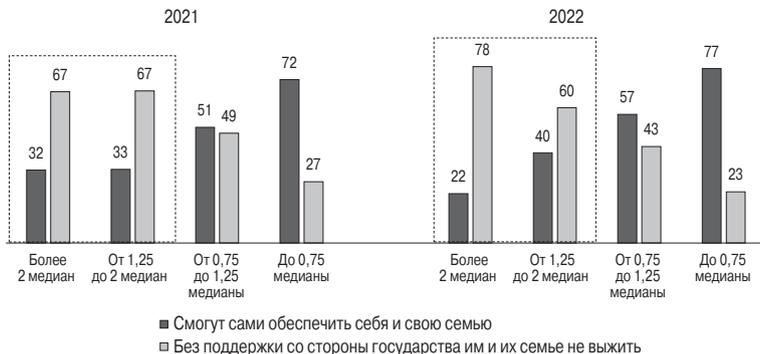

Рисунок 7.3. **Динамика выбора в альтернативных парах суждений о самодостаточности или зависимости от государства в разных доходных группах, 2021–2022 гг., %**

Во-вторых, значительно изменился поселенческий профиль «зависимости» / «самодостаточности». В 2021 г. заметное преобладание «зависимых» фиксировалось только в малых городах (на 8 п.п. больше доли «самодостаточных»), тогда как в остальных типах поселений это преобладание было минимальным (2 п.п. в региональных центрах) либо его не было вовсе (рис. 7.4). Весной 2022 г. «зависимые» преобладали уже везде кроме столиц, причем их перевес стал весьма заметным – от 18 п.п. в селах до 26 п.п. в малых городах. Таким образом, можно констатировать обвал самодо-

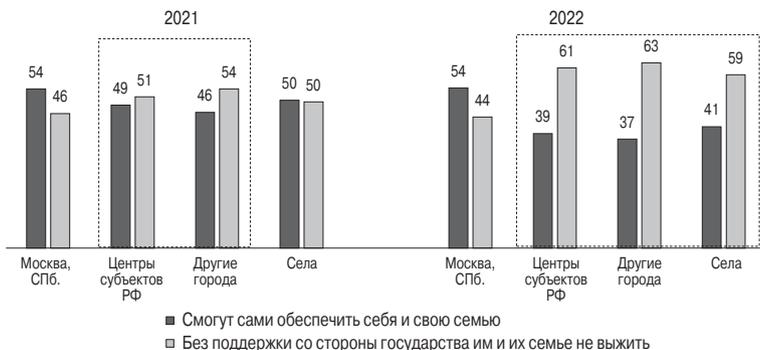

Рисунок 7.4. **Динамика выбора в альтернативных парах суждений о самодостаточности или зависимости от государства среди жителей разных типов поселений, 2021–2022 гг., %**

статочности у россиян в глубинке, их запас прочности за период с 2021 по 2022 г. существенно сократился.

В-третьих, изменился возрастной профиль «зависимости» / «самодостаточности». В марте 2022 г. зона численного преобладания россиян, ощущающих себя зависимыми от государства, значительно расширилась: если в 2021 г. это были группы 56 лет и старше, то в 2022 г. доминирование «зависимых» фиксировалось во всех возрастных группах, кроме молодежи до 25 лет (рис. 7.5). Смена маркера со «скорее самодостаточные» на «скорее зависимые» наиболее заметна в группе 46–55-летних россиян: если в 2021 г. в ней было на 14 п.п. больше «самодостаточных», то в 2022 г. на эти же 14 п.п. стало больше «зависимых». Снизился запас прочности и у молодежи до 25 лет: если в 2021 г. «самодостаточных» в ее среде было вдвое больше, чем «зависимых» (с разницей в 37 п.п.), то в 2022 г. перевес в их пользу сократился до 14 п.п., доли «самодостаточных» и «зависимых» сблизились. Что касается пожилых россиян, то здесь изменения были минимальны, поскольку эта группа всегда отличалась высоким уровнем зависимости от государства (82% в 2021 г. и 85% в 2022 г.).

Восприятие себя как субъекта, зависимого либо независимого от государства, связано не только с объективными параметрами жизни, такими как возраст, место проживания или материальное положение, но и с особенностями мировоззрения россиян. Установки на независимость от господдержки чаще других демонстрируют «нелояльные западники», считающие, что России сле-

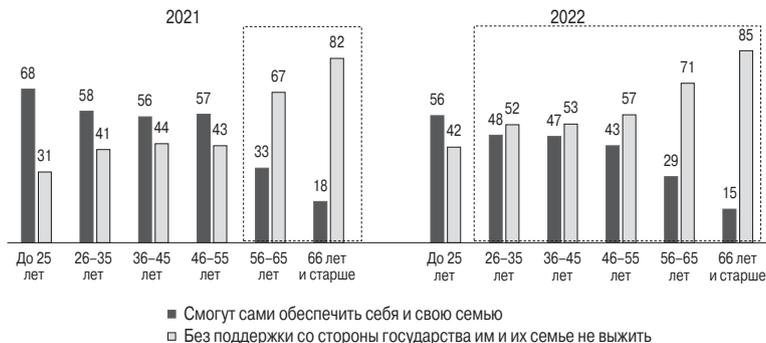

Рисунок 7.5. **Динамика выбора в альтернативных парах суждений о самодостаточности или зависимости от государства в разных возрастных группах, 2021–2022 гг., %**

дует стремиться к западной модели государственного устройства, и полагающие, что путь, по которому сегодня идет страна, ведет в тупик (62%), см. рис. 7.6. Доля «самодостаточных» преобладает и среди «лояльных западников», хотя и в меньшей степени. «Зависимые» же россияне чаще представлены в группах «лояльных консерваторов» и «нелояльных консерваторов». Немало их и среди наших сограждан, оценивающих ситуацию в стране, регионе, месте проживания как катастрофическую (66%).

Переходя от анализа восприятия россиянами себя в контексте «человек-государство» к более широкому контексту «человек-мир», важно отметить доминирование у россиян не внешнего, а внутреннего локуса контроля. Если в контексте «человек-государство» преобладает восприятие себя как «зависимых», то в контексте «человек-мир» наши сограждане чаще полагают, что человек сам кузнец своего счастья, а успех и неудачи — все в его руках. Динамика данных с 2008 г. по настоящее время показывает, что доминирование этой установки характерно для всего периода за исключением двух точек. Первая пришлась на 2008 г., когда на фоне мощного мирового экономического кризиса большинство россиян (58%) отмечали, что жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями (рис. 7.7). Вторая точка — 2022 г., когда показатель внешнего локуса контроля вновь оказался выше, чем внутреннего (52% и 48% соответственно). В истории наблюдений был еще один момент заметного роста доли людей, ощущающих давление внешних обстоятельств как более значимое в сравнении

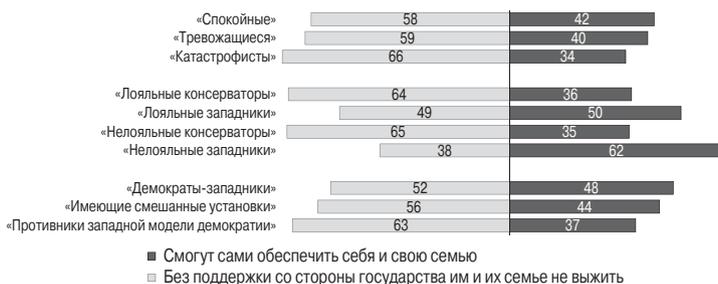

Рисунок 7.6. Динамика выбора в альтернативных парах суждений о самостоятельности или зависимости от государства в группах россиян с разными оценками ситуации в стране и с разным отношением к вектору развития России, 2022 г., %

Рисунок 7.7. **Динамика выбора в альтернативных парах суждений, отражающих внешний либо внутренний локус контроля россиян, 2008–2022 гг., %**

с собственными усилиями — 2014 г., после старта порожденного санкциями Запада экономического кризиса. Однако в целом «знак» локуса контроля в обществе тогда не поменялся: пусть и с незначительным перевесом, но всё же преобладало мнение, согласно которому собственные усилия человека значат в его жизни больше, чем внешние обстоятельства (51%). Таким образом, локус контроля большинства россиян в контексте «человек-мир» имеет признаки внутреннего, и это относится к самым разным периодам жизни страны, в том числе отмеченным значительными изменениями, за исключением периодов мощных экономических или политических кризисов.

Различия в распределении носителей внешнего либо внутреннего локуса контроля между группами, выделенными на основании мировоззренческой сегментации или по оценкам текущей ситуации в стране, регионе, месте жительства, невысоки. Заметны лишь различия в позициях «лояльных западников» с их максимальной долей «кузнецов собственного счастья» (56%) и «нелояльных консерваторов», большинство которых считают определяющими внешние обстоятельства (58%). Не наблюдается и дифференциации показателей локуса контроля среди россиян, по-разному оценивающих решение о проведении специальной военной операции на Украине, по-разному определяющих источник основных угроз для России и т.д.

Зато в основных социально-демографических и профессиональных группах российские граждане с внешним и внутренним

локусом контроля представлены по-разному. Восприятие человека как субъекта, самостоятельно выстраивающего свою жизнь, «кузнеца собственного счастья» заметно чаще встречается в среде хорошо обеспеченных россиян (до 75% среди людей с доходами более 2 медиан в их типах поселений), молодежи (до 62% в группе до 25 лет), людей на руководящих позициях (68%), предпринимателей и самозанятых (57%). Отметим также, что повышенная доля лиц с внутренним локусом контроля фиксируется в группе высококвалифицированных рабочих (58%), см. рис. 7.8. Ощущение же того, что жизнь человека определяется в первую очередь внешними обстоятельствами, более характерно для представителей низкодоходных групп населения (66% среди имеющих доходы ниже 0,75 медианы), пожилых (70% среди 66-летних и старше), рядовых работников торговли и бытового обслуживания, а также служащих на должностях, не требующих высшего образования (53–54%). Отчасти такое распределение может объясняться гендерным составом различных профессиональных групп, поскольку мужчины в среднем чаще характеризуются внутренним локусом контроля.

Выше отмечалось, что усиление восприятия себя россиянами как людей, зависимых от внешних обстоятельств, отмеченное в 2022 г., не первое. Данные позволяют сравнить структурные особенности актуальных изменений ситуации со сходным процессом

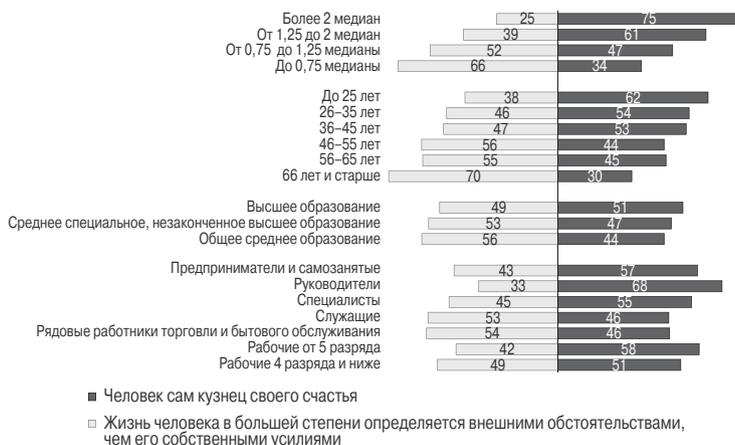

Рисунок 7.8. Выбор в альтернативных парах суждений, отражающих внешний либо внутренний локус контроля, в разных социальных группах, 2022 г., %

в 2014 г. На рис. 7.9 видно, что в 2014 г., несмотря на то, что в целом по населению доля «кузнецов собственного счастья» сократилась по сравнению с предыдущим годом на 4 п.п. (с 55% до 51%), в обществе были группы, где доля таковых, наоборот, выросла — молодежь до 25 лет и люди активного среднего возраста 36–45 лет. В указанных группах доля уверенных в том, что успех человека зависит от его собственных усилий, выросла тогда на 6 п.п. Основное же снижение социального оптимизма фиксировалось в среде пожилых россиян (на 15 п.п. в группе 66-летних и старше).

Ситуация 2022 г. иная — основные потери в доле тех, кто ощущает себя субъектами собственной жизни, пришлись на молодежь до 25 лет (на 12 п.п.) и группу 46–55-летних (на 11 п.п.). По всей видимости, это различие обусловлено скоропостижностью введения массивованных санкций после начала специальной военной операции на Украине, в то время как в 2014 г. кризис, вызванный санкциями в отношении России вследствие воссоединения с ней Крыма, еще не развернулся. Кроме того, в 2022 г. россияне испытывали последствия санкций в самых разных сферах (трудовой, сфере потребления, возможностей для международного туризма и обучения и т.д.), особенно значимых для людей молодых, а также тех, кто находится в силу возраста в группе риска на рынке труда.

Рисунок 7.9. **Динамика доли россиян с доминированием внутреннего локуса контроля в разных социальных группах населения, 2013–2022 гг., %**

Единственная возрастная группа, в которой наблюдался контр-тренд, то есть рост доли тех, кто уверен, что человек сам может определять свою жизнь, это 56–65-летние россияне. Напомним, что ее представители чаще других одобряют путь, по которому движется сегодня страна, видят в нем перемены, необходимые обществу. По всей видимости, с этим связано и увеличение в данной группе доли тех, кто ощущает себя вершителем собственной судьбы – оптимизм в отношении общего вектора развития России поддерживает оптимизм в отношении собственной жизни.

По сравнению с показателями самодостаточности и внутреннего локуса контроля, тонус готовности людей к борьбе за свои права в российском обществе выше. Доля тех, кто заявляет, что для защиты своих интересов и прав человеку необходимо активно бороться за них, составляла в 2003–2022 гг. 52–61% (напомним, что доля «самодостаточных» составляла в разные годы 34–49%, а «кузнецов своего счастья» 42–55%). Установка на приспособление к реальности, напротив, удел заметно меньшего числа наших сограждан (39–48%). За весь период исследований ИС ФНИСЦ РАН не было ни одной точки, в которой соотношение менялось бы в пользу «приспособленцев» (рис. 7.10). Однако на фоне высоких значений установок россиян на борьбу за свои права в середине 2010-х гг. (58–60%) в последние годы наблюдается их снижение.

«Энергетика борьбы» в российском обществе дифференцирована, прежде всего, по линии мировоззренческих установок людей, их восприятия внешнего контура жизни, оценок проис-

Рисунок 7.10. Динамика выбора россиян в альтернативных установках относительно борьбы за свои права и интересы, 2003–2022 гг., %

ходящего в целом, и заметно меньше опосредуется принадлежностью к той или иной социально-демографической или профессиональной группе, объективными обстоятельствами собственной жизни. Основные «энергетические точки» общества совпадают с мировоззренческими установками, вступающими в противоречие с вектором общественно-политической ситуации в стране. По сути, это энергетика внутреннего протеста: максимальные доли тех, кто считает, что за свои интересы и права нужно бороться, фиксируются в группах «нелояльных западников» и респондентов, полагающих, что главные угрозы для России находятся внутри страны (по 64%), см. рис. 7.11. Близки к ним установки «демократов-западников», россиян, не одобряющих решение о проведении специальной военной операции на Украине, людей, оценивающих ситуацию в стране, регионе, месте проживания как катастрофическую (60–62%).

Опрошенные, подчеркивающие важность умения приспосабливаться к реальности, напротив, чаще встречаются в группах, лояльных к действующей власти и проводимому ею курсу, в том числе расположенных к признанию самобытности России и неприятию западной модели демократии (50% среди «лояльных консерваторов» и «противников западной модели демократии»).

Показательно отношение к дихотомии «борьба-приспособление» в группах россиян, занимающих разные позиции по отношению к специальной военной операции на Украине. Те, кто

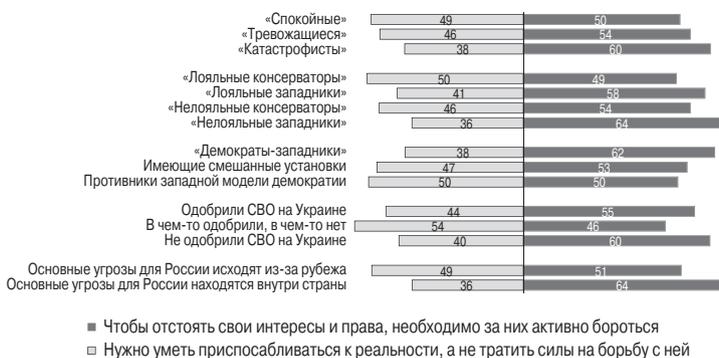

Рисунок 7.11. **Выбор в альтернативных парах суждений относительно борьбы за свои права и интересы в группах россиян с разными оценками ситуации в стране и с разным отношением к вектору развития России, 2022 г., %**

определился в данном вопросе (будь то поддержка или отрицание таковой), чаще занимают активную позицию и в отношении жизни в целом (55% и 60% нацеленных на борьбу за свои интересы соответственно). Те же, кто выбрал промежуточный вариант по отношению к военной операции (в чем-то одобряет, в чем-то нет), чаще других придерживаются мнения, что к реальности следует приспосабливаться, а не тратить силы на борьбу с ней (максимальные 54%).

Обратим внимание на возрастной профиль групп «борцов» и «приспособленцев» и его динамику в 2022 г. по сравнению с 2021 г. Тренд на снижение «тонуса борьбы» и повышение доли лиц, приспосабливающихся к реальности, а не противостоящих ей, наблюдается во всех возрастных группах, кроме молодежи. Россияне моложе 25 лет — единственная группа, где сохраняется двукратное превышение доли тех, кто считает необходимым бороться за свои интересы, над долей тех, кто готов приспосабливаться к реальности (66% и 33% соответственно). В ближайшей к ним по возрасту группе 26–35-летних ситуация после начала специальной военной операции на Украине радикально изменилась: еще в 2021 г. настроенные за борьбу за свои интересы доминировали здесь с двукратным преимуществом (65% против 34% приспособляющихся), а в 2022 г. их доли заметно сблизились (55% и 44% соответственно), см. рис. 7.12.

На основании трех рассмотренных параметров — самостоятельность или зависимость от государства, внешний или внутрен-

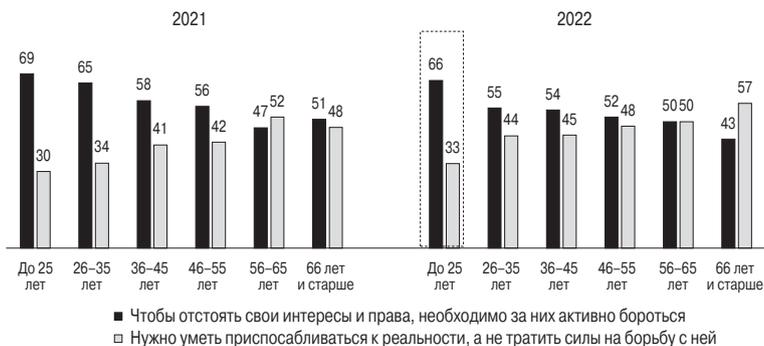

Рисунок 7.12. Динамика выбора в альтернативных парах суждений относительно борьбы за свои права и интересы в разных возрастных группах, 2021–2022 гг., %

ний локус контроля, установки на борьбу за свои интересы или на приспособление к реальности — нами была проведена сегментация россиян, в рамках которой были выделены 4 группы:

1. «безусловные достигатели» — те, кто в трех дихотомиях выбирают активистские, достигательные установки (самодостаточность, внутренний локус контроля, установки на борьбу за свои права). По состоянию на март 2022 г. таких оказалось 18%;
2. «скорее достигатели» — те, кто выбирает две из трех достигательных установок (27%);
3. «скорее инертные» — те, кто в трех дихотомиях выбирают две установки, отражающие пассивную, инертную позицию (33%);
4. «безусловные инертные» — те, кто выбирает три из трех установок на пассивность (зависимость от государства, внешний локус контроля, установки на приспособление к реальности): таких оказалось 22% (рис. 7.13).

На фоне нисходящей динамики показателей самодостаточности, субъектности, готовности бороться за свои права у наших сограждан стабильна и даже укрепилась ценность свободы. В 2022 г. 65% россиян согласились, что свобода — это то, без чего жизнь человека теряет смысл, и только 35% придерживались мнения, что важнее материальное благополучие. Причем подобное распределение мнений наблюдается на протяжении последних десяти лет, с 2012 г., практически без изменений (рис. 7.14).

Свобода для россиян — это универсальная ценность, ее разделяет примерно одинаковое большинство представителей разных социальных групп населения, выделенных как по объективным характеристикам, так и по мировоззренческим особенностям. Максимальные разрывы в установках отдельных групп не превышают 10 п.п. (рис. 7.15). Тем не менее есть некоторые особенности

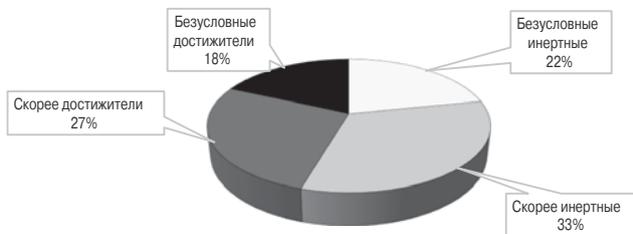

Рисунок 7.13. **Сегментация россиян по их жизненным установкам на достижения / инертность, 2022 г., %**

Рисунок 7.14. **Динамика выбора в альтернативных парах суждений о приоритете свободы или материального благополучия, 2007–2022 гг., %**

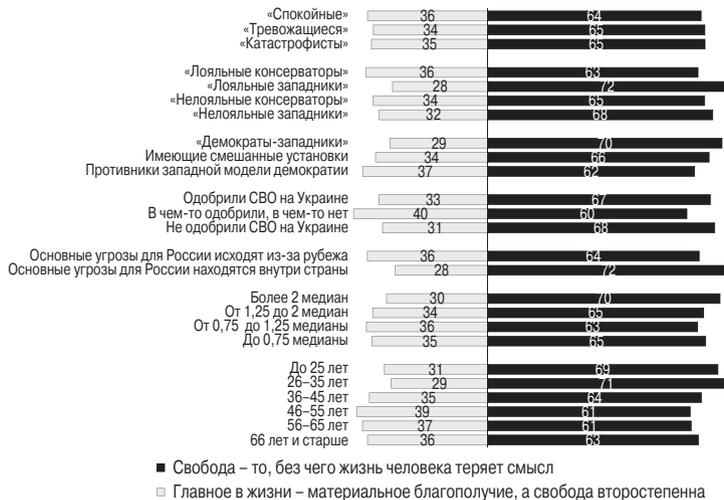

Рисунок 7.15. **Выбор в альтернативных парах суждений о приоритете свободы или материального благополучия в разных социальных группах, 2022 г., %**

отношения к свободе представителей отдельных групп, на которые следует обратить внимание, поскольку они имеют важный объяснительный потенциал для понимания специфики их установок и мотивов к действиям.

Повышенная доля россиян, полагающих, что без свободы жизнь человека теряет смысл, отмечается в группах «лояльных западни-

ков» и тех, кто считает, что основные угрозы для России находятся внутри страны (72%). Выше значимость свободы и для молодежи, причем не только самой младшей — до 25 лет включительно (69%), но и в большей степени для 26–35-летних. Таким образом, точки роста важности ценности свободы приходятся на группы, испытывающие определенную «несвободу мысли» (как в случае с «лояльными западниками», подстраивающими свои представления об идеальном устройстве РФ под восприятие нынешнего вектора развития страны, или с теми, кто на общем фоне риторики о внешней угрозе видит основные угрозы для России внутри нее) или «несвободу действий» (как в случае с 26–35-летними россиянами, среди которых за последний год существенно снизились установки на активную борьбу за свои права и усилились установления на приспособление к ситуации).

Еще чаще, нежели ценность свободы, наши сограждане декларируют ценность честного подхода к получению доходов — 72% россиян заявляют, что человек должен иметь только те доходы, которые заработаны честным путем. При этом за последние годы данная установка усилилась (для сравнения — в 2020 г. ее разделяли 62%). Соответственно, доля тех, кто допускает, что можно иметь любые доходы, независимо от того, как они были получены, сократилась за последние два года с 37% до 28%. Данная ценность вполне универсальна для сторонников самых разных, в том числе противоположных, мировоззренческих позиций. Отличия в позициях тех, кто считает ситуацию в стране, регионе, месте проживания спокойной или, наоборот, катастрофической, «лояльных консерваторов» и «нелояльных западников», «демократов-западников» и «противников западной модели демократии» не превышают 7 п.п.

Однако реальные объективные обстоятельства жизни людей заметно опосредуют эту, на первый взгляд благополучную, картину честности подавляющего большинства россиян. Во-первых, куда более лояльны к «любым доходам» жители сел, а также россияне без профессионального образования (35–38%), то есть представители наиболее уязвимых в экономическом плане групп, имеющих ограниченный доступ к хорошо оплачиваемой работе и «честным доходам». Во-вторых, в социально-профессиональном разрезе повышенной долей «моральных релятивистов» выделяются, с одной стороны, предприниматели и самозанятые, повседневная практика которых связана с поиском и комбинированием различных способов получения доходов (35%), а, с другой сто-

роны – представители рабочего класса, причем любой квалификации (35–38%), см. рис. 7.16.

Важной характеристикой мировоззрения россиян является их отношение к дилемме: ограничивать личные интересы во имя интересов страны и общества или признавать их главными. Напомним, что ранее обозначенные ключевые мировоззренческие доминанты массового сознания – цивилизационный суверенитет России, ценности коллективизма и жестко управляемого государства как приоритет по отношению к западной модели демократии с ее ценностями индивидуализма и либерализма. Эти доминанты дополняются в сознании наших сограждан установкой на приоритет личных ценностей человека над перспективой ограничения собственных интересов во имя общества. На протяжении 8-летнего периода наблюдений с 2014 г. приоритет личных интересов признается большинством россиян (55–68%), см. рис. 7.17.

Иначе говоря, если переходить от более общей постановки вопроса о векторе развития страны в целом к принципам поведения индивида, то подобная редукция приводит к переворачиванию ценностной матрицы: для большинства россиян «своя рубашка» оказывается «ближе к телу», чем интересы страны. Тем не менее в 2022 г., после начала специальной военной операции на Украине, в обществе наблюдается определенная ценностная мобилиза-

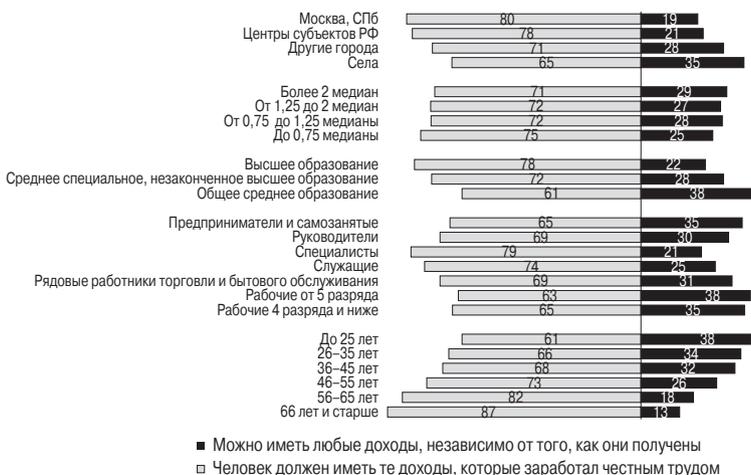

Рисунок 7.16. Выбор в альтернативных парах суждений о допустимости иметь любые доходы в различных социальных группах, 2022 г., %

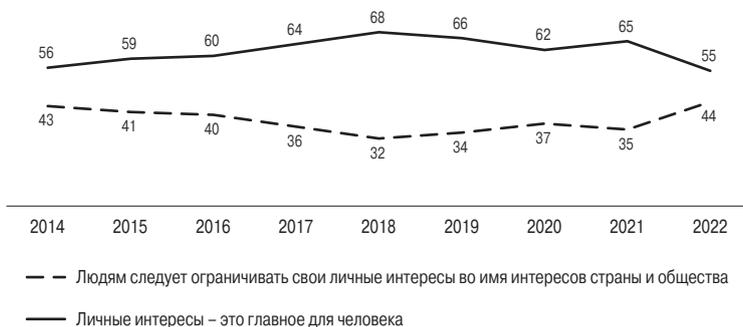

Рисунок 7.17. **Динамика выбора в альтернативных парах суждений о приоритете личных или общественных интересов, 2014–2022 гг., %**

ция — доля тех, кто ставит во главу угла интересы страны, выросла по сравнению с 2021 г. на 9 п.п. (с 35% до 44%).

Основными «локомотивами» ценностной мобилизации населения и признания приоритета интересов страны над личными интересами ее граждан весной 2022 г. были люди, одобряющие решение о проведении специальной военной операции на Украине (54% против 25% среди ее противников), а также «лояльные консерваторы» и «противники западной модели демократии» (по 50%). Высока доля россиян, полагающих необходимым ограничить сегодня личные интересы во имя интересов общественных, и среди тех, кто видит основные угрозы для страны за ее рубежами (47% при 31% среди тех, кто считает, что основные угрозы — внутри страны), см. рис. 7.18.

Между группами россиян, выделенными по объективным характеристикам, различия в восприятии приоритетов личных или общественных ценностей выражены не столь очевидно, как между группами наших сограждан, стоящими на разных мировоззренческих позициях. Однако и здесь можно заметить несколько важных особенностей. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что россияне, проживающие в столицах, являются единственной группой, в которой установку на приоритетность общественных целей декларируют большинство (52%), см. рис. 7.19. Наиболее индивидуалистически ориентированы высококвалифицированные рабочие (64%), а также рядовые работники сферы услуг (65%).

В 2022 г. в сравнении с ситуацией 2014 г. в выборе между личными и общественными интересами наблюдалось некоторое

Рисунок 7.18. **Выбор в альтернативных парах суждений о приоритете личных или общественных интересов в группах россиян с разными оценками ситуации в стране и с разным отношением к вектору развития России, 2022 г., %**

Рисунок 7.19. **Выбор в альтернативных парах суждений о приоритете личных или общественных интересов в разных социальных группах, 2022 г., %**

структурное изменение — увеличение дистанции в установках представителей самой младшей и самой старшей возрастных групп россиян. Если в 2014 г. доля молодежи, выступавшей за priori-

тет личных интересов, превышала долю тех, для кого главными были интересы страны, всего на 17 п.п., то весной 2022 г. эта разница составляла уже 31 п.п., и разрыв между данными установками в молодежной среде приблизился к двукратному в пользу «индивидуалистов». Обратный тренд наблюдался среди россиян старше 65 лет. Это не только единственная группа, в которой альтруистов в 2022 г., как и в 2014 г., больше, но и где их доминирование стало весной 2022 г. отчетливее (13 п.п. в 2014 г. против 22 п.п. в 2022 г.), см. рис. 7.20.

Важнейшей характеристикой мировоззрения россиян является отношение к вопросу о том, должен ли человек жить в той стране, где ему больше нравится, или же следует исходить из принципа, что Родина у человека одна, и покидать ее нехорошо. Данный вопрос актуализируется на фоне «отмены России» со стороны зарубежных стран и контртренда после начала СВО на Украине, и особенно объявления частичной мобилизации, на «отмену» тех, кто покинул страну, — уже со стороны России. По состоянию на март 2022 г. общество было расколото практически пополам — 50% россиян осуждали космополитизм, а 49% не видели ничего плохого в том, чтобы человек жил там, где ему нравится (рис. 7.21).

Водораздел в этом вопросе проходит между людьми с разными мировоззренческими позициями. Максимально высокая доля космополитов (83%) — в группе «нелояльных западников», то есть среди людей, считающих, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны, а путь, по которому она идет сегодня, приведет ее в тупик. Уверенное большинство (64–66%)

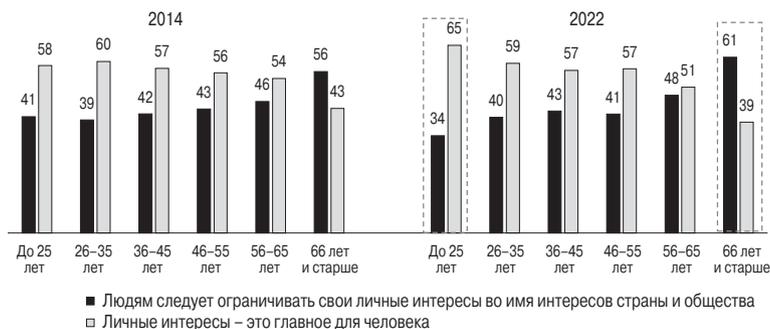

Рисунок 7.20. **Динамика выбора в альтернативных парах суждений о приоритете личных или общественных интересов в разных возрастных группах, 2014–2022 гг., %**

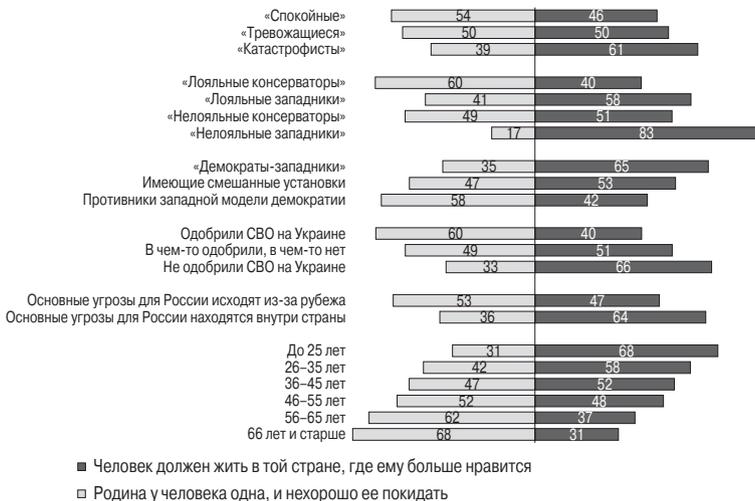

Рисунок 7.21. **Выбор в альтернативных парах суждений о том, должен ли человек жить там, где ему нравится, или только на Родине, 2022 г., %**

отстаивают право человека жить там, где ему больше нравится, и в группах «демократов-западников», людей, выступающих против проведения специальной военной операции на Украине, а также среди уверенных в том, что главные угрозы для России находятся внутри страны.

Им противостоят противники западной модели демократии и «лояльные консерваторы», считающие, что Россия идет правильным путем и ей следует развивать цивилизационный суверенитет, а также сторонники проведения военной спецоперации на Украине: большинство представителей данных групп (58–60%) уверены, что Родина у человека может быть только одна.

Еще одна значимая линия противостояния во взглядах на вопрос о праве человека жить там, где ему больше нравится, — возраст. Среди молодежи до 25 лет большинство (68%) выступают в поддержку этого права, и только 31% полагают, что Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать. С точностью до наоборот распределяются мнения в самой старшей возрастной группе населения (66 лет и старше). При этом с увеличением возраста россиян наблюдается межгрупповой поступательный рост пропатриотических настроений и снижение доли «людей мира». Данный разрыв связан в том числе с тем, что для молодежи возможность жить

и работать там, где хочется, в любой стране мира, чаще является сегодня мерилom жизненного успеха. Так, среди населения в целом достижение указанной цели считают признаком жизненного успеха 7% опрошенных, среди молодежи до 25 лет — 12%, а среди представителей старшей возрастной группы россиян — только 2%.

Понимание россиянами жизненного успеха существенным образом дополняет картину ценностной модели, которая формируется на уровне представлений о том, как должна развиваться страна, и о тех принципах, которыми должны руководствоваться люди в своей жизни. В ходе исследования респондентам предлагался вопрос: что определяет жизненный успех человека в первую очередь. Отвечая на него, следовало выбрать 5 основных компонентов жизненного успеха из более чем 20 предложенных. Исследование показало, что главные «три кита», на которых зиждется в наши дни представление россиян о жизненном успехе, — это создание семьи и рождение детей (59%), здоровье (53%) и финансовое благополучие (50%), см. рис. 7.22.

Во втором «эшелоне» критериев жизненного успеха — самореализация и работа, бизнес (43–44%), а также, с несколько более низкими значениями, образование (33%) и жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе (29%). Обратим особое внимание на последнее обстоятельство — мотив справедливости становится в современной России всё более актуальным, и в этом смысле вхождение «жизни в справедливом и разумно устроенном обще-

Рисунок 7.22. **Представления россиян о критериях жизненного успеха, 2022 г., %**

Примечание. * Цифры приведены от работающих.

стве» в критерии жизненного успеха индивида носит знаковый характер. Это единственный критерий в топ-списке, который не связан с личными обстоятельствами жизни отдельного человека, но характеризует развитие ситуации в обществе в целом. Иными словами, это важный признак того, что сегодня для многих россиян их жизненный успех мыслится в тесной связи с тем, как живут общество, страна.

Остальные критерии жизненного успеха были названы менее 16% россиян, что объясняется тем, что в ходе опроса можно было указать не более 5 вариантов ответа. Это позволяет провести своеобразную демаркационную линию между приоритетными и неприоритетными критериями (которые, тем не менее, могут быть значимы для отдельных групп).

Обратим внимание, что «за чертой» оказались критерии, связанные с коммуникативной областью жизнедеятельности человека – дружба и общение, любовь и секс (15–16%), помощь детям и внукам в устройстве их жизни (14%), признание со стороны окружающих (11%), возможность быть полезным обществу, людям (9%), наличие важных связей и знакомств (8%), доступ к информации и общение в соцсетях (8%). Иначе говоря, модель жизненного успеха для россиян «высвечивает» как главную сферу самого ближнего круга и не включает как приоритет то, что находится за его границами (в том числе друзей, взрослых детей, окружающих людей, интернет-друзей).

За последние два года в восприятии нашими согражданами жизненного успеха произошли некоторые изменения. Заметно выросла популярность таких его критериев, как создание семьи и рождение детей, – прирост значимости составил 11 п.п., а сам критерий переместился со второй позиции в рейтинге на первую. На 5 п.п. усилилась значимость второго по важности критерия – здоровья. Наконец, на 6 п.п. выросла популярность в этом качестве жизни в справедливом и разумно устроенном обществе. Если в 2020 г. данный критерий находился ниже условной демаркационной черты, отделяющей приоритеты, то сегодня он входит в топ критериев жизненного успеха (рис. 7.23).

Одновременно снизилась значимость двух критериев, связанных с трудовой деятельностью – критерия «работа и бизнес» (на 8 п.п.), критерия «карьера» (на 4 п.п.). Стало менее значимо и наличие отдельной квартиры, дома (на 6 п.п.). Этот разворот восприятия жизненного успеха, в рамках которого укрепляются смыслы семьи и справедливого общества, является, по всей види-

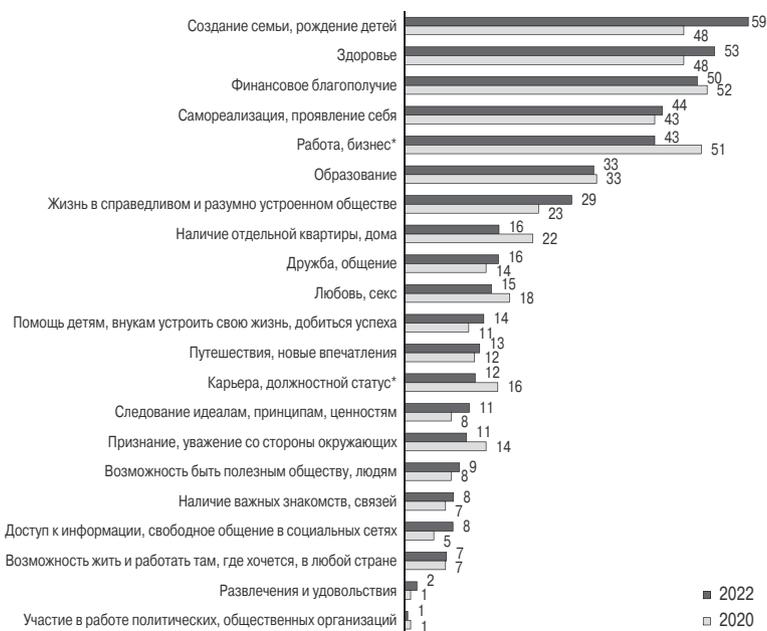

Рисунок 7.23. **Динамика представлений россиян о критериях жизненного успеха, 2020–2022 гг., %**

Примечание. * Цифры приведены от работающих.

мости, отражением специфики текущей ситуации, развивающейся в стране и мире после начала специальной военной операции на Украине.

В структуре изменений, произошедших в отношении россиян к некоторым критериям жизненного успеха, есть ряд важных особенностей, связанных с возрастом. На общем фоне усиления значимости семьи и детей, единственная группа, где наблюдается обратный тренд, — это молодежь в возрасте до 25 лет включительно (рис. 7.24). Это означает, что растет социальная дистанция молодежи от остального общества, в том числе по линии ослабления семейных связей. В то же время усиление значимости критерия «здоровье» происходит, главным образом, среди пожилых людей, что свидетельствует о проблематизации вопроса с поддержанием в указанной группе здоровья, о снижении доступности и эффективности медицинской помощи для пожилых.

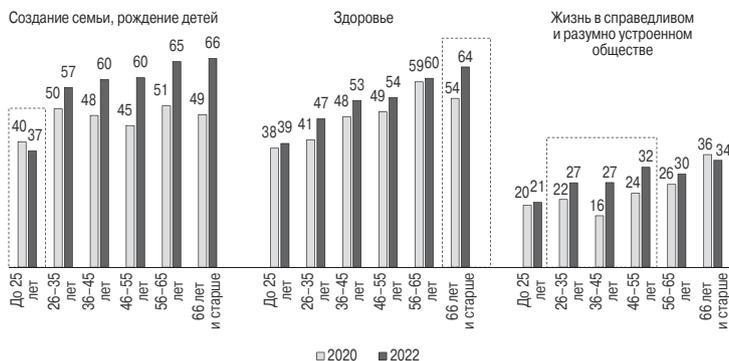

Рисунок 7.24. Динамика представлений о некоторых критериях жизненного успеха, значимость которых выросла, в разных возрастных группах, 2020–2022 гг., %

Усиление значимости критерия «жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе» имеет место в группах наших сограждан от 26 до 55 лет. Одновременно среди россиян 26–45 лет снижается значимость такого критерия жизненного успеха, как «работа и бизнес», а среди молодежи до 25 лет и особенно среди 26–35-летних такого критерия, как «отдельная квартира, дом» (рис. 7.25).

Существенно различаются профили жизненного успеха также в группах россиян с разным типом ценностных установок — «достижителей» и «инертных». Сопоставление ответов пред-

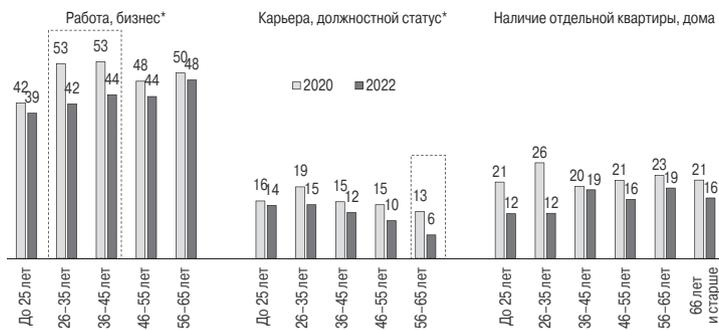

Рисунок 7.25. Динамика представлений о некоторых критериях жизненного успеха, значимость которых снизилась, в разных возрастных группах, 2020–2022 гг., %

Примечание. * Цифры приведены от работающих.

ставителей двух крайних типов, «безусловных achievers» и «безусловных инертных», показывает, что в «копилку» смыслов, наполняющих концепт жизненного успеха, у первых чаще попадает критерий «самореализация, проявление себя» (53% против 32% у «инертных»), а также любовь и секс, путешествия и впечатления, образование, доступ к информации и общению в соцсетях, работа и бизнес, карьера. Обращает на себя внимание и повышенная значимость для «достижителей» следования собственным идеалам и принципам, а также возможность жить и работать там, где хочется (рис. 7.26). Профиль жизненного успеха второй группы — «инертных» россиян — связан, прежде всего, со здоровьем, стремлением жить в справедливом и разумно устроенном обществе. Они чаще ориентированы на понимание успеха через семью и детей, жизненный успех детей и внуков. Для группы «инертных» важнее материальные аспекты жизненного успеха — финансовое благопо-

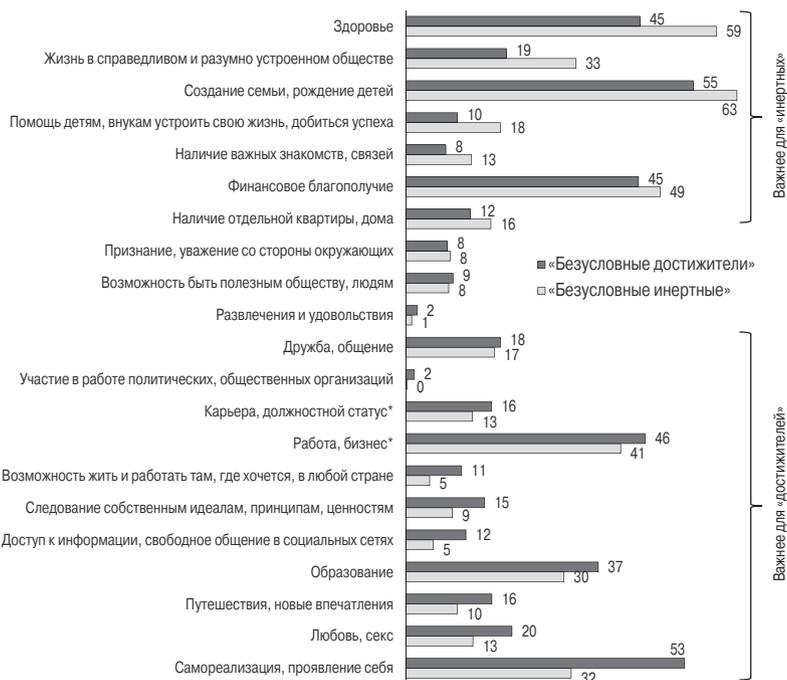

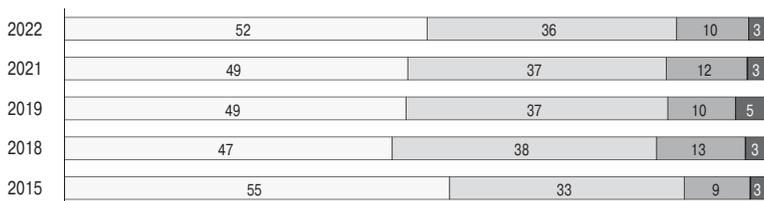
Рисунок 7.26. **Представления о критериях жизненного успеха у россиян с разными типами жизненных установок и принципов, 2022 г., %**

Примечание. * Цифры приведены от работающих.

лучие, квартира и дом, а также наличие полезных знакомств и связей как инструмента достижения этого успеха.

Восприятие россиянами жизненного успеха связано и с их отношением к планированию собственной жизни. Как показывают многолетние наблюдения ИС ФНИСЦ РАН, на протяжении последних лет такое планирование всегда оставалось для наших сограждан весьма дефицитной категорией: доля тех, кто полагал, что планировать жизнь в России невозможно в принципе, составляла в разные годы 47–55%. С 2018 г. наблюдается некоторый тренд на повышение неопределенности в планах (с 47% до 52%), однако в целом можно утверждать, что ситуация меняется незначительно (рис. 7.27). Даже в 2015 г., когда на фоне первого «тура» санкций в отношении РФ страна жила в условиях экономического кризиса, доля убежденных в невозможности планировать свою жизнь наших сограждан выросла лишь до 55%. Иными словами, в российском социуме отношение к планированию своей жизни есть некая константа, и выбор между планированием и не-планированием ее носит скорее экзистенциальный характер, нежели обуславливается реальными жизненными обстоятельствами.

С этой оговоркой проанализируем данные о том, как связано отношение к планированию жизни и образ жизненного успеха человека. Для людей, планирующих свою жизнь на 3 года и более, чаще, чем для отрицающих возможность ее планирования, жизненный успех связан с любовью и сексом, образованием, самореализацией и проявлением себя, путешествиями и новыми впечатлениями, а также с работой и карьерой, доступностью информации. Кроме того, для них оказываются более значимыми возможность

- Нет, так как в нашей жизни невозможно что-то планировать
- Планируют, но только на ближайшие 1–2 года
- Планируют на ближайшие 3–5 лет
- Планируют свою жизнь не меньше, чем на 5–10 лет

Рисунок 7.27. **Динамика отношения россиян к вопросу о планировании своей жизни, 2015–2022 гг., %**

быть полезным людям и обществу, следование собственным идеалам и принципам (рис. 7.28). Обратим внимание на сходство данного образа с тем, который был очерчен выше применительно к группе «достижителей». В целом — это понимание успеха через накопление и развитие человеческого капитала, а также собственные удовольствия. В определенном смысле это Я-ориентированная модель успеха, характерная для условного «общества самореализации».

Отказ от планирования коррелирует с заметно отличающимся образом жизненного успеха. В нем чаще фигурирует запрос на здоровье, справедливое общество, уважение со стороны окружающих, дружбу, наличие важных связей и знакомств, обретение собственной квартиры или дома, финансового благополучия,

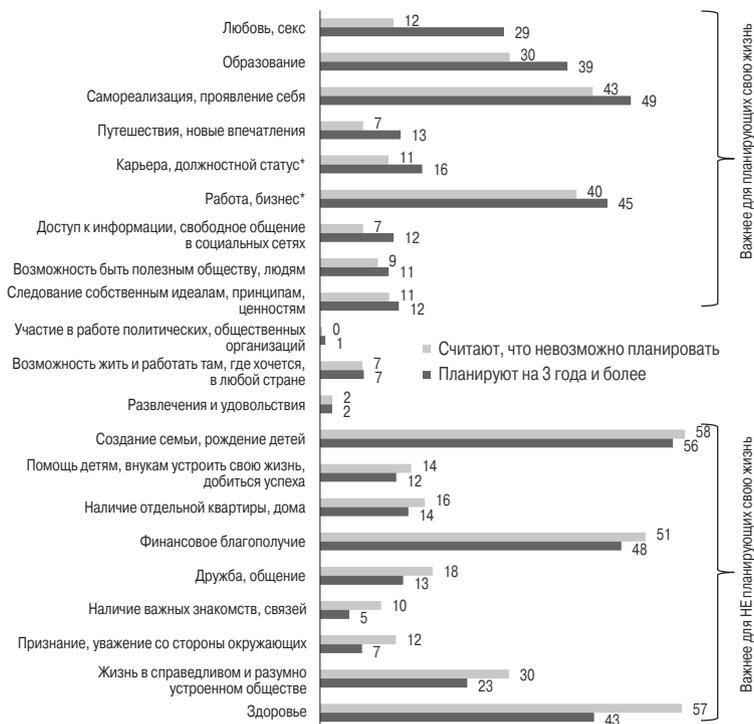

Рисунок 7.28. **Представления о критериях жизненного успеха в группах россиян с разным отношением к планированию собственной жизни, 2022 г., %**

Примечание. * Цифры приведены от работающих.

семьи и детей. Данный образ перекликается с образом успеха, пространственным в группе «инертных» россиян. Он – про поддержку со стороны ближайшего окружения и материальный комфорт, и в целом повторяет черты модели жизненного успеха, характерной для ценностной системы «традиционного общества»¹.

В заключение подчеркнем, что в атмосфере затягивания россиянами «ментальных поясов», сокращения пространства субъектности под давлением внешних обстоятельств, укрепляется значимость для них ценности свободы. Повышенная чувствительность к ней наблюдается прежде всего в группах россиян, испытывающих дефицит свободы в разных смыслах этого слова. Во-первых, это люди, испытывающие «несвободу мысли»: «лояльные западники» (декларирующие поддержку власти и пути, по которому идет страна, хотя хотели бы видеть Россию устроенной по модели западной демократии), а также люди, считающие, что основные угрозы для России находятся внутри страны (чье мнение в этом отношении входит в противоречие с доминирующей в информационном поле риторикой внешней угрозы). Во-вторых, это те, кто испытывает «несвободу действий», прежде всего 26–35-летние россияне, сменившие под давлением внешних обстоятельств установки на активную борьбу за свои права установками на приспособление к ситуации.

В системе мировоззренческих координат россиян на протяжении многих лет наблюдается коллизия: установки на цивилизационный суверенитет России, на ценности общности и коллективизма, которые важны людям с точки зрения общего вектора развития страны, соседствуют с приоритетом личных интересов над общественными – когда речь заходит о повседневной жизни обычного человека. Однако в условиях ценностной мобилизации общества происходит определенная корректировка этих установок, россияне отдают себе отчет в том, что происходящие события экстраординарны и требуют изменения отношения человека к стране и обществу.

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011.

Глава 8

ОТНОШЕНИЕ К ЗАПАДУ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДРУЗЬЯХ И ВРАГАХ РОССИИ¹

Начало специальной военной операции (СВО) на Украине ознаменовало новый виток дискуссий о глобальности и локальности российской цивилизации. Это происходит на фоне ее противопоставления западной цивилизации, которая исторически для россиян выступает в роли «значимого другого» и с которой так или иначе связана вся система смыслов, задающих характерные для российской ментальности картины мира². Процесс цивилизационного самоопределения для россиян отнюдь не завершен, что во многом обусловлено неясностью статуса страны в международной политической иерархии и особенностями распространенных в России различных нормативно-ценностных систем и взглядов³.

На этом фоне резкое ухудшение международной обстановки и масштабная санкционная политика ряда западных государств не только определили реальных соперников и стратегических партнеров РФ на мировой арене, но и наметили новые внутренние вызовы по формированию устойчивой к кризисам экономики. Вместе с этим обозначилась и другая не менее важная задача, связанная с сохранением внутреннего единства российской нации, предотвращением ценностных и мировоззренческих расколов среди населения РФ.

¹ В главе частично использованы материалы статьи: *Сушко П.Е.* Представления россиян о возможных путях развития России: распространенность и специфика // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25–37.

² *Андреев А.Л.* Образ России и образ Запада в сознании россиян (середина 1990-х – 2007 годы) // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 110–128.

³ *Горшков М.К.* Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017.

Беспрецедентное усиление информационного давления на умы и настроения россиян спровоцировало значительный рост социальной напряженности в обществе, пиковые показатели которой пришлось именно на весну текущего года, — до 88% наших граждан заявляли в этот период о незначительном или существенном ее росте⁴. Отразилось на уровне тревожности россиян и распространение фейковой информации о ходе СВО на Украине. Так, с подобными сведениями, согласно данным апрельского опроса ВЦИОМ (2022 г.), регулярно сталкивается около 60% россиян⁵. При этом с начала спецоперации большинство граждан РФ (63%) в ежедневном формате интересовалось ситуацией на Украине⁶. Пристальный интерес к этим событиям несет существенные риски усугубления ценностного раскола в обществе. Причем отличительной особенностью происходящих вокруг Украины событий является их высокая эмоциональная нагруженность и способность порождать среди населения самые крайние по своему диапазону чувства — от эйфории до депрессии и разочарованности, что увеличивает риски дестабилизации и атомизации общества, проявления неадекватных реакций.

В этой связи наша задача заключалась именно в том, чтобы отойти от непосредственных эмоциональных реакций и сконцентрироваться на восприятии событий на Украине и их последствий в связке с ценностно-нормативными и мировоззренческими характеристиками россиян, позволяющими зафиксировать векторы возможных общественных расколов. А учитывая то, что молодые поколения россиян социализировались в качественно иных условиях и под влиянием иного рода ценностей, нежели старшие поколения, взгляды молодежи часто могут входить в противоречие с теми традиционными российскими ценностями, в соответствии с которыми приоритет чаще отдавался коллективу, а не индивиду. Как следствие — значим вопрос о последствиях данного воздействия.

⁴ Данные мониторингового опроса Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенного в марте 2022 г. по общероссийской репрезентативной выборке (N = 2000).

⁵ Информационная война вокруг специальной военной операции // ВЦИОМ: [сайт]. 08.04.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 10.08.2022).

⁶ События недели. Опрос «ФОМнибус» 11–13 марта // ФОМ: [сайт]. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d10sn2022.pdf> (дата обращения: 03.09.2022).

Так, некоторые отечественные исследователи фиксировали, что в течение последних трех десятилетий в ценностном поле россиян происходили определенные ценностные сдвиги. Они заключались, прежде всего, в нарушении баланса между ценностями конкурентного индивидуализма и солидарности⁷ в сторону чрезмерной роли социально-экономических прав, а также снижения роли политических свобод для россиян⁸. Такой дисбаланс свидетельствует о специфичном преломлении ценностей западного модерна в российском обществе, с одной стороны, и значимых предпосылках для изменений традиционного ценностного кода, с другой.

Представляется, что различия в выборе вектора развития страны, опосредованные стремлением войти в зону контроля «коллективного Запада» либо сохранить сложившуюся историческую самобытность, могут стать одним из наиболее непримиримых мировоззренческих противоречий, способных разделить наших сограждан на полярные по своим характеристикам группы. В целях определения величины и особенностей подобных рисков, в том числе в контексте восприятия проводимой на Украине специальной военной операции, был сконструирован специальный индекс западноориентированности (Индекс ЗО), учитывающий различные установки в отношении того, каким курсом должна следовать Россия⁹, и дополняющий анализ ценностных

⁷ Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3. С. 5–22.

⁸ Тихонова Н.Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // *Полис*. Политические исследования. 2018. № 5. С. 134–149.

⁹ Индекс учитывал следующие установки россиян: 1) индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой подходящие для нашей страны ценности (32% по массиву в целом); 2) Россия должна жить по тем же правилам, что и западные страны – 23% (следует отметить, что данная установка оказалась базовой для сторонников прозападного пути); 3) Россия должна быть активным партнером Запада (14%); 4) западная модель развития наиболее эффективна и надо твердо ей следовать (5%). За выбор каждого из четырех указанных признаков присваивался один балл, после чего полученные показатели агрегировались. Сконструированный таким образом индекс позволил выделить среди российских граждан группу, убежденную в необходимости смены выбранного курса развития России и перехода на рельсы прозападного пути развития. Группа с наиболее прозападными ориентациями (набравшие в совокупности по Индексу ЗО 4 балла) оказалась крайне малочисленной (менее 2% от всей выборки) и была объединена с группой, набравшей 3 балла.

«смыслов для страны», проведенный в главе 6 данной монографии.

Обращение к данному индексу позволяет выделить несколько отличающихся своими взглядами групп россиян (рис. 8.1). Так, наиболее многочисленной (0 баллов по Индексу ЗО) оказалась группа последовательных антизападников (54%). Близкая

к ним, но чуть менее последовательная в своей «антизападности» группа (с 1 баллом по Индексу ЗО) охватила 27% опрошенных.

Доля россиян с более высокими показателями Индекса ЗО (2 балла), преимущественно выступающих за партнерство и интеграцию России в мировое сообщество, а также за принятие западных правил жизни в качестве базовых, составляет 12%. Члены данной группы формируют периферию группы прозападно настроенных российских граждан (табл. 8.1). Доля последовательных сторонников прозападного пути развития с максимальными значениями Индекса ЗО (3–4 балла) – 7%.

Охарактеризуем социально-демографический портрет выделенных по Индексу ЗО групп и дополним его их идеологическим профилем. Отметим, что различия здесь связаны с возрастом: 42% наших сограждан в возрасте до 25 лет имеют показатели соответствующего Индекса в 2 балла и более, а среди тех, кто старше 55 лет, таких не более 12% (табл. 8.2). При этом большинство во всех возрастных группах составляют люди со скорее или последовательно антизападной ориентацией.

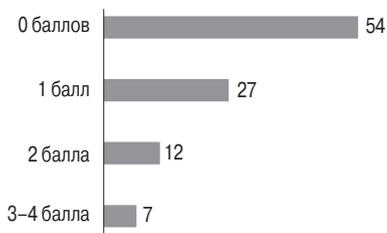

Рисунок 8.1. Доли россиян с разными показателями Индекса ЗО, 2022 г., %

Таблица 8.1

Распространенность различных аспектов отношения к западному пути развития России в группах россиян с разными показателями Индекса 30, 2022 г., %*

Индикаторы	Последовательные сторонники самобытности России (0 баллов)	Сторонники скорее самобытного пути России (1 балл)	Сторонники скорее западно-ориентированного пути России (2 балла)	Последовательные сторонники западноориентированного пути России (3–4 балла)	По массиву в целом
Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят	100	40	22	6	68
Россия должна жить по тем же правилам, что и западные страны	—	28	74	97	23
Россия должна стать активным партнером Запада, современных развитых стран	—	10	39	90	14
Западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	—	2	9	46	5

Примечание: * В таблице приведены ответы тех, кто выбрал соответствующие варианты из разных пар альтернативных суждений, поэтому сумма ответов не сходится в 100%. Фоном выделены доминирующие ответы в каждой группе.

Представляется, что различия в показателях Индекса 30 во многом связаны с условиями становления тех или иных поколенческих групп. В 1990–2000-х гг. «западные ценности» культивировались на деидеологизированной российской почве¹⁰. И усваивала их в первую очередь молодежь, взрослевшая в период тесного сотрудничества с западными странами и активно пользовавшаяся различными благами западной цивилизации — прежде всего, товарами и услугами, не распространенными на отечественном рынке ранее. В той или иной степени молодые россияне оказались вовлечены в это взаимодействие и вряд ли смогут безболезненно отказать от укоренившихся привычек.

¹⁰ Петухов В.В. Идеино-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 25–43.

Таблица 8.2

**Показатели Индекса 30 в разных возрастных группах россиян,
2022 г., %**

Индекс 30	До 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет	66 лет и старше
Последовательные сторонники самобытного пути России	27	48	54	55	68	66
Сторонники скорее самобытного пути России	31	29	29	26	21	22
Сторонники скорее западноориентированного пути России	24	13	10	14	8	8
Последовательные сторонники западноориентированного пути России	18	10	7	5	3	4

Рассматривая специфику выделенных групп с точки зрения их экономического положения, отметим, что среди последовательных сторонников западного пути развития относительно чаще встречаются высокообеспеченные в материальном отношении россияне¹¹ (16% против 7% в среднем по выборке). Другой отличительной особенностью явных «прозападников» является то, что в их составе чаще, чем среди остальных россиян, встречаются предприниматели и самозанятые (11% против 5% по массиву в целом), а также лица с высшим образованием (41% против 36% соответственно). При этом тип поселения по месту жительства не коррелирует с установками на пророссийскую или прозападную модель развития.

Для понимания особенностей формирования мировоззрения анализируемых групп обратимся к характеру их медиапотребления. В последние годы Интернет и социальные сети стали для россиян главными источниками информации о важнейших событиях в России и мире: цифровые ресурсы перехватили пальму первенства в деле информирования наших сограждан и в значительной степени отодвинули телевидение и иные традиционные СМИ на второй план¹². Об этом свидетельствует, в частности, динамика их использования: с 2014 г. аудитория Интернета и социальных сетей существенно нарастила свои объемы (рис. 8.2 и 8.3). Однако

¹¹ С доходами от двух поселенческих медиан и выше.

¹² ВЦИОМ рассказал, когда Интернет победил телевидение // ВЦИОМ: [сайт]. 2021.08.08. URL: <https://ria.ru/20210808/internet-1744954477.html> (дата обращения: 04.04.2022).

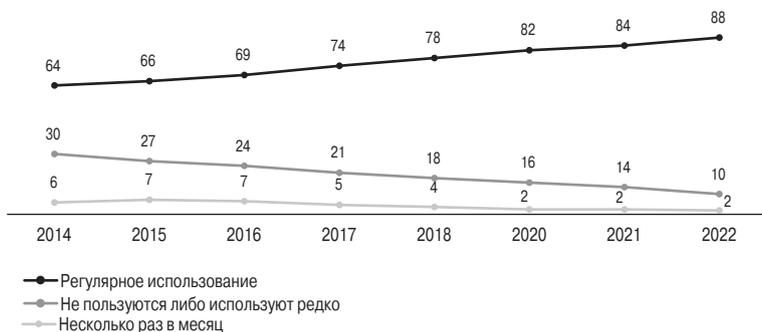

Рисунок 8.2. **Динамика использования Интернета россиянами, 2014–2022 гг., %**

Рисунок 8.3. **Динамика использования социальных сетей россиянами, 2014–2022 гг., %**

даже на фоне этого представители групп с высокими показателями Индекса ЗО обращаются к Интернету и социальным сетям чаще сторонников самобытного пути развития России (98% и 94% против 86% и 75% соответственно).

В сложившихся условиях ключевым становится вопрос доверия тем сведениям, которые транслируются различными информационными источниками, а также их роли в формировании духовно-психологической атмосферы в российском обществе. Ведь зачастую СМИ существенно искажают восприятие объективной реальности, порождая противоречия между картиной виртуальной и реальной¹³. Так, в контексте постепенного снижения доверия

¹³ *Латов Ю.В.* «Духовная атмосфера» 2020 года: опыт анализа социально-эмоционального самочувствия россиян // Социологические исследования. 2020. С. 139–150.

наших сограждан к телевидению (с 44% в 2014 г. до 33% в 2022 г.) представители групп с прозападными установками по большей части были убеждены весной 2022 г., что ТВ негативно сказывается на духовной атмосфере общества (51% против 21% в группах с нулевым Индексом ЗО — это уже качественные различия). Обращает на себя внимание и тот факт, что даже сторонники самобытного пути развития страны и пророссийски настроенные граждане оценивали телевизионное освещение событий неоднозначно (45% заявляли о его противоречивом характере), хотя и относительно чаще признавали позитивный вклад ТВ в формирование духовно-психологической атмосферы России (27% против 8% среди лиц с прозападными установками), см. табл. 8.3.

Из данных таблицы 8.3 следует, что группы с высокими баллами по Индексу ЗО значительно чаще признают противоречивость Интернета и социальных сетей, но вместе с этим (при сравнении с данными по массиву в целом) и чаще отмечают их положительную роль в формировании духовно-психологической атмосферы в стране. На фоне этого остальные группы в большинстве своем

Таблица 8.3

Оценки россиянами с разными показателями Индекса ЗО характера влияния различных источников информации на формирование духовно-психологической атмосферы в обществе, 2022 г., %

Оценки	Последовательные сторонники самобытного пути России	Сторонники скорее самобытного пути России	Сторонники скорее западно-ориентированного пути России	Последовательные сторонники западно-ориентированного пути России
<i>Центральные телевизионные каналы</i>				
В целом положительно	27	15	8	8
В целом отрицательно	21	29	46	50
Противоречиво	45	47	35	36
Никак не влияют	7	9	11	6
<i>Интернет и социальные сети</i>				
В целом положительно	11	15	13	22
В целом отрицательно	34	28	30	19
Противоречиво	46	49	49	55
Никак не влияют	9	8	8	4

считают, что цифровая среда содержит различный по характеру контент, не позволяющий интерпретировать его однозначно. Во всяком случае в части специфики информационного потребления в разрезе анализируемых общностей фиксируются определенные векторы разлома: сторонники прозападного пути движения России относительно чаще видят позитив в цифровой среде и негатив в ТВ, а представители традиционных для российского социума взглядов, напротив, благоприятнее оценивают телевидение, нежели интернет-среду.

Обращает на себя внимание ценностный срез, раскрывающий отношение различных групп россиян к соотношению приоритетов интересов государства и личности. Если взглянуть на трансформацию данных представлений за последние двадцать лет (рис. 8.4), то можно обнаружить, что для населения страны в целом характерен тренд на постепенный рост значимости интересов отдельной личности¹⁴. При этом большинство не оспаривает обязанности государства выражать общие интересы.

Одновременно отмечается заметное сокращение доли наших сограждан, согласных с тем, что в любой ситуации каждый гражданин имеет право отстаивать свои интересы посредством забастовок

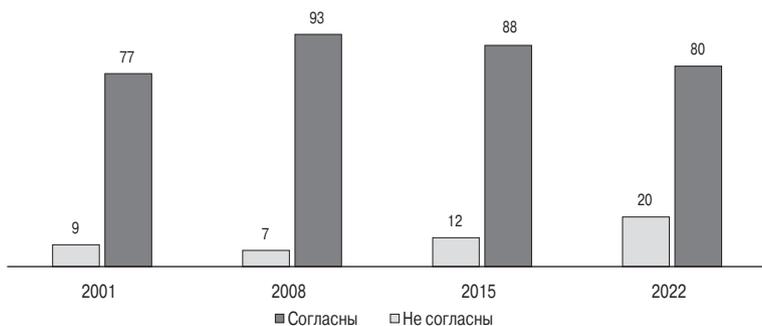

Рисунок 8.4. **Динамика отношения россиян к суждению «Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности», 2001–2022 гг., %***

Примечание: * В разные годы данный вопрос задавался в разной конфигурации, на представленном рисунке приведены сведения из вопросов с идентичными формулировками и закрытиями. Сведения по затруднившимся ответить на рисунке не представлены.

¹⁴ Тихонова Н.Е. Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 155–170.

и демонстраций. С одной стороны, это свидетельствует о том, что россияне испытывают определенную усталость от и без того турбулентного состояния общества, характеризовавшего его последние годы, и не готовы «раскачивать лодку» даже в целях достижения собственных интересов. С другой – нынешние события на Украине подтолкнули многих наших сограждан к тому, чтобы окончательно определиться для себя в отношении к наиболее важным мировоззренческим позициям. В данном случае, по мнению более чем трети населения страны, далеко не любая ситуация может стать поводом к публичному выражению личного недовольства (рис. 8.5). Пока можно говорить лишь об определенной направленности данной тенденции, но не об ее устойчивости. Вполне может оказаться, что по мере завершения острой фазы противостояния и стабилизации общей ситуации всё вернется в прежнее русло. Тем не менее показательно, что масштаб и острота международного противостояния побудили россиян пересмотреть данный аспект их представлений о мире.

Если рассматривать отношение к этим суждениям в группах опрошенных с разными установками относительно приоритетного вектора развития России, а также в ретроспективе, то обнаруживаются принципиальные изменения, касающиеся постепенного оформления ценностного профиля «ядра» сторонников прозападного пути. Так, в прошлые годы исследователи ИС ФНИСЦ РАН предприняли попытку определить группы прозападно настроен-

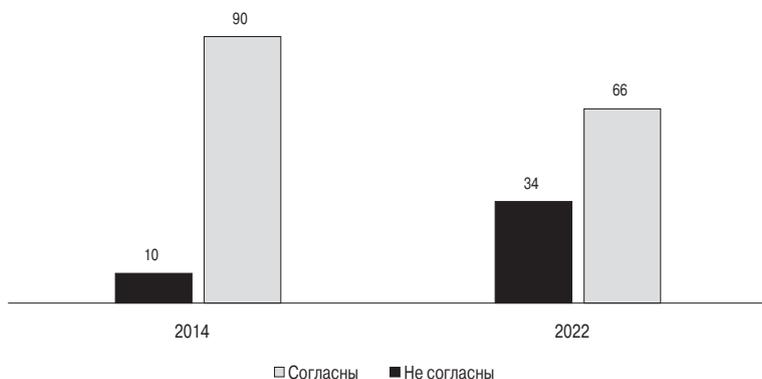

Рисунок 8.5. Динамика отношения россиян к суждению «Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций», 2014–2022 гг., %

ных россиян¹⁵. Условное ядро таковых, фиксируемое по несколько иным, но в целом сходным с представленными в настоящем исследовании, основаниям, присутствовало в российском обществе еще до начала 2000-х гг. Однако тогда позиции представителей данной группы, по крайней мере в части соотношения интересов личности и государства, были скорее несформированными. В настоящее же время они гомогенны. Так, по данным марта 2022 г., более половины сторонников западного пути развития (52%) однозначно выступают за приоритет интересов личности перед интересами государства (табл. 8.4).

В то же время следует понимать, что подобные представления слабо стыкуются с традиционными для российского социума взглядами и характерным для страны типом государственного устройства. Это сдерживает расширение группы «прозападников», особенно в условиях нарастающего противостояния РФ с западными странами, которое приобрело беспрецедентные масштабы. Так, хотя в период с 2000-х по начало 2010-х гг. фиксировался

Таблица 8.4

**Представления россиян с разными показателями Индекса 30
о взаимоотношениях государства и личности, 2022 г., %***

Представления	Последовательные сторонники самобытного пути России	Сторонники скорее самобытного пути России	Сторонники скорее западно-ориентированного пути России	Последовательные сторонники западно-ориентированного пути России
Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности				
Согласны	88	77	70	46
Не согласны	12	23	30	52
Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций				
Согласны	62	64	76	81
Не согласны	38	36	24	19

Примечание: * Доли затруднившихся ответить в каждой группе не превышали 2% и в таблице не представлены.

¹⁵ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. 2007 // Институт социологии ФНИСЦ РАН: [сайт]. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Rus_Identity.pdf (дата обращения: 30.06.2022).

постепенный прирост числа сторонников мнения о том, что Россия должна жить по модели западных стран (с 27% в 2005 г. до 32% в 2011 г.), но после «Крымской весны» 2014 г., в контексте последовавших за ней санкций, доля таковых сократилась до 28%. Затем она вновь увеличилась, достигнув в 2021 г. 35% опрошенных. Под влиянием специальной военной операции на Украине и масштабных санкций против России анализируемый тренд еще раз переломился — в марте 2022 г. эту ключевую для «прозападников» позицию разделял лишь каждый четвертый россиянин (23%).

Рассмотрим теперь, как россияне в целом и представители различных групп российского общества оценивали начало специальной военной операции на Украине. Доля наших сограждан, полностью одобрявших весной 2022 г. решение руководства страны о проведении спецоперации, в два раза превышала долю представителей выступавшей против этого группы (11%). Вместе с тем, при анализе социально-демографических характеристик сторонников и противников данного решения оказывается, что с оценками последнего коррелирует только возраст человека и склонность оценивать общую ситуацию с позиций «катастрофического сознания» (рис. 8.6).

Как было показано выше, среди тех, кто симпатизирует прозападной модели развития России, относительно чаще встречается именно молодежь. Как следствие, логично, что значимая часть молодых россиян не одобряла принятое решение о проведении специальной военной операции. Что же касается катастрофистов, то и они чаще встречаются в группе с повышенными показателями Индекса ЗО. Таким образом, приведенные корреляции подтверждают зафиксированные выше закономерности, а отношение россиян к спецоперации на Украине становится последовательным проявлением последних. Прочие же социально-демографические характеристики наших сограждан не демонстрируют значимой взаимосвязи в контексте одобрения или неодобрения ими спецоперации.

Последовательные сторонники западного пути развития России, как, впрочем, и значительная доля их периферийной группы, в массе своей не одобряют проведение специальной военной операции (72% и 41% соответственно). При этом на вопрос о том, можно ли было избежать ее проведения, 66% россиян с высокими показателями Индекса ЗО ответили утвердительно, тогда как среди сторонников самобытного вектора движения страны таковых оказалось лишь 10% (рис. 8.7), то есть голоса распределились практически так же, как и в вопросе об отношении к происходящему в целом.

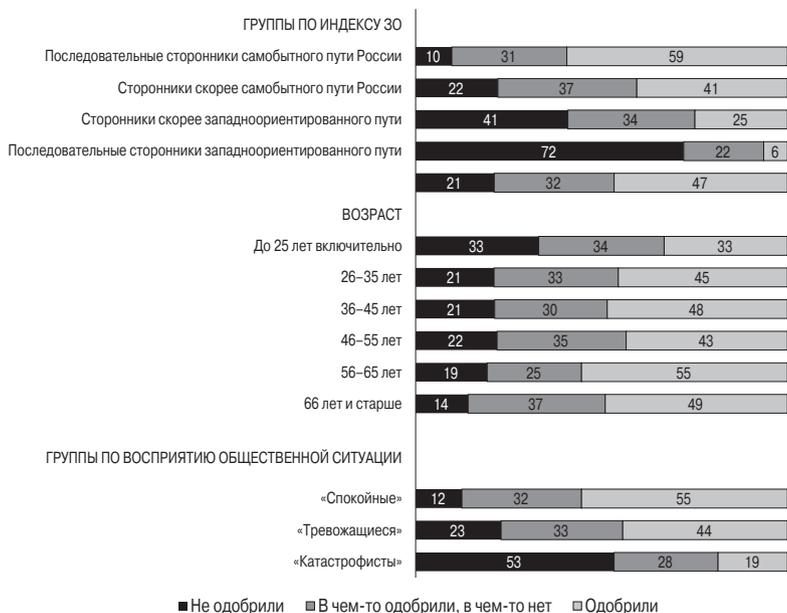

Рисунок 8.6. **Уровень одобрения решения руководства РФ о проведении специальной военной операции на Украине в различных группах россиян, 2022 г., %**

Рисунок 8.7. **Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли было избежать проведения Россией специальной военной операции на Украине?», 2022 г., %**

В этом отношении «прозападники» последовательны в своей позиции: они не одобряют самого факта проведения специальной военной операции, считают, что признание независимости ДНР и ЛНР отразилось на них негативно (66%), да и в целом в данной группе – одни из самых высоких показателей недоверия Президенту РФ и российской армии (66% и 75% соответственно), см. рис. 8.8.

Массовое доверие российских граждан ключевым символическим институтам власти подкрепляется эффектом «сплочения вокруг флага»¹⁶. Доверие же предпочитающих прозападный путь развития направлено в основном на институты, учитывающие и «транслирующие наверх» интересы максимального числа групп. Подобная модель в целом не характерна для российского социума. Неудивительно, что 76% «ядра» данной группы и 63% периферийной ее части полагают, что современная Россия идет в тупиковом направлении. Значительно чаще сторонники самобытного пути развития России заявляют и о том, что нынешняя власть в России должна быть заменена любой ценой (табл. 8.5).

Похожие тенденции проявились и в оценках степени ответственности тех или иных стран за военные действия на Украине. Ключевыми (но не единственными) ответственными сторонами конфликта россияне признают Украину и США (рис. 8.9). Это позволяет говорить о том, что текущее военное противостоя-

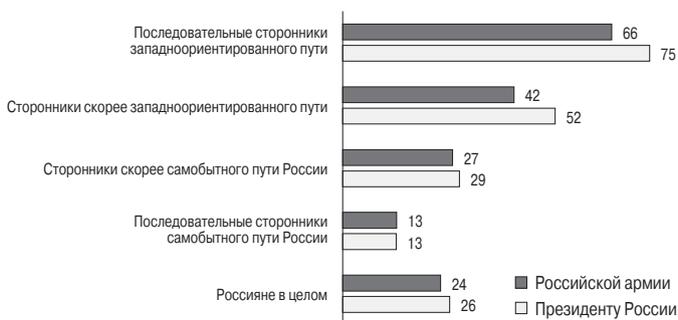

Рисунок 8.8. **Уровень недоверия Президенту РФ и Российской армии в группах россиян с разными показателями Индекса ЗО, 2022 г., %**

¹⁶ Так, по данным ВЦИОМ, в середине марта вслед за началом СВО на Украине наметился спад индекса протестного потенциала с 30 пунктов до 28. К 10 апреля этот же показатель снизился уже до 24 пунктов. См. подробнее: Протестный потенциал // ВЦИОМ: [сайт]. 30.06.2022. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 10.07.2022).

Таблица 8.5

Отношение к перспективам России в группах россиян с разными показателями Индекса ЗО, ИС ФНИСЦ РАН, март 2022 г., %

Ответ	Последовательные сторонники самобытного пути России	Сторонники скорее самобытного пути России	Сторонники скорее западно-ориентированного пути России	Последовательные сторонники западно-ориентированного пути России
<i>Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик</i>				
Выбрано	16	27	63	76
Не выбрано	84	73	37	24
<i>Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало</i>				
Выбрано	12	24	48	66
Не выбрано	88	76	52	34
<i>В России никогда ничего хорошего не получится</i>				
Выбрано	2	5	6	4
Не выбрано	98	95	94	96

Рисунок 8.9. Распределение ответов на вопрос: «Как Вам кажется, в какой степени следующие страны несут ответственность за военные действия, происходящие на Украине?», 2022 г., %*

Примечание: * При ответе на данный вопрос использовалась пятибалльная шкала.

ние имеет гораздо более широкие масштабы, распространяясь – в политическом и экономическом отношении – на многие страны коллективного Запада.

Если же взглянуть на данный вопрос в разрезе групп, ориентированных на разные приоритетные модели развития российского социума, то не менее половины представителей каждой из них признают тот или иной уровень ответственности за события на Украине за всеми поименованными на рисунке 8.9 странами. Это свидетельствует о том, что вне зависимости от представлений об оптимальном векторе движения страны и личных нормативно-ценностных убеждений, наши сограждане осознают комплексность и масштабность текущего противостояния и не склонны искать в данном конфликте единственного виноватого.

Сторонники самобытного российского пути развития ожидают чаще не возлагают ответственность за конфликт на Украину на Россию (17%), а ключевыми виновниками его признают США (80%) и Украину (80%). В этом отношении с ними в основном солидарны представители периферийной группы «прозападников» (57% и 67% соответственно). Напротив, последовательные сторонники прозападного пути развития склонны возлагать всю тяжесть ответственности за проведение военной спецоперации на Украину на Россию (69%), а также на саму Украину (54%). По мнению более чем трети условных «прозападников», наименее ответственны за происходящее Германия (31%) и Франция (35%). Однако члены данной группы не готовы в полной мере снимать ответственность за военное противостояние на Украине и с США: 50% считают их виновными частично, еще 43% – полностью.

С началом специальной военной операции на Украине матрица основных источников угроз для России и россиян была переориентирована в основном на внешний контур. Похожая ситуация наблюдалась и в 2014 г., однако сегодня – с учетом остроты развернувшегося противостояния и беспрецедентного числа ответных мер со стороны государств коллективного Запада – данный эффект проявился в гораздо большем масштабе.

Уже в 2014 г. под влиянием санкций и неоднозначных оценок западными странами событий в Крыму и на Украине фиксировался тренд на ухудшение отношения россиян к странам Евросоюза и к Америке. При этом значительная часть наших сограждан всё же сохраняла положительный настрой к ним. Как видно из данных, представленных в таблице 8.6, тенденция складывания всё более позитивного отношения к странам, не входящим в так называем-

Таблица 8.6

Динамика отношения россиян к различным странам, 1995–2022 гг., %*

Страны	1995	2001	2007	2011	2014	2018	2022
<i>В основном положительное отношение</i>							
Белоруссия	—	—	—	61	83	74	91
Китай	41	39	45	43	64	60	73
Казахстан	—	—	63	65	78	60	72
Армения	—	—	—	—	64	53	72
Азербайджан	—	—	—	—	—	47	63
Грузия	—	—	—	15	31	41	53
Израиль	41	27	—	40	49	35	48
Франция	79	64	75	70	57	46	36
Япония	69	53	60	44	55	53	36
Канада	—	58	—	—	—	34	30
Германия	69	54	62	60	44	39	26
Англия	77	55	52	55	46	29	24
Страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония)	—	—	—	—	—	24	23
Польша	—	—	37	32	34	—	21
Украина	—	—	49	53	24	18	18
США	78	37	37	33	14	18	11
<i>В основном отрицательное отношение</i>							
США	9	39	45	48	68	61	89
Украина	—	—	34	26	52	58	81
Польша	—	—	38	35	40	—	79
Страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония)	—	—	—	—	—	48	77
Англия	4	15	25	21	33	47	76
Германия	12	18	21	18	36	37	74
Канада	—	8	—	—	—	34	70
Франция	3	8	9	9	22	28	64
Япония	9	16	18	31	22	20	64
Израиль	20	33	—	26	21	32	51
Грузия	—	—	—	62	41	28	47
Азербайджан	—	—	—	—	—	20	37
Армения	—	—	—	—	13	15	28
Казахстан	—	—	15	11	6	13	27
Китай	21	21	32	29	14	18	27
Белоруссия	—	—	—	19	5	7	9

Примечание: * В части ячеек показатели отсутствуют, поскольку в соответствующий год отношение россиян к данным странам не измерялось. В 2022 г. доли затруднившихся ответить на вопрос не превышали 1% и в таблице не представлены.

мый «коллективный Запад», и ухудшения отношения к входящим в него государствам начала оформляться еще в 2000-е гг. и окончательно сформировалась в 2014 г. под влиянием событий «Крымской весны». Сегодня пятерку государств, к которым население России настроено преимущественно положительно, формируют Белоруссия, Китай, Казахстан, Армения и Азербайджан. Четыре из пяти указанных стран – бывшие республики в составе СССР и в настоящее время состоят с Россией в тесных партнерских связях. Китай же, вероятно, попадает в эту пятерку на основе своего статуса крупного стратегического и экономического партнера, к которому по мере налаживания связей с ним растет и расположение россиян (фактически вдвое с 2001 г.).

Важно отметить, что положительное отношение к тем или иным странам формируется у россиян преимущественно под влиянием налаживания конструктивных и устойчивых экономических и политических связей с ними даже на фоне несовпадения ценностных оснований жизни социумов. Отрицательный же настрой имеет более сложную природу, подкрепляясь, а в ряде случаев и углубляясь, существующими расхождениями ценностно-мировоззренческого характера. В этом свете приведенные данные скорее подтверждают тезис о том, что большинство россиян выступает за международное сотрудничество, но только такое, которое в их понимании позитивно сказывается на жизни внутри страны¹⁷.

Если взглянуть на динамику отрицательного отношения наших сограждан к различным странам, то сегодня те из них, кто входит в первую пятерку в соответствующем списке в таблице 8.6, активно противостоят России в политическом и экономическом отношении. Это согласуется и с опубликованным в марте 2022 г. распоряжением Правительства РФ об утверждении списка стран, совершающих в отношении России недружественные действия¹⁸.

Отношение наших сограждан к различным странам заметно дифференцировано в зависимости от того, склонны ли они поддерживать самобытный российский или прозападный путь развития. Четче всего группы стран, вызывающих позитивный или

¹⁷ Горшков М.К., Петухов В.В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 10–34.

¹⁸ Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия // Правительство России. 2022.05.03. URL: <http://static.government.ru/media/files/wj1HD7RqdPSxAmDlaisqG2zugWdz8Vc1.pdf> (дата обращения: 04.04.2022).

негативный настрой, выделяются среди сторонников российской самобытности (0 баллов по Индексу ЗО). Более половины их состава заявляют о положительном восприятии лишь пяти стран, о которых говорилось выше (табл. 8.7). По мере усиления проза-

Таблица 8.7

Отношение к различным странам в группах россиян с разными показателями Индекса ЗО, 2022 г., %*

Страны	Последовательные сторонники самобытного пути России	Сторонники скорее самобытного пути России	Сторонники скорее западно-ориентированного пути России	Последовательные сторонники западно-ориентированного пути России
<i>В основном положительное отношение</i>				
Белоруссия	96	89	82	75
Армения	69	72	77	78
Казахстан	70	74	79	73
Франция	28	36	50	73
Германия	19	24	36	70
Грузия	48	56	57	69
Япония	28	36	50	69
Азербайджан	62	62	65	66
Канада	20	32	50	66
Китай	76	72	70	65
Израиль	43	48	63	65
Англия	14	24	46	62
Страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония)	14	27	39	59
Польша	12	24	31	54
Украина	13	17	27	46
США	4	8	24	46
<i>В основном отрицательное отношение</i>				
США	95	91	76	54
Украина	86	82	73	54
Польша	88	75	69	46
Страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония)	86	73	62	41

Таблица 8.7 (окончание)

Страны	Последовательные сторонники самобытного пути России	Сторонники скорее самобытного пути России	Сторонники скорее западно-ориентированного пути России	Последовательные сторонники западно-ориентированного пути России
Англия	86	75	54	38
Германия	81	75	64	30
Канада	80	67	50	34
Франция	72	63	50	27
Япония	71	63	50	31
Израиль	57	51	36	35
Грузия	52	43	44	31
Азербайджан	37	37	35	34
Армения	30	27	23	22
Казахстан	30	24	21	27
Китай	24	27	31	35
Белоруссия	4	10	17	25

Примечание: * Отранжировано по показателям последовательных сторонников прозападного пути развития. В 2022 г. доли затруднившихся ответить на вопрос не превышали 1% и в таблице не представлены.

падных ориентаций среди россиян увеличивается и число государств, в отношении которых они настроены позитивно — причем на уровне не менее половины численности соответствующих групп. В частности, свыше 50% наших сограждан с максимальными показателями Индекса ЗО заявляют о положительном отношении к 14 из 16 предлагавшихся в ходе опроса стран. Исключение составляют лишь США и Украина, хотя и к ним в данной группе относятся значительно лучше (по 46% соответственно) тех, у кого показатели Индекса ЗО ниже 3 баллов.

Таким образом, события на Украине и последовавшие за ними антироссийские санкции западных государств, с одной стороны, существенно повлияли на представления россиян о характере современных источников внешних угроз, а с другой — помогли разобраться в том, какие из стран скорее дружественны России, а к каким следует относиться если не негативно, то, по меньшей мере, настороженно. В результате среди российских граждан выросла убежденность, которая проявлялась и в ходе замеров,

проведенных вслед за событиями в Крыму и на Украине в 2014 г., в том, что «Запад» — это не только США, но и Европа, которая под эгидой НАТО противостоит РФ. При этом соответствующие представления тесно коррелируют с общим «прозападным» или «про-российским» вектором предпочтений наших сограждан.

Обратимся теперь к тому, как текущие события сказались на установках россиян и их готовности к тем или иным действиям или поступкам. Однако прежде обозначим тенденции восприятия нашими согражданами, по-разному относящимися к западным государствам, ситуации в стране, регионе и на муниципальном уровне. Как следует из рисунка 8.10, для большинства россиян характерны тревожные, но не катастрофические настроения, причем независимо от характера отношения к Западу. С учетом не только напряженной международной обстановки, но и двух-летнего периода пандемии коронавируса, существенно снизившей уровень определенности и дестабилизировавшей практически все сферы жизнедеятельности общества, это вполне ожидаемая и понятная реакция. Однако те наши сограждане, кто ориентирован на самобытный вектор развития страны, относительно чаще оценивают ситуацию как спокойную. Даже представители периферийной группы «прозападников» не сильно отличаются от остальных россиян. Наиболее же высока доля «катастрофистов» в среде последовательных сторонников западного пути следования (16%).

Различаются исследуемые группы и в части отношения к возможным ограничениям, опосредованным масштабной санкционной политикой западных государств. С ростом показателей Индекса 30 увеличивается и количество ограничений, к которым не готовы более половины представителей соответствующих общ-

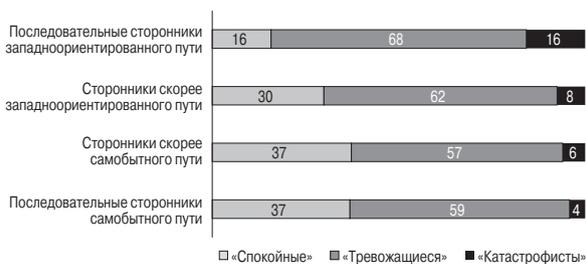

Рисунок 8.10. **Соотношение россиян, по-разному оценивающих современную ситуацию, в группах с разными показателями Индекса 30, 2022 г., %**

ностей. Так, например, если среди последовательных сторонников самобытности России большая их часть не готова к четырем из списка озвученных ограничений, то в группе с максимальной величиной Индекса — уже к шести. Важно при этом, что во всех четырех группах существует консенсус относительно роста цен, замораживания на ближайший год заработных плат, повышения налогов и утраты рабочего места: к ним не готовы свыше 70% состава каждой из групп. Данная неготовность в меньшей степени связана с нормативно-ценностными факторами, скорее это сигнал о желании сохранить имеющийся уровень достатка, ту социально-экономическую базу, которую многие с трудом смогли себе обеспечить (табл. 8.8).

Однако при переходе от базовых социально-экономических составляющих жизни российского человека к тем ее компонентам, которые имеют отношение к привычному образу и практикам жизни, различия групп с разными показателями Индекса ЗО становятся очевиднее. Так, те из них, представители которых убеждены в необходимости для страны следовать самостоятельным путем, относительно чаще готовы на ограничения, связанные с продуктами питания западного производства, произведенными на Западе товарами длительного пользования, обслуживанием международных платежных систем, с туристическими поездками в страны ЕС и США, а также с хранением денег в иностранной валюте. Для сторонников же прозападных ориентаций характерна повышенная доля в их составе тех, кто не готов мириться с какими-либо ограничениями: среди наиболее последовательных «прозападников» таковая составляет не менее 40% по каждому пункту.

Рассмотрим протестные умонастроения, сложившиеся в России к весне 2022 г. В целом данные опроса ИС ФНИСЦ РАН согласуются с показателями, фиксируемыми другими социологическими центрами, в части существенного снижения декларируемых протестных настроений на фоне скачкообразного роста консолидации, эффекта «сплочения вокруг флага». Схожее падение протестных умонастроений, хотя и не столь очевидное, фиксировалось в 2014 г. под влиянием событий в Крыму и на Украине.

Как видно из таблицы 8.9, выступить против нахождения российских вооруженных сил на Украине готовы были весной 2022 г. не более 7% опрошенных, причем только 3% из них имели в виду готовность безусловную. При этом о потенциальной готовности принять участие в митингах в защиту демократических прав и свобод или экономических и социальных прав граждан заявляли тогда

Таблица 8.8

Готовность к некоторым ограничениям ради укрепления суверенитета страны на международной арене в группах россиян с разными показателями Индекса ЗО, 2022 г.,

*% от тех, кто НЕ готов к соответствующим ограничениям**

Ограничения	Последовательные сторонники самобытного пути России	Сторонники скорее самобытного пути России	Сторонники скорее западноориентированного пути России	Последовательные сторонники западноориентированного пути России
Согласиться с дальнейшим ростом цен	90	86	85	94
Согласиться с замораживанием на ближайший год заработных плат и пенсий	85	88	84	92
Согласиться с повышением налогов для граждан	85	90	88	90
Согласиться с тем, что на какое-то время можно оказаться без работы	73	79	80	90
Отказаться от свободного пользования Интернетом и некоторыми социальными сетями	46	59	74	87
Отказаться от товаров длительного пользования, произведенных на Западе (гаджеты, одежда, бытовая и компьютерная техника и др.)	24	41	58	81
Отказаться от использования банковских карт систем Visa и MasterCard	13	25	39	49
Отказаться от туристических и деловых поездок в страны Евросоюза и США	5	13	30	48
Отказаться от продуктов питания из стран Запада	7	12	29	45
Отказаться от хранения денег в иностранной валюте	5	13	26	40

Примечание: * Фонем выделены показатели, превышающие 50%.

не более 8% россиян. Впрочем, и до событий 2022 г. протестные умонастроения были в целом весьма умеренными и формировались преимущественно под воздействием факторов социально-экономического порядка.

Наиболее тесные корреляции готовность участвовать в митингах в защиту демократических прав и свобод или против находже-

Таблица 8.9

Динамика ответов на вопрос:
«Если в ближайшее время в Вашем городе, сельском районе пройдут массовые выступления, готовы ли Вы принять в них участие?»,
2016–2022 гг., %

Готовность к участию в митингах	2016	2018	2020	2022
<i>Митинги и демонстрации в защиту демократических прав и свобод (свобода слова, собраний, шествий и т.п.)</i>				
Безусловно да / Скорее да	17	20	19	8
Скорее всего нет / Безусловно нет	83	80	71	77
Пока не знаю / Затрудняюсь ответить	—	—	10	15
<i>Митинги и демонстрации в защиту экономических и социальных прав граждан (например, против пенсионной реформы)</i>				
Безусловно да / Скорее да	29	32	25	7
Скорее всего нет / Безусловно нет	71	68	63	80
Пока не знаю / Затрудняюсь ответить	—	—	12	13

ния российских войск на Украине демонстрирует с такими характеристиками респондентов, как возраст и склонность воспринимать общую ситуацию сквозь призму «катастрофического сознания». Так, среди российской молодежи в возрасте до 25 лет в митингах в защиту демократических прав и свобод готовы принять участие 15% ее состава, а в протестах против нахождения российских войск на Украине – 19%. Среди «катастрофистов» доли таковых составляют 16% и 13% соответственно. Различается уровень протестного потенциала и в зависимости от убежденности в необходимости для России следовать самостоятельному или прозападному пути развития (табл. 8.10). Следует отметить, что на фоне низкой общей протестной активности более половины состава каждой из представленных в таблице 8.10 групп скорее не стали бы принимать участия ни в одном из указанных мероприятий. Тем не менее с увеличением показателей Индекса ЗО наблюдается тенденция постепенного нарастания доли желающих публично заявить о недовольстве по тому или иному поводу.

В связи с этим заметим, что, несмотря на общий низкий уровень протестного потенциала, в российском обществе всё же существуют группы, аккумулирующие недовольство как по гражданско-правовым и социально-экономическим поводам, так и в отношении развернувшегося противостояния на Украине. Однако это недовольство предопределяется факторами скорее

Таблица 8.10

Распределение ответов на вопрос:
«Если в ближайшее время в Вашем городе, сельском районе пройдут массовые выступления, готовы ли Вы принять в них участие?»
в группах россиян с разными показателями Индекса ЗО, 2022 г., %

Готовность к участию в митингах	Последовательные сторонники самобытного пути России	Сторонники скорее самобытного пути России	Сторонники скорее западно- ориентированного пути России	Последовательные сторонники западно- ориентированного пути России
<i>Митинги и демонстрации в защиту демократических прав и свобод</i>				
Безусловно да / Скорее да	4	11	11	18
Пока не знаю	13	14	18	25
Скорее всего нет / Безусловно нет	83	75	71	57
<i>Митинги и демонстрации в защиту экономических и социальных прав граждан</i>				
Безусловно да / Скорее да	11	16	13	24
Пока не знаю	13	15	21	22
Скорее всего нет / Безусловно нет	76	69	66	54
<i>Митинги и демонстрации против нахождения российских вооруженных сил на Украине</i>				
Безусловно да / Скорее да	3	10	13	20
Пока не знаю	11	12	16	26
Скорее всего нет / Безусловно нет	86	78	71	54

субъективного — нормативно-ценностного и социально-психологического, нежели объективного свойства.

В целом есть основания утверждать, что социальный контекст проводимой на Украине специальной военной операции довольно четко отражается в нормативно-ценностных установках россиян как в отношении приоритетного пути развития страны, так и в восприятии возможных «друзей и врагов» на внешнем контуре, протестных настроениях, доверии ключевым институтам. Развернувшееся военное противостояние с Украиной, а также экономическая и политическая борьба со странами «коллективного Запада» поляризовали два нормативно-ценностных вектора, первый из которых поддерживает большинство россиян и который предполагает, что западные ценности России не подходят и она должна развиваться по своему уникальному пути. Второй отражает совокупность установок, свидетельствующих о поддержке прозападного

вектора развития или, по крайней мере, сближения России и западных стран. Его сторонники хотя и составляют явное меньшинство, однако, всё же имеют довольно четкое «идеологическое» ядро.

Ключевые особенности групп, склоняющихся к указанным нормативно-ценностным векторам, определяются прежде всего возрастом. Чем моложе респондент, тем вероятнее он будет склоняться к «прозападному» вектору, соответственно, чем старше, тем в среднем ближе он к «пророссийскому». Эта тенденция вполне объяснима, поскольку за последние три десятилетия «западные ценности» активно проникали и культивировались на благодатной деидеологизированной российской почве, а молодежь всегда являлась наиболее гибкой, мобильной и восприимчивой к внешнему влиянию социально-демографической группой. Однако и среди молодежи сторонники самобытного пути развития России составляют сегодня большинство.

Глава 9

ОБРАЗЫ РОССИИ БУДУЩЕГО В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН¹

Важнейшая проблема социологии как науки об обществе заключается в том, чтобы понять, каким оно (общество) станет в будущем. Будущее, в тривиальном значении данного слова, — это то, чего еще нет, но может состояться в одном из нескольких возможных вариантов². Кажется, против такой формулировки нечего возразить. Но это только на первый взгляд. Онтологический статус будущего значительно сложнее. Мы ведь даже не можем отчетливо зафиксировать момент, когда оно «уже пришло». В известном смысле то, что грядет, всегда «уже с нами», ибо всегда так или иначе содержится в нашем «сейчас». С другой стороны, повседневная жизнь людей и их социальное поведение зависят от бесчисленных допущений и предположений относительно как ближайшего, так и далекого будущего³. Чрезвычайно важное значение имеет то, что в общественном сознании современного типа инкорпорировано множество образно-смысловых элементов, выводящих нас за пределы наличной реальности и как бы представляющих будущее-в-настоящем. Фигурально выражаясь, это не «всамделишное» будущее, а его прожективные формы, существующие в модальностях возможного, вероятного и предпочтительного. Тем не менее такие формы нельзя рассматривать как чистую игру воображения, поскольку они оказывают влияние на устремления, ценностные установки и, главное, на реальное социальное поведение людей.

¹ Глава написана на основе ранее опубликованных статей и материалов (см.: *Андреев А.Л., Андреев И.А.* Россия-2021: переживание настоящего и взгляд в будущее // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 82–92; *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61.

² *Цой Л.Н.* «Будущее» как социологическое понятие // Мир психологии. 2013. № 2. С. 120–134.

³ *Schultz M.S.* Future moves: Forward-oriented studies of culture, society and technology // Current Sociology. Vol. 63. No. 2. Mon. 1. March 2015.

Начиная с определенного исторического момента, хронологически довольно точно обозначенного Марксовыми «Тезисами о Фейербахе»⁴, человечество не довольствуется простым ожиданием будущего, а стремится *производить* его в соответствии со своими запросами. В обществе модерна образы желаемого будущего и его ожидания служат важнейшим фактором легитимации тех или иных политических идей и программ, а значит и отстаивающих их политических сил. Таким образом, представления о будущем выступают по отношению к меняющейся социальной реальности в функции аристотелевских целевых причин. В этом смысле Дж. Урри метко сравнивал социальное будущее с роком, направляющим сегодняшнюю жизнь людей⁵, и это в значительной степени верно, несмотря на то, что большая часть проектов будущего не реализуется и в конечном счете переходит в разряд *failed futures*.

Естественно, что социальные науки призваны участвовать в процессе производства будущего, по крайней мере, — способствуя пониманию перспектив общественного развития. Как отмечал один из самых влиятельных зарубежных футурологов, У. Белл, социология может изучать будущее несколькими способами. Во-первых, мы можем сосредоточить внимание на образах будущего, которые бытуют в социальных коммуникациях и культуре в различных модальностях (ожидание, прогноз, идеал, мечта, отношение к различным альтернативам будущего и т.п.). Во-вторых, можно анализировать цели, намерения, традиции и решения различных социальных акторов, действиями которых, собственно, и создается будущее. Наконец, в-третьих, предметом изучения может стать динамика представлений о будущем, социальных мотиваций и моделей социального поведения с анализом последствий этих изменений⁶.

Состоявшийся в 2016 г. в Вене 3-й Форум международной социологической ассоциации, проходивший под девизом «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир»⁷, наглядно продемонстрировал многогранность проблемы,

⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Госуд. изд. полит. лит., 1955.

⁵ Urry J. What is the Future? Cambr.: Polity Press, 2016.

⁶ Bell W. Public sociology and the future: the possible, the probable, and the preferable // Handbook of Public Sociology / Ed. by V. Jeffries. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.

⁷ В оригинале слово «будущее» было использовано во множественном числе («Futures»), — что подчеркивает множественность вариантов будущего.

которая рассматривается в современной социологической науке в разной теоретической перспективе: технологической, экологической, постколониальной, феминистской, трансгуманистической и т.п. Разумеется, всё это многообразие невозможно осветить в рамках одной главы. Мы ограничимся лишь первым из перечисленных У. Беллом направлений, которые он намечал разрабатывать в рамках намеченной им исследовательской программы. Более конкретно, предмет исследования — характеристика образов России будущего, какой ее хотели бы видеть россияне. Эти образы рассматриваются одновременно в двух аспектах: с точки зрения содержательной характеристики идеалов и устремлений наших сограждан и с точки зрения оценки ими рисков и перспектив развития страны.

Сопоставление результатов исследований 2021 и 2022 гг. интересно тем, что первое из них зафиксировало состояние массового сознания в условиях относительно спокойного времени (если разгар пандемии можно считать таковым), второе же отразило общественные настроения в критический момент начала специальной военной операции вооруженных сил Российской Федерации и официального признания ею народных республик Донбасса на Украине. Политические события конца 2021 — начала 2022 гг. перевели динамику мировых процессов в формат так называемого режима с обострением и практически мгновенно нарушили относительно плавное течение истории. Произошло кардинальное смещение, казалось бы, уже вполне определившейся перспективы социально-исторического развития, драматически усилилось значение факторов риска и неопределенности, на что российское общество немедленно отреагировало резким повышением уровня тревожности. В подобных ситуациях всегда возникают новые ожидания, тем самым способствуя пересмотру сложившихся социальных представлений и возникновению запроса на формирование новых образов будущего. Понятно, что такие образы складываются не «вдруг», и было бы наивно думать, что мы уже сегодня способны вполне отчетливо выявить их очертания. Тем не менее, опираясь на результаты зондирования массового сознания, можно зафиксировать исходные параметры данного процесса, определить «социальный профиль» его участников и высказать некоторые суждения о его вероятной динамике.

Хотя проведение специальной военной операции на Украине породило в российском обществе дополнительную линию размежевания, в целом матрица установок и предпочтений, задающая

модель его идейно-политической сегментации, принципиально не изменилась. По-прежнему в основе этой сегментации лежит выбор между двумя принципиально разными стратегиями развития России, одна из которых ориентирована на следование западным образцам, а другая – на самобытный опыт, собственные ценности и, возможно даже, некую историческую миссию, отличную от той, которую олицетворяет и реализует Запад. Разумеется, это идеализированная схема, которая на практике обычно осложняется различными дополнительными альтернативами, в том числе противостоянием демократических и авторитарных, имперских и националистических, а также социалистических и буржуазных тенденций. Однако на данный исторический момент проблема цивилизационного самоопределения России в системе координат «Восток – Запад» является самым сильным и, следовательно, базисным дифференцирующим признаком.

Как уже неоднократно отмечалось в публикациях ИС ФНИСЦ РАН, подготавливаемых на основе материалов социологического мониторинга массовидных духовно-психологических образований, на протяжении по крайней мере двух десятилетий большинство наших сограждан высказывается против безоглядного заимствования чужого опыта, считая более продуктивным принцип «жить своим умом». При этом сопоставление результатов социологических опросов, проведенных в марте 2021 и марте 2022 гг., показывает, что после признания Российской Федерацией независимости народных республик Донбасса и последовавших за этим событий, оппозиция россиянам Западу и, соответственно, прозападной стратегии развития значительно выросла. Одновременно, как уже отмечалось в предыдущих главах, заметно увеличилась процентная доля российских граждан, одобряющих путь, по которому идет современная Россия, а доля считающих, что он ведет в тупик, напротив, существенно сократилась.

В данном контексте обращают на себя внимание определенные изменения, которые характеризуют запрос россиян на те или иные варианты будущего. Сразу заметим, что эти изменения не выливаются в коренной пересмотр сложившейся в массовом сознании «картины мира», которая носит достаточно устойчивый характер. Тем не менее они весьма примечательны и могут рассматриваться среди прочих черт российского социума, определяющих его своеобразие на фоне других обществ.

На первом месте в списке тех социальных характеристик и черт, которые россияне хотели бы видеть у России будущего (рис. 9.1),

как и год назад, оказалось обеспечение социальной справедливости (в 2021 г. это мнение поддержал 51%, а в 2022 г. — 47% опрошенных). Однако на второе место попали уже не обеспечение прав человека и демократия, а сильная власть, обеспечивающая в стране порядок и реализующая эффективную стратегию развития (31% в марте 2021 г. и 40% в марте 2022 г.). Особое внимание обращает на себя довольно заметное (с 26% до 35%, то есть примерно на 10 п.п.) увеличение доли желающих, чтобы Россия и в будущем сохранила за собой роль великой державы, объединяющей разные народы. На 5 п.п. (без малого 39%) вырос за год престиж национальных традиций и традиционных ценностей, а привлекательность либеральных экономических ценностей (свободный рынок, частная собственность и минимальное государственное вмешательство в экономику), наоборот, снизилась примерно на такую же величину, составив в итоге менее 16%. Однако при этом число желающих, чтобы Россия и впредь поддерживала тесные партнерские отношения с Западом, практически не изменилось: как и годом раньше, с таким «наказом» солидаризировался приблизительно каждый седьмой участник опроса.

Выражая собственное понимание национальных целей и задумываясь о будущем, наши сограждане опираются на историче-

Рисунок 9.1. **Желаемый образ России будущего в массовом сознании россиян, 2021–2022 гг., %***

Примечание: * Общая сумма ответов более 100%, поскольку допускалось до трех ответов.

ский опыт России. Вопрос о том, какие уроки для настоящего и будущего следует извлечь из последнего, неоднократно задавался ИС ФНИСЦ РАН начиная с 2000 г. Как выяснилось, самый очевидный урок истории состоит в том, что Россия должна жить своим умом, а не копировать некие иностранные образцы. Такой вывод делают для себя 35–40% россиян. Данный показатель незначительно варьируется по годам, но на протяжении всего периода наблюдений очень мало меняется, из чего следует, что отмеченная установка утвердилась в общественном сознании еще до 2000 г. Противоположной точки зрения – «Западная модель развития наиболее эффективна, и Россия должна ей следовать» – придерживаются не более 4–5% россиян. Более того, достаточно заметная часть наших сограждан готовы идти еще дальше: они убеждены в том, что многовековой опыт взаимодействия и выстраивания отношений с Западом демонстрирует лишь его извечную враждебность России. И если ранее эта часть составляла не более 15%, то под влиянием событий 2022 г. она приблизилась к 22%. При этом обе точки зрения имеют слегка маскулинный оттенок: среди их сторонников отмечается некоторое (правда, не слишком значительное) преобладание мужчин.

По мере втягивания страны во все более острую конфронтацию с Западом среди россиян усиливаются сомнения в том, что экономика имеет приоритет перед политикой, и потому реформы в стране следовало начинать с экономики, а не с политических преобразований: по сравнению с 2000 г. доля разделяющих данную точку зрения сократилась примерно в полтора раза (в 2000 г. она составляла около 40%, а ныне – лишь 26%). Параллельно уменьшается и процентная доля тех, кто связывает процветание российского государства с созданием условий для желающих работать и зарабатывать: в целом, по сравнению с 2000 г., она сократилась примерно на треть (с 35% до почти 24%). Этот тезис поддерживают в основном лица с высокими доходами – в данной группе его сторонников примерно наполовину больше, чем в среднем по массиву.

Осмысление исторического опыта в свете современных проблем и запросов демонстрирует некоторый (правда, слабо выраженный) рост доли наших сограждан, полагающих, что социализм подходит России больше, чем капитализм. Некогда достаточно широко распространенное мнение, согласно которому, несмотря на отдельные достижения, советская власть завела страну в тупик, также постепенно становится маргинальным: ныне его разделяет не более одного человека из каждых 12–13 опрошенных, и это поч-

Таблица 9.1

Главные уроки из практики реформ и исторического опыта последнего столетия в целом, по мнению россиян, 2000–2022 гг., %*

Вынесенные уроки	2000	2017	2022
Россия должна жить своим умом и идти своим путем, а не копировать опыт других стран	39	35	41
Реформы в обществе следует начинать с экономики, а не с политической системы и демократии	40	28	27
Россия может стать развитой страной только тогда, когда будут созданы условия для тех, кто хочет работать и зарабатывать; те, кто не хочет этого, пусть остаются бедными	35	23	24
Россия может процветать только тогда, когда во главе ее – сильная личность	29	22	22
Запад – извечный враг России, именно он противодействует ее процветанию	13	15	22
Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе	19	22	22
В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках	20	15	19
Социализм подходит России гораздо больше, чем капитализм	21	18	19
Нельзя жить без веры в Бога	26	21	18
Несмотря на отдельные достижения, советская власть завела страну в тупик	14	11	8
Западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	4	6	5
В России никогда ничего хорошего не получится	5	3	3
Другое	1	6	0

Примечание: * Сумма по столбцу превышает 100%, так как при ответе на вопрос допускалось до трех вариантов ответа; значения приведены в порядке убывания их распространенности в 2022 г.

ти в 2 раза меньше, чем двадцать лет назад. Доля же россиян, которые считают Россию страной, фатально обреченной на неудачи («в России никогда ничего хорошего не получится»), крайне мала и составляет в наши дни не более 5% населения.

Продолжая анализ влияния исторического опыта на коллективное самосознание российского общества, обратим особое внимание на то, как преломляется в динамике мнений тема «сильного» государства и «сильного» политического лидерства (табл. 9.1). Ведь русских, да и россиян в целом, нередко уличают в неискоренимой приверженности к деспотизму, используя подобные обвинения как повод для антироссийских политических кампаний и даже прямой русофобии. Известно, что международные события, которые произошли на исходе зимы 2022 г., вызвали сплочение широких общественных слоев вокруг Президента РФ В.В. Пути-

на и еще более укрепили его положение как политического лидера страны. В зарубежных (а порой и отечественных) СМИ это интерпретируется как неоспоримое свидетельство наличия в российском обществе сильного запроса на авторитаризм. Однако, как представляется, подобная интерпретация не согласуется с эмпирическими данными, характеризующими массовые умонастроения россиян. Если авторитарный запрос в российском обществе и существовал, то в последние десятилетия он неуклонно ослабевал. Так, если в 2000 г. с тезисом «Россия может процветать только тогда, когда во главе ее — сильная личность, хозяин» солидаризировались почти 29% населения, то в 2017 г. — уже 22%. Более того, к весне 2022 г. — уже после начала специальной военной операции на Украине — его поддерживали те же 22% опрошенных. Что же касается опасений по поводу концентрации власти в одних руках, то их уровень не слишком высок: в 2017 г. их высказывали 15% опрошенных; на фоне же мощной «приливной волны» «пропутинских» настроений весны 2022 г. эта цифра выросла, но — что довольно показательно — весьма незначительно (на 4 п.п.). Сопоставляя значение данного индикатора с предыдущим, можно сделать вывод о том, что выявленный уровень опасений по поводу концентрации власти следует истолковывать не как очередное проявление привычки к деспотизму государственной власти, но как отсутствие веских причин для беспокойства по этому поводу.

Отметим также, что убывающую тенденцию демонстрирует вера россиян в небесное покровительство. Ранее многим казалось, что трагический опыт России XX столетия явственно свидетельствует о том, что жить без веры в Бога нельзя. В 2000 г. сторонники этой точки зрения составляли более четверти (26%) взрослого населения России, однако в настоящее время ее поддерживает лишь каждый пятый-шестой гражданин страны, среди которых в пропорции 3:2 преобладают женщины.

Соответственно описанным тенденциям во взглядах на уроки прошлого и перспективы развития страны произошла и некоторая (достаточно умеренная) корректировка оценки значимости тех или иных задач, решение которых должно обеспечить наступление лучшего будущего. Расстановка приоритетов осталась при этом той же, что и год назад или несколько ранее, однако «вес» отдельных задач, которые необходимо решить российскому обществу и государству, несколько изменился. На первом месте для наших сограждан по-прежнему стоит борьба с коррупцией (40% в 2021 г. и 42% в 2022 г.). Далее со сравнительно небольшими отрывами следуют

смягчение социальных неравенств и формирование эффективной наукоемкой экономики: эти пункты набирают в свою поддержку до 35% каждый, но по первому из них увеличения по сравнению с прошлым годом не было, тогда как значение второго выросло довольно заметно — на 7 п.п. По данным опроса, существенно возросла доля граждан, назвавших в числе своих приоритетов укрепление суверенитета России и ее позиций на мировой арене (с 26% до 34%). А вот снижение наложенных на Россию санкций, похоже, не является для россиян предметом озабоченности — данную позицию отметил в качестве значимой лишь один человек из каждых восьми. В остальных представлениях большинства населения об актуальных задачах, которые стоят перед страной сегодня, практически не изменились. По-прежнему в числе главных приоритетов российского социума остаются обеспечение равенства всех перед законом и увеличение бюджетного финансирования медицины, образования, культуры. В целом мало поменялись и мнения наших сограждан по вопросам либеральной повестки, которые традиционно воспринимаются российским обществом довольно индифферентно (демократическое обновление, расширение прав и свобод, возможностей для свободного предпринимательства и т.п.).

Что требуется для решения основных задач, которые, как полагают россияне, стоят перед страной в настоящее время? Необходимы ли для этого коренные перемены, новые политические и экономические реформы? Или же больше нужны устойчивость, стабильность, постепенность, обеспечивающие преемственность в развитии и снижающие уровень генерируемых им рисков? В ходе опроса весной 2021 г. мнения россиян по данному вопросу разделились почти пополам, и с тех пор индикаторы популярности каждой из двух альтернативных точек зрения еще более сблизились. Если год назад установку на перемены поддерживали 47%, а на сохранение стабильности — 50% опрошенных, то в настоящее время, на фоне проведения специальной военной операции на Украине, данные показатели составляют уже 50% против 48% соответственно. В абсолютных цифрах это, конечно, небольшое изменение. Однако следует обратить внимание на то, что в первом случае число сторонников стабильности пусть ненамного, но превышало число желающих коренных перемен, тогда как сегодня соотношение становится обратным.

Анализ показывает, что наиболее «сильными» дифференцирующими признаками являются в данном случае возраст и уровень доходов. Так, в самой младшей возрастной группе (до 25 лет) доля

энтузиастов коренных перемен поднимается до 68% (что на 18 п.п. выше, чем в среднем по выборке), тогда как доля предпочитающих стабильность падает до 30%. С увеличением возраста данный разрыв постепенно сокращается, однако доминирование приверженцев стабильности устанавливается только после 46 лет. В самой старшей возрастной группе (старше 66 лет) значение соответствующего показателя являет собой почти точную инверсию того, что наблюдается в самой младшей возрастной группе: 34% за переменны и 65% против. Среди граждан с наиболее высокими среднедушевыми доходами в домохозяйстве (выше 2 поселенческих медиан) доля сторонников перемен составляет 62%, противоположную же позицию занимают только 37%. С падением уровня доходов тяга к решительным переменам затухает: в медианной группе (от 0,75 до 1,25 поселенческих медиан среднедушевых доходов) число приверженцев стабильности немного преобладает, а среди граждан с низкими доходами фиксируется паритет противоположных точек зрения. Несколько менее выражена, но все же заметна, корреляция между жаждой коренных перемен и такими характеристиками опрошенных, как тип поселения по месту жительства и уровень образования. В двух столицах страны и среди граждан, имеющих высшее образование, стремление к переменам выше, а к стабильности — ниже, чем в среднем по выборке.

Если исходить из приведенных данных, то можно сделать вывод, согласно которому в России усиливается запрос на переменны, причем в качестве «возмутителя спокойствия» выступает наиболее «продвинутой» и социально динамичной частью населения. Стало быть, на этот запрос надо реагировать, в том числе и политическими средствами — разумеется, понимая при этом конкретную его суть. Ведь для одних желаемые переменны — это уменьшение неравенства, а для других — неограниченная возможность зарабатывать, для кого-то это возвращение к национальным традициям, а для кого-то — новый путь в Европу и т.д. Наконец, среди поборников перемен всегда находятся и такие, у кого нет определенного образа желаемого будущего: им просто наскучило привычное существование и хочется некой «встряски» — того, что на молодежном сленге называют драйвом.

Заметим, что по каким бы признакам ни проводились группировки внутри выборки, во всех выделенных группах всегда обнаруживается достаточно много сторонников серьезных перемен. Однако наиболее резкий перекося в пользу неприятия реалий современной России фиксируется среди тех, кого объединя-

ет убежденность в необходимости жить по тем же правилам, что и страны Запада. В данной группе преобладание желающих во что бы то ни стало изменить нынешнюю Россию над их оппонентами приближается к двойному (63% против 34%), тогда как в среде считающих нашу страну особой цивилизацией соотношение сторон близко к паритетному, причем с некоторым преимуществом сторонников стабильности (46% — за радикальные реформы, 52% — за стабильное следование по нынешнему пути). Если же подойти к данной проблеме с другой стороны и внимательнее взглянуть на ту часть россиян, приоритетом для которых является стабильность, то обнаружится, что 83% среди них — это люди, убежденные в самобытности России, и лишь 17% однозначно ориентированы на «западные правила».

Желание части наших сограждан иметь на месте нынешней некую «другую Россию» сильно коррелирует со стремлением заменить действующую российскую власть. Среди высказывающихся за смену руководства страны без малого $\frac{3}{4}$ составляют именно сторонники радикальных перемен и новых реформ.

Здесь следует вернуться к тому, о чем говорилось и в других главах данной книги, и в начале данной главы: в российском обществе присутствуют как минимум две противоборствующие позиции относительно желаемого будущего страны и способствующих его достижению перемен. Лучше понять, какие группы населения являются их сторонниками, помогает метод кластеризации данных. Использование данного метода позволило разделить респондентов на 6 групп, три из которых (№ 1–3 в табл. 9.2) являются носителями ярко выраженных, непротиворечивых и отчетливо разнящихся между собой позиций, еще две (№ 4–5) характеризуются менее выраженным социально-психологическим и идеологическим «профилем», а последняя (№ 6) объединяет в себе тех, чья позиция в высокой степени противоречива и, по-видимому, не в полной мере сформирована. Отличительной чертой последней группы, которая будет оставлена далее без детального рассмотрения, выступает то, что она (единственная из шести) объединяет в себе всех сторонников нетипичной для подавляющего большинства россиян (и поддерживаемой лишь 8% граждан) идеи создания русского национального государства.

Как видно из данных таблицы 9.2, представители группы, убежденной в приоритетности прав человека (группа № 1), в большинстве своем мечтают о соблюдении этих прав и идеалах демократии, причем более трети из них хотели бы партнерства с западными

Таблица 9.2

Группы россиян, сформированные в ходе кластерного анализа на основе их ответов об образе желаемого будущего России, 2022 г., %*

Хотят видеть Россию страной...	Группы россияне					
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	100	13	82	34	25	21
в которой существует сильная власть, обеспечивающая порядок и развитие в ней	0	100	91	0	58	39
сохранившей национальные традиции, моральные и религиозные ценности, проверенные временем	0	45	88	36	56	37
активным партнером Запада	35	0	0	0	0	26
в которой обеспечиваются свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	40	0	0	0	0	46
в которой обеспечивается социальная справедливость	55	31	0	54	100	28
в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	22	0	0	13	20	24
в первую очередь, для русских, то есть русским национальным государством	0	0	0	0	0	25
великой державой мира, объединяющей разные народы	0	100	0	100	0	20

Примечание: * Сумма по столбцу превышает 100%, так как при ответе на вопрос допускалось до трех вариантов ответа. Фоном выделены показатели, превышающие 50%, жирным шрифтом – максимальные показатели по столбцу.

странами и свободного рынка с минимальным вмешательством в его функционирование со стороны государства в нашей стране. Очень существенно также, что большинство данной группы хотело бы видеть Россию страной, где обеспечивается социальная справедливость, что говорит об актуализированности этой проблематики для представителей данной группы. В дальнейшем для простоты восприятия будем называть эту группу «сторонниками прав человека».

Не менее яркая в плане отчетливости выраженных мнений группа № 2 объединяет в себе людей, желающих видеть Россию великой мировой державой с сильной властью, обеспечивающей мир и порядок. Эти два мнения высказал одновременно каждый человек, вошедший в ее состав. В качестве еще одного ценностного ориентира представители данной группы чаще всего отмечали сохранение российских национальных традиций. По целому ряду

соображений эту общность можно именовать «жесткими государственниками».

Как отмечалось ранее, своими мировоззренческими характеристиками заметно выделяется на общем фоне и группа № 3. В части вопроса о том, какой они хотят видеть Россию будущего, среди представителей последней практически отсутствует разногласие мнений. Они также хотят жить в государстве с сильной властью, которая чтит национальные традиции. Но вместе с тем они мечтают о демократической стране, в которой обеспечены защита прав граждан и свобода самовыражения. Отнесенных к данной группе россиян уместно назвать «мягкими государственниками». Их выбор четко ограничен тремя первыми характеристиками приведенной выше таблицы.

Две оставшиеся группы населения выделяются, прежде всего, своим базовым запросом. Для группы № 4 это желание видеть страну великой мировой державой, а для группы № 5 — желание жить в справедливом обществе. При этом, однако, детальный анализ обеих групп не выявляет каких-либо значимых на общественном фоне особенностей ни с точки зрения их мировоззрения или ценностей, ни по социально-демографическим или социально-экономическим характеристикам. Можно предположить, что образ желаемой России еще не приобрел в их случае достаточной определенности. Тем не менее они солидарны в вопросе о том, какие дисфункции в обществе хорошо было бы устранить, или каких целей развития в их наиболее широком смысле достигнуть.

У первых же трех групп наших сограждан желаемый образ России будущего сформирован вполне отчетливо и подкреплен сложившейся у их представителей картиной мира. В общей совокупности группы россиян с четко определенными убеждениями объединяют чуть более трети всего населения РФ (15%, 12% и 7% соответственно).

Проанализируем социологические портреты указанных групп. Ввиду обращения к большим объемам информации будут упоминаться преимущественно масштабы проявления тех или иных точек зрения или характеристик. Однако для демонстрации наиболее ярких черт, позволяющих «схватить» их базовые различия (как между собой, так и в сравнении со средними показателями по массиву), приведем некоторые данные в сводной таблице 9.3.

В сущности, «сторонники прав человека» — это люди, во многом оторванные от корней. Лишь каждый пятый из них интересуется историей своей семьи, в то время как остальным до нее нет

Таблица 9.3

Наиболее значимые характеристики «новых западников», «жестких» и «мягких» государственников в сравнении с россиянами в целом, 2022 г., %

Характеристики	«Сторонники прав человека»	«Жесткие государственники»	«Мягкие государственники»	По массиву в целом
<i>Историческая память</i>				
Не интересуются историей семьи	19	7	9	14
Испытывают смешанные чувства относительно истории страны / стыдятся ее	30	10	16	16
Лояльны к сносу памятников и переименованию улиц	17	4	9	10
<i>Уровень недоверия к разным институтам, организациям, лицам</i>				
Президенту РФ	51	9	14	26
Правительству РФ	63	25	30	41
Руководителю республики, губернатору и пр.	67	32	42	47
Российской армии	47	9	16	24
Российской академии наук	43	23	28	32
Церкви	58	32	30	42
<i>Защита прав и интересов человека</i>				
Не согласны с тем, что государство должно в первую очередь отстаивать интересы народа, а не интересы отдельной личности	32	12	10	20
Считают, что законы можно нарушать, если они устарели или не соответствуют нынешним реалиям	43	35	22	34
Считают, что правительство не вправе влиять на правосудие, даже если этого требуют интересы государства	59	30	37	45
Считают, что любой человек в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	81	49	66	66
Согласны с тем, что, если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, то их свободу стоит ограничивать	42	81	66	62
<i>Другие характеристики взглядов</i>				
Считают, что нынешний путь ведет Россию в тупик	34	10	16	29
Считают, что власть надо поддерживать в любых обстоятельствах	52	92	85	76
Считают, что власть надо сменить во что бы то ни стало	47	8	12	23
Считают, что санкции Запада приведут к крайне негативным последствиям	45	14	19	26
Не одобряют специальную военную операцию на Украине	44	5	13	21
Стыдятся современной России	20	6	8	10
«Катастрофисты»	13	4	5	6

дела, их интересуют в основном текущие житейские проблемы. Кроме того, среди них чаще можно встретить тех, кто не знает, как относиться к истории своей страны. Практически каждый третий (30%) из них испытывает по отношению к историческому прошлому либо смешанные чувства, либо вообще стыдится его. В среднем по стране таких почти вдвое, а среди «государственников» даже втрое меньше (16% и 10% соответственно). Как следствие, «сторонники прав человека» проявляют наивысшую (на фоне представителей всех шести групп) степень равнодушия к стиранию исторической памяти. Практически каждый пятый (17%) из них не огорчается, когда на улицах городов сносятся памятники или когда переименовываются сами эти улицы. Среди «жестких государственников» такое отношение к подобным действиям встречается лишь у 4%, а в среднем по стране — у 10% наших сограждан.

С оторванностью от корней и отчуждением от истории во многом перекликается и то, что представители данной группы наименее религиозны. Как минимум каждый пятый среди них — атеист (22%), а в совокупности с теми, кто верит в наличие абстрактной высшей силы, но не относит себя ни к одной конфессии, таковых в их среде уже более трети (37%). В группах «государственников» («жестких» и «мягких») неверующих и верящих в абстрактную высшую силу 16—17%.

«Сторонники прав человека» не склонны доверять практически никому, кроме ближайшего круга. Четверо из пяти представителей этой группы не верят Центральной избирательной комиссии и политическим партиям; как минимум три из четырех — Совету Федерации, Государственной Думе, органам местного самоуправления, суду, телевидению и прессе; как минимум два из трех — руководству региона по месту своего проживания (республики / области), профсоюзам, полиции. Уровень доверия Президенту РФ здесь также самый низкий (49%, в то время как по стране в целом — 73%, а среди «жестких государственников» — 91%). Можно было бы ожидать, что они более благосклонны к таким, казалось бы, неотъемлемым элементам современного модернизированного общества, как научное сообщество (в лице РАН) и НКО. Однако даже по отношению к ним рассматриваемая группа демонстрирует самый высокий уровень недоверия.

В то же время «сторонники прав человека» крайне чувствительны к вопросу защиты прав личности и ее свобод. Подавляющее их большинство согласно с тем, что каждый человек имеет право в любой ситуации отстаивать свои права, даже посредством

бойкотов, забастовок и демонстраций. Они хотят, чтобы государство защищало интересы малых групп. Более половины из них категорически не приемлют влияния правительства на правосудие, равно как и преследование СМИ и блогеров, высказывающих противоречащие государственным интересам точки зрения.

«Сторонники прав человека» не поддерживают политический вектор, который избрало Правительство, и действия властей, в особенности — те, что имеют место после начала специальной военной операции на Украине. Практически каждый второй из них не одобряет проведение последней (44%) и считает, что санкции западных стран нанесут нашему обществу непоправимый ущерб (45%). Столь же велико среди них (40%) и число сторонников мнения о том, что избежать военной спецоперации было вполне возможно. По совокупности указанных характеристик становится понятно, почему каждый пятый из представителей этой группы стыдится своей страны (что вдвое больше среднего по стране и, как минимум, втрое больше, чем в группах № 2–5); каждый третий убежден, что Россия идет путем, который ведет ее в тупик, а каждый второй и вовсе считает, что нынешнюю власть надо сменить. Как следствие, практически каждый пятый из числа «сторонников прав человека» готов хоть завтра присоединиться к массовым выступлениям в защиту демократических прав (16%), а также экономических или социальных прав и свобод (19%) или против нахождения вооруженных сил РФ на Украине (16%), если таковые случатся в месте их проживания (против 4%, 9% и 2% среди «жестких государственников» соответственно).

Завершая портрет данной группы, отметим, что речь применительно к ней — не о сторонниках западного пути развития, таковых в их составе немногим более трети. Одновременное проявление ярких и нетипичных для большинства россиян точек зрения позволяет судить о них скорее как о зоне, в которой созревает социальное напряжение и которое хочет заявить в этой связи о своих правах. Учитывая тот факт, что данная группа охватывает примерно 15% наших сограждан, это настораживающий факт.

Описанной выше довольно «горячей» группе противостоят не менее яростные «жесткие государственники». Они отличаются наибольшей долей тех, кто гордится как российской историей, так и страной в целом. Практически каждый второй представитель данной группы (47%) не просто ценит историю своей семьи, но и прилагает усилия к ее изучению (в среднем по стране таких 33%). Ввиду более бережного отношения к истории «жесткие государственни-

ки» чаще других выступают против стирания исторической памяти (68% при 58% по стране в целом). Рассуждая о духовных скрепах российского общества, каждый второй их представитель заявляет о том, что именно историческая память роднит и объединяет россиян (55% против 39% в среднем по стране)⁸. Интересно отметить, что такая же доля представителей данной группы упоминает в качестве основ солидарности с гражданами России ответственность за судьбу страны (51%). Это очень показательно, так как во всех остальных выделенных в целях анализа общностях доля придерживающихся подобного мнения колеблется в пределах 34–37%. «Жестких государственников» отличает и вера в путь, по которому движется страна (89% против 71% по массиву в целом), и в то же время рьяное неприятие западного пути, так как они твердо убеждены, что Россия – это особая цивилизация (91% против 77% по массиву в целом). Кроме того, они чаще других доверяют всем ключевым уровням власти, лично Президенту РФ (91% против 73% по стране в целом), и, как результат – всем принимаемым ими решениям. По этой причине «жесткие государственники» отличаются наивысшей степенью одобрения специальной военной операции на Украине, которая набирает в их среде 70% сторонников (для сравнения: ни в одной другой группе доли последних не превышают половины, а в среднем по стране и вовсе составляют 46%). Среди их представителей наблюдается и наибольшая доля тех, кто полагает, что избежать решительных действий было просто невозможно (75% против 48% по стране в целом). Ввиду выражено высокого доверия властям данная группа спокойнее всех воспринимает события, стартовавшие в феврале 2022 г. (45% «спокойных» при 35% по россиянам в целом). По этой же причине входящие в нее не склонны особо переживать по поводу введенных против России санкций: почти половина из них (42%) даже считали весной 2022 г., что последние принесут российской экономике определенную пользу. Лояльность к нынешней власти проявляется еще и в том, что «жесткие государственники» сильнее прочих россиян хотят ее большей централизации (76% против 57% по стране в целом). Они заявляли тогда, что, какие бы действия ни предпринимали власти, их нужно поддерживать (92%), ведь всё, что делается, – делается в интересах народа. По этой причине «жесткие государственники» терпимее

⁸ Не считая, конечно, гражданства и единства территории, на которой проживают россияне, – позиций, которые в принципе являются самыми часто выбираемыми в данном случае.

остальных относятся к вмешательству правительства в судопроизводство. Это объясняется их убежденностью в том, что следует отстаивать интересы большинства, а не «расшатывать лодку» всевозможными бунтами, митингами и распространением в средствах массовой информации прозападных месседжей. В результате «жесткие государственники» оказываются наиболее нетерпимой к инакомыслию группой, которая практически единодушно заявляет, что свободу блогеров и СМИ, действующих против интересов России, надо ограничивать (81% против 62% в среднем по выборке). Неудивительно в связи с этим, что, по мнению их большинства, всем угодить невозможно: при решении той или иной проблемы всегда будут задеты чьи-то интересы, и это нормально (91% сторонников при 79% по стране в целом).

Всё сказанное демонстрирует непротиворечивость и последовательность мышления «жестких государственников». Лояльность власти, высокое единение на основе ценности истории страны и своей семьи и уникальное на общестрановом фоне ощущение ответственности за судьбу России позволяют говорить об этой группе не просто как о сторонниках российской самобытности, но как об активных приверженцах сформировавшегося на сегодняшний день порядка вещей. По всей видимости, образ России является для них не только некой абстракцией, но конкретной и при том высокой ценностью.

Третья из выделенных групп — «мягкие государственники» — во многом напоминает предыдущую. Однако все показатели, по которым «жесткие государственники» отличаются от средних по стране — и, тем более, от «сторонников прав человека» — проявляются в ней не столь ярко и рельефно. Кроме того, от «жестких государственников» ее отличает еще несколько особенностей. Во-первых, как уже упоминалось, никто из «мягких государственников» не отмечает как приоритетное стремление видеть нашу страну великой мировой державой. Во-вторых, они существенно более чувствительны к стиранию исторических «маркеров» (сносу памятников и т.п.). При схожей доле недовольных подобными действиями (примерно $\frac{2}{3}$ группы), среди «мягких государственников» их категорически не приемлет 41% представителей (среди «жестких» же государственников лишь 27%, что сопоставимо со средним по стране). В-третьих, в их среде больше всего людей (78%), которые не готовы нарушать законы даже в том случае, если они не соответствуют нынешним реалиям (у «жестких государственников» — 65%). Исходя из этого, можно утверждать, что

эмоциональная напряженность и склонность к крайностям в этой части политического спектра выражена в меньшей, чем у «жестких государственников», степени. Рассуждая же о том, что роднит рассматриваемую группу с остальными гражданами России, следует отметить, что они несколько чаще «жестких государственников» называют в числе собственных приоритетов культуру и религиозные ценности.

Видя столь значимые различия между «сторонниками прав человека» и «государственниками», яркие мировоззренческие особенности как первых, так и вторых, нельзя не поставить резонный вопрос: кто же эти люди? Как показывают результаты опроса весны 2022 г., взгляд на распространенность разных идей о будущем России в срезе возрастных категорий в целом не дает оснований считать, что различия между ними связаны со сменой поколений, по крайней мере – в категорической модальности (рис. 9.2).

С одной стороны, из рисунка 9.2 можно увидеть, что среди молодежи в возрасте 18–25 лет больше всего сторонников прав человека, хотя и в ней их менее трети. С другой, уже начиная с 26-летнего возраста, последние встречаются среди опрошенных примерно столь же часто, сколь и в среднем по стране, равно как и в других возрастных группах. Нетипичность «государственничества» для данной возрастной группы тоже специфична – во взрослых возрастах оно становится более распространенной мировоззрен-

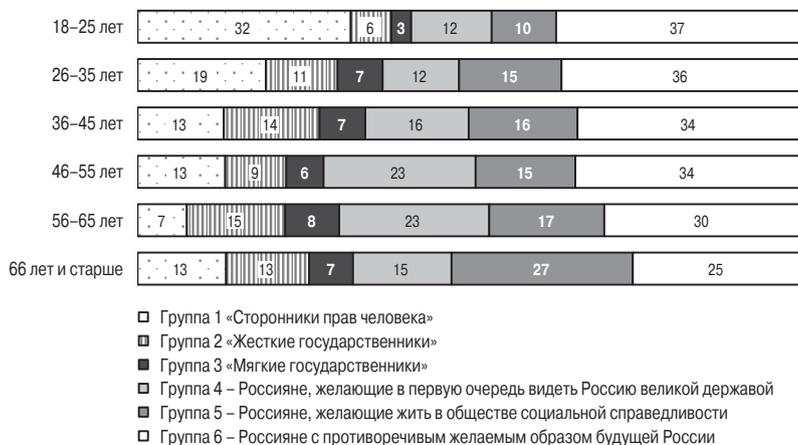

Рисунок 9.2. **Доля представителей групп с разными желаемыми образами будущего России среди россиян разных возрастов, 2022 г., %**

ческой установкой. Если же говорить не об этой дилемме, а обо всей классификации в целом, то заметны и иные тенденции — снижение с возрастом числа неопределившихся со своими запросами относительно будущего России и рост за их счет числа тех, кто хочет просто решения ряда проблем в стране. Быть может, эти тенденции связаны с этапами жизненного цикла, для которых в ранних возрастах типичны идеализм, максимализм и горячность, а в старших — зависимость качества и уровня жизни от внешних обстоятельств, в том числе и от действия властей, социальной политики, приводящая к отказу от борьбы и желанию просто облегчить повседневную жизнь путем мягких реформ. Но может стать и так, что отраженная на рисунке тенденция демонстрирует зачаток новых идеалов, продвигаемых молодым поколением. О том, где кроется истина, можно будет судить позднее при наличии сопоставимых опросных данных.

В попытке ответить на вопрос: «Кто же эти люди?» были сопоставлены также их общие социальные портреты. И наиболее обескураживающим фактом явилось то, что ни одна из традиционных базовых классификаций не позволяет увидеть реальные границы рассматриваемых групп. Все три группы (как, в принципе, и три другие, не рассматриваемые нами детально) практически не отличаются по своему составу от усредненного портрета российского общества. Они представлены людьми всех профессий, обладающими разным уровнем образования, происходящими из разных семей, мужчинами и женщинами. Пропорциональное соотношение категорий в рамках данных классификаций у представителей выделенных на основе кластерного анализа шести групп опрошенных практически не отличается от среднего по стране. Единственное значимое отличие наблюдается у «сторонников прав человека», в составе которых, как и следовало ожидать, чаще встречается молодежь (44% моложе 36 лет, в то время как в среднем по стране — 29%). Столь явная инаковость наблюдается только в данной группе и только по показателю возраста. Несмотря на это, стоит оговорить те отличия, которые превышают величину статистической погрешности в каждой из трех описанных выше групп.

Среди «сторонников прав человека» чуть больше мужчин (49% против 44% по стране в целом), высокодоходных (12% с доходами выше 2 медиан среднедушевых доходов по типу поселения при 7% по стране) и тех, кто родился в семьях, где оба родителя имели высшее образование (24% против 15% по стране). Среди «жестких государственников» несколько чаще встречаются граждане

среднего возраста (30% в возрасте 36–45 лет при 24% в среднем по стране), лица с высшим образованием (44% против 37% по стране в целом), жители центров субъектов РФ (33% против 29% соответственно) и низкодоходные (35% проживают в семьях с доходами не более 0,75 медианных по типу поселения, в то время как в среднем по стране таких 31%). «Мягкие государственники» отличаются тем, что в их составе меньше низкодоходных и высокодоходных (доходами в диапазоне от 0,76 до 2 медиан среди них располагают 74%, в то время как в среднем по стране – 63%), меньше выходцев из высокообразованных семей (9% против 15% по стране в целом), больше сельских жителей (35% против 29% соответственно), они чаще работают на должностях, не предполагающих наличия высшего образования (34% против 26%).

Как видим, все эти особенности едва ли можно считать значимыми. По сути, это лишь некоторые нюансы в характеристике составов рассматриваемых общностей. *Это свидетельствует в пользу того, что базовые социально-демографические и социально-экономические категории не являются дифференцирующими показателями для описанных выше мировоззренческих расхождений.* Нет оснований утверждать, что «сторонники прав человека» в подавляющей массе своей – это молодежь, а «жесткие государственники» – пожилые граждане страны. Наши шансы встретить «государственников» не возрастут, если посетить малую Россию, или «сторонников прав человека», если обратить свой взор на столичные мегаполисы. Данный вывод означает большой вызов и для политической повестки дня, так как до тех пор, пока не зафиксированы очаги напряженности или оплоты стабильности, невозможно точно влиять на эти группы, и для последующих научных исследований, нацеленных на выявление зон локализации отмеченных полярных установок.

Итак, характеризуя состояние российского общества весной 2022 г., можно уверенно констатировать его значительную ментальную устойчивость, обеспечивающую как его стремление к суверенному саморазвитию, так и способность к самостоятельному формированию образа желаемого будущего. Несмотря на то, что проведение специальной военной операции на Украине достаточно сильно повлияло на психологическое состояние наших сограждан, значительно повысив градус их тревожности, а также обеспокоенности по поводу неизбежных потерь и риска прямого столкновения России с объединенным Западом, матрица установок и предпочтений, задающая модель идейно-политической

сегментации российского социума и опосредующая его запросы на будущее, в основе своей не изменилась. В образах желаемого будущего сохраняется традиционная для русской культуры иерархия приоритетов, среди которых на первом месте стоит обеспечение социальной справедливости (данное требование как самый значимый признак образа желаемого будущего России называла весной 2022 г. почти половина россиян).

В то же время в складывающейся геополитической ситуации просматривается рост запроса на сильную власть, способную обеспечить стране стабильность, порядок и условия для развития, а также на сохранение национальных традиций. При этом восходящая динамика данного запроса не вызывает сколько-нибудь значительного усиления русского национализма, а среда распространения последнего остается достаточно ограниченной: в настоящее время сторонниками превращения России в государство, предназначенное в первую очередь для русских, является не более $1/10$ населения страны. Отметим также, что запрос на сильную власть в составе складывающихся в обществе представлений о будущей России с почти математической точностью уравновешен сдерживающим его контрзапросом — на обеспечение прав человека, демократии, свободы самовыражения личности (в 2022 г. в поддержку каждой из этих позиций высказалось практически одинаковое число россиян).

Отвечая на вопрос о том, какие уроки на будущее россияне должны извлечь из исторического опыта страны, наибольшая их часть присоединилась к тому мнению, что нам следует жить своим умом, а не копировать какие-либо иностранные образцы. Противоположную позицию — «Западная модель развития наиболее эффективна, и Россия должна ей следовать» — разделяют лишь считанные проценты наших сограждан. При этом многие россияне (свыше $1/5$) приходят к выводу, что многовековой опыт взаимодействия и выстраивания отношений с Западом демонстрирует его извечную враждебность России. Несомненно, исторический опыт нашей страны можно истолковать в том смысле, что для нее необходима сильная власть, которая станет одним из главных условий ее стабильности и процветания в будущем. Однако нельзя утверждать, что общественное мнение рассматривает это условие как абсолютное и безальтернативное. Судя по распределению ответов и многолетней динамике социологических показателей, характеризующих силу авторитарного запроса, увеличение в последнее время доли россиян, выступающих «за сильную власть», является

в значительной мере ситуативным. При обращении же к длинным временным отрезкам видно, что наши сограждане испытывают в этом отношении определенные колебания. Во всяком случае, даже на фоне событий на Украине доля респондентов, утверждающих, что исторический опыт однозначно свидетельствует о том, что России всегда необходим «хозяин», лишь ненамного превышает долю их оппонентов, выступающих против концентрации власти в одних руках (22% против 19% соответственно).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(к общим выводам)

Комплексный анализ результатов трех волн осуществленного социологического мониторинга позволяет представить ряд выводов, с разных сторон характеризующих состояние российского социума в условиях радикальных изменений привычной для него повседневности.

Вывод 1. По мнению преобладающего большинства населения, к весне 2022 г. в российском обществе сложилась напряженная, кризисная ситуация. И хотя за 30-летний постсоветский период наши сограждане уже привыкли к разного рода кризисам, новый кризис породил ситуацию наподобие шока — неожиданного и превосходящего прежние вызовы. Как следствие, показатели массовых умонастроений, оценки ключевых внутренних и внешних политических и экономических процессов оказались заметно хуже, чем на старте предыдущих критических ситуаций (то есть в 2009, 2014 и 2016 гг.). Граждане страны продемонстрировали озабоченность непониманием того, когда и чем завершится новый кризис, чем, кому и в какой мере он может грозить в будущем.

Если в ходе предыдущих социологических опросов, проводившихся в предшествовавшие нынешнему кризисные периоды, как правило, фиксировалась в основном нейтральная (без знака ее характера относительно текущей ситуации) неопределенность, то на момент завершения третьей волны мониторинга картина оказалась иной. В российском обществе стала складываться негативная неопределенность. Большинство россиян ожидало ухудшения ситуации, а неопределенность позитивного характера сохранялась лишь относительно перспектив на «свет в конце туннеля».

По итогам предыдущих опросов ИС ФНИСЦ РАН фиксировалась существенная дифференциация показателей по социально-демографическим группам. К марту 2022 г. под влиянием шоковых умонастроений эти различия в значительной мере сгладились,

хотя и не исчезли совсем. При этом отмечался рост социальной напряженности, а внешние угрозы воспринимались более опасными, чем внутренние. Отчасти это явилось нивелированием различий под влиянием обстоятельств, объективно опасных для всех; отчасти — эффектом «сплочения вокруг флага», общенациональной консолидацией на основе оценок и дискуссий, предлагаемых руководством страны.

Тем не менее, вопреки этой консолидации, продолжает сохраняться сложившееся еще в начале 2010-х гг. противостояние сторонников и противников существующего политического режима. Применительно к оценкам современной ситуации в стране и ее перспектив данное противостояние проецируется на антитезу: «спокойные» россияне, не склонные видеть оснований для острой тревоги (35%), и «катастрофисты» — носители катастрофического сознания, по мнению которых сложившаяся в России ситуация уже приняла характер катастрофы (6%). Обе эти группы отклоняются от абсолютно преобладающего типа российских граждан, которые оценивают ситуацию как безусловно напряженную, кризисную, но далеки от крайних реакций (59%).

Респонденты, склонные оценивать современное положение дел в России как катастрофическое, как правило, не доверяют Президенту и правительству страны, считают нынешний путь ее развития ошибочным. В их среде реже, чем по массиву в целом, фиксируется согласие принять возможные ограничения (в частности, на выезды за рубеж и на инвалютные накопления). Вместе с тем, они чаще выражают готовность участвовать в массовых протестных выступлениях. В свою очередь, «спокойные» россияне в массе своей разделяют мнение об определенной полезности антироссийских санкций для развития внутреннего производства. Их численность отчасти уравнивает наличие в обществе «катастрофистов», снижая тем самым опасность «раскачивания» ситуации в стране.

Выделение «катастрофистов» и «спокойных» как полярных групп связано не столько со спецификой свойственных им идеологических предпочтений, сколько с особенностями их личной ситуации: «спокойные» отличаются в среднем гораздо более высокой, нежели «катастрофисты», самооценкой материального положения и способности к самообеспечению. Таким образом, в современной России лучшее материальное положение и меньшая зависимость от помощи государства, как правило, не усиливают, а снижают антиправительственные умонастроения.

Хотя «катастрофические» умонастроения характерны для явного меньшинства наших сограждан, большинству из них свойственны некоторые черты, отражающие чувство общественной тревожности. В частности, при том, что более 80% россиян полагают, что основные опасности грозят России из-за рубежа, в отношении самих себя они чаще опасаются не внешнеполитических, а внутренних экономических угроз. Так, лишь менее 25% тревожатся по поводу западных санкций и ухудшения отношений со странами Запада, но 40% встревожены такими внутренними проблемами, как инфляция, безработица и деградация медицины. Подобные умонастроения могут стать источником повышенных требований к правительству, особенно если угрозы благосостоянию будут реально расти.

Вывод 2. Весной 2022 г. психологическое состояние российского общества отличалось наихудшими показателями за весь период с начала санкционной войны. Даже показатели кризиса 2014–2016 гг. выглядят на их фоне более позитивными. При этом наши сограждане испытывают трудности в интерпретации духовно-психологической атмосферы, сложившейся не только в стране в целом, но и в местах их проживания. Пессимистический настрой, в той или иной мере, охватил все группы российского населения. Тип места проживания, реальный доход и даже возраст уже не влияют на оценку данной атмосферы, как ранее. Значимой для наших сограждан остается в этом плане удовлетворенность или неудовлетворенность различными аспектами своей повседневной жизни.

Баланс негативных и позитивных оценок социально-психологического состояния общества, чаще всего наблюдавшийся в последние годы, оказался нарушен. Разные ракурсы анализа результатов всех трех замеров показали: доля оптимистически настроенных россиян существенно сократилась, что способствовало кардинальному изменению общей палитры настроений. На смену ранее преобладавшим в социуме спокойствию и уравновешенности пришло чувство тревоги, которое отмечает у себя в качестве доминирующего психологического состояния каждый второй россиянин. Еще хуже, по самооценкам наших сограждан, обстоят дела с психологическим климатом в их окружении: лишь 17% ощущают вокруг себя некие позитивные психоэмоциональные проявления.

Существенно изменились оценки россиянами их «завтрашнего дня». В отличие от сиюминутных умонастроений, которые могут трансформироваться под воздействием даже незначитель-

ных изменений в личной и общественной жизни, чувства, связанные с будущим, более устойчивы по своей природе. Например, коронакризис хотя и оказал на видение россиянами их личного будущего отрицательное воздействие, не привел к доминированию негативных ожиданий. В противовес этому ситуация весны 2022 г. пошатнула (хотя и не катастрофическим образом) веру населения страны в то, что таковое будет благоприятным. Данный факт дополняет картину преобладающего в настроениях россиян пессимизма.

Выявленная общая картина социально-психологического состояния российского общества — результат синтеза данных, полученных посредством многостороннего подхода к его изучению. Прежде всего, анализировались оценки, данные россиянами состоянию духовно-психологической атмосферы в стране. При этом оказалось, что у оптимистов и пессимистов, выделенных на основании учета восприятия ими последней, восприятие это чаще всего зависит от субъективного видения ими тех сфер жизни, которые связаны с социальной политикой государства (социальная защищенность в случае потери работы, возможность получать качественную медицинскую помощь и выражать свои политические взгляды). В свою очередь, по доминирующему настрою оптимисты и пессимисты различаются скорее оценками бытовой повседневной ситуации (оценки питания, отношений в семье, места проживания). Подобное разделение свидетельствует о том, что социально-психологическое состояние человека — комплексное явление, которое определяется удовлетворением не только его базовых потребностей, но и ряда требований, за соблюдение которых отвечает государство.

Вместе с тем, несмотря на довольно тяжелую ситуацию с духовно-психологической атмосферой в стране, в ней отмечается и определенный позитив. Это, *во-первых*, высокий рейтинг доверия Президенту Российской Федерации — главный фактор, который, по мнению большинства россиян, положительно влияет на нее. *Во-вторых*, это стабильность показателя восприятия будущего страны. В настоящее время две указанные характеристики — доверие Президенту и вера в будущее — остаются ключевыми опорами, поддерживающими стабильность российского социума и обеспечивающими его консолидацию.

Вывод 3. Последние восемь лет (с марта 2014 г., ознаменовавшегося санкционной войной Запада против России после воссоединения с ней Крыма, и до старта нового мощнейшего витка этой

войны в конце февраля 2022 г. после начала специальной военной операции на Украине), отметившиеся кризисами разной природы, болезненно сказались на материальном положении подавляющего большинства россиян и на их субъективном благополучии. При этом в наименьшей степени пострадали полярные доходные децили — самые бедные (благодаря предпринимаемым правительством России мерам помощи бедным и малообеспеченным) и наиболее высокодоходные (благодаря собственной высокой ресурсообеспеченности, позволяющей успешно адаптироваться к новым условиям). Как результат — доходное неравенство населения страны остается довольно глубоким даже в массовых слоях: разрыв медианных доходов верхнего и нижнего децилей в них шестикратный. В наибольшей же степени, причем и объективно, и субъективно, от турбулентности последних восьми лет пострадали в плане собственного материального положения представители низко- и среднедоходных слоев.

Длительное ухудшение материального положения значительной части россиян (включая период пандемии) весьма опасно, поскольку негативная динамика прямо сказывается на восприятии текущего положения дел в социуме. Последствия ее проявляются как в «катастрофизме» восприятия респондентами ситуации, складывающейся в стране в целом, регионе и месте их проживания, так и в отношении к санкциям Запада, и в доверии к институтам власти. Это означает, что, *во-первых*, негативные умонастроения и оценки населением всех жизненных сюжетов носят, главным образом, не идеологический, а прагматически-утилитарный характер. *Во-вторых*, что расширение группы с нисходящей динамикой материального положения может способствовать более масштабному, нежели имеющееся, распространению негативных установок в российском обществе.

Вывод 4. Несмотря на нисходящую динамику собственного материального положения, россияне оценивают свою жизнь в целом и отдельные ее аспекты скорее как удовлетворительные, чем как плохие. Оценка «хорошо» также присутствует, но доминирует лишь при характеристике нашими согражданами отношений в семье и с друзьями. По основным же аспектам их жизни наиболее распространенной среди россиян оказывается оценка «удовлетворительно». А доля ставящих им оценку «хорошо» всё же больше, чем доля характеризующих их как плохие. В то же время есть и несколько аспектов повседневного бытия, состояние которых воспринимается населением достаточно остро. Это (в поряд-

ке нарастания остроты) возможность выражать свои политические взгляды, материальная обеспеченность, возможность отдыха в период отпуска и возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную. Что же касается уровня социальной защищенности в случае утраты работы, то это не только наиболее болезненная проблема, но и единственная сторона бытия, в части которой оценки «плохо» являются для российских граждан трудоспособного возраста доминирующими.

Если укрупнить разные стороны жизнедеятельности в несколько блоков, отражающих повседневную жизнь людей, различные аспекты их занятости, их место в социальной иерархии, отношения с «ближайшим кругом» и тем, что предоставляет человеку государство, то прорисовывается отчетливое недовольство российских граждан взаимодействием с социумом в целом, с определенными действующими в нем институтами макроуровня и последствиями их функционирования. Это недовольство не только ситуацией у себя на работе, но и возможностями выражать свои политические взгляды, получать качественную медицинскую помощь, иметь социальные гарантии в случае потери работы.

Что же касается ощущения россиянами своего положения в социальной иерархии, то, хотя в массе своей они им удовлетворены, 7% их представителей все же ощущают себя социальными аутсайдерами. Для этой группы характерно более мрачное, чем для остальных наших сограждан, видение собственного будущего и в целом тяжелое социально-психологическое состояние с доминированием чувств беспокойства, страха и отчаяния. Ощущающие себя социальными аутсайдерами резко критичны к реализуемой сегодня стратегии развития России. В этом отношении «низы» российского общества, как бы парадоксально это на первый взгляд ни выглядело, солидаризируются со многими «звездами» российского шоу-бизнеса, оказываясь с ними, хотя и по разным причинам, в едином маргинальном «вне-мейстриме» российской жизни относительно специальной военной операции на Украине.

Вывод 5. Удовлетворенность среднего россиянина жизнью зависит, прежде всего, от качества его питания и доступности необходимых предметов одежды, а также от ощущения собственного места в обществе и опосредованных им оценок своего материального положения. Это свидетельствует о том, что российский социум всё еще пребывает на «стадии выживания» с характерным для нее набором ценностей и норм. Для удовлетворенности жизнью в таком типе обществ важны в первую очередь те ее стороны,

которые связаны с базовыми формами безопасности. Невозможность их обеспечить приводит индивида к ощущению собственного социального аутсайдерства, что, в свою очередь, способствует нарастанию скепсиса в отношении действий институтов власти и управления.

Эти выводы позволяют глубже понять полученные в ходе мониторинга данные о готовности россиян к внешним ограничениям ради укрепления безопасности России и ее суверенитета на международной арене. В целом в массе своей наши сограждане скорее готовы к отдельным и не очень значимым для них ограничениям; лишь 13% опрошенных не готовы ни к одному из 10 включенных в инструментарий опроса и наиболее вероятных в силу санкций Запада их видов. Так, от продуктов питания из западных стран, использования банковских карт Visa и MasterCard, от произведенных на Западе товаров длительного пользования (гаджеты, одежда, бытовая и компьютерная техника и др.) и поездок в страны Евросоюза и США готово отказаться большинство россиян. В то же время наши сограждане не готовы отказаться от свободного пользования Интернетом и некоторыми социальными сетями. Не согласны они и на то, чтобы оказаться на какое-то время без работы, а также на дальнейший рост цен, замораживание заработных плат и пенсий, повышение налогов. Примерно так же выглядела их позиция на этот счет и после введения в 2014 г., в ответ на воссоединение Крыма с Россией, антироссийских санкций. Хотя, заметим, что неготовность отказаться от Интернета и социальных сетей за прошедшее время значительно выросла.

Главными в плане готовности к ограничениям ради суверенитета и безопасности России являются мировоззренческие факторы. Значимую роль здесь играют и материальные аспекты жизни россиян. Можно утверждать, что неготовность к ограничениям ради суверенитета и безопасности страны демонстрируют в первую очередь люди, недовольные как своим материальным положением в целом, так и особенно его нисходящей динамикой.

Вывод 6. Настоящее исследование подтвердило: в последнее время динамика материального положения человека все больше затрагивает не только его доходы, жилищную ситуацию, ситуацию с питанием и одеждой, но и изменения в его кредитно-долговой нагрузке и обеспечивающих ему «запас прочности» сбережениях. В основном изменения в данной области связаны в последние годы с сокращением числа демонстрирующих пассивное финансовое поведение, общим ростом распространенности долговой нагрузки

и резким увеличением числа накопивших мелкие долги. Выросла и численность россиян, имеющих мелкие сбережения, поскольку в условиях участвовавших внешних шоков и постоянной турбулентности хоть какие-то финансовые запасы «на черный день» начало формировать большинство наших сограждан. В целом же долговая нагрузка распространена среди россиян гораздо шире, чем сбережения, и имеется сегодня более чем у половины жителей страны (сбережения — менее чем у половины).

Одалживание денег является одним из значимых действий, которые россияне предпринимают для поддержания своего материального положения: 12% опрошенных используют данный способ в целях решения собственных материальных проблем. Среди прочих шагов, которые часто используются ими для подкрепления собственного благосостояния, — частичное самообеспечение продуктами питания и различные виды вторичной занятости. При этом за последние восемь лет наши сограждане стали активнее «крутиться», чтобы «удержаться на плаву». Однако эта активизация не принесла большинству из них ожидаемых результатов. Отчасти это связано с тем, что максимальный рост из всех действий по улучшению личного материального положения продемонстрировала распространенность малоэффективного в экономическом отношении самообеспечения продуктами питания, в то время как распространенность куда более эффективной вторичной занятости выросла заметно меньше. Более того, популярность последней в постоянной ее форме, наиболее эффективной в плане финансовой отдачи от нее, практически не изменилась по отношению к 2014 г. — она всё так же охватывает лишь треть россиян (то есть около половины работающего населения страны). Основной же прирост распространенности вторичной занятости в 2022 г. дали ненадежные временные приработки.

В результате активизации усилий наших сограждан по поддержанию своего материального положения с марта 2014 г. по март 2022 г. заметно сократилось число тех, кто ничего ради этого не предпринимал. Причем как тех, кто не видел в этом необходимости, поскольку и так был доволен своим положением, так и тех, кто полагал, что не способен что-либо предпринять для улучшения ононого. При этом те, кто и в нынешних непростых условиях не делает для улучшения своего положения практически ничего, считая, что не располагают соответствующими возможностями, представлены в основном жителями нестоличных российских городов, не имеющими ни участков для подсобного хозяйства, ни шансов

использовать потенциал рынка труда столиц, ни высокоресурсных социальных сетей. Для данной группы характерна возрастная асимметрия: больше половины в ней – россияне старше 50 лет.

Таким образом, в данном случае речь идет о людях, в большинстве своем действительно находящихся в тяжелом положении и не имеющих в массе своей объективных возможностей его улучшить. Те же, кто и сегодня может позволить себе не предпринимать никаких дополнительных действий по улучшению своего положения, так как последнее их устраивает, – это, главным образом, жители мегаполисов и центров субъектов РФ со средними или относительно высокими среднедушевыми доходами в домохозяйствах. Более половины из них имеют высшее образование и являются профессионалами, руководителями, предпринимателями или самозанятыми. В отличие от вынужденно пассивных они не характеризуются возрастной асимметрией. Оптимизма им добавляют не только текущие доходы, но и имеющаяся у них «подушка безопасности» в виде сбережений и отсутствия долгов.

Вывод 7. Общего между всеми поселенческими, образовательными, профессиональными, возрастными и т.д. группами россиян заметно больше, чем особенного. В этом смысле можно говорить о слабой дифференциации массовых слоев российского населения по каким-либо традиционным формальным признакам. Однако это не означает, что представители данных слоев никак не дифференцированы между собой в плане уровня их материального благосостояния. Укрупненно эти слои распадаются на две макрогруппы, каждая из которых имеет свою структуру. Одна из них – в целом благополучное (при имеющихся внутри него различиях) население, охватывающее чуть более трети массовых слоев страны. Вторая – все остальные наши сограждане, которые могут быть структурированы по степени их неблагополучия. При этом в плане социального самочувствия для них важен не столько относительно невысокий уровень их благосостояния, сколько разрыв в этом отношении между реальностью и их запросами.

Среди факторов благополучия в современной России – как факторы неклассового характера (регион проживания, горизонт планирования), так и те ресурсы, что определяют позицию человека на рынке труда соответствующего региона (его культурный и социальный капитал, образование, возраст и т.д.). Данные факторы во многом схожи с факторами динамики материального положения населения страны за последний год. Они также включают в себя проживание в определенном регионе, горизонт планирования,

возраст, профессиональный статус, занятость в государственном и негосударственном секторах экономики и наличие занятости как таковой. Однако факторы, связанные с инкорпорированными ресурсами человека, оказываются для динамики его положения менее значимыми, чем для его материального и социального статуса «здесь и сейчас». Это еще раз демонстрирует: в последний год ухудшение положения россиян обуславливалось сложной совокупностью внешних факторов и мало зависело от них самих.

Вывод 8. Как вытекает из анализа данных проведенных исследований, последствия пандемии *COVID-19* по-прежнему оказывают на жизнь россиян серьезное влияние. Даже несмотря на кардинальную смену актуальной повестки в условиях проведения специальной военной операции на Украине. При этом социально-экономические последствия пандемии как на индивидуальном, так и на страновом уровне представляются нашим согражданам схожим образом.

Россияне по-прежнему испытывают большую нагрузку в виде социально-экономических последствий коронакризиса, повлекших значительные изменения их образа жизни. При этом некоторые негативные и наиболее масштабные последствия получают все большее распространение, а уверенных нисходящих тенденций не наблюдается. В связи с этим можно говорить о возвращении на уровень начала пандемийного периода.

С самым многочисленным и разнообразным перечнем последствий пандемии сталкиваются наиболее образованные, высококвалифицированные, молодые группы россиян. Вместе с тем, на фоне масштабных кризисных явлений материальные характеристики снижают свою дифференцирующую силу, формируя достаточно гомогенное социальное пространство с одинаковым уровнем обеспеченности.

Российское общество неоднозначно воспринимает те новшества, которые появились в нем под влиянием пандемийных реалий, и это само по себе является сигналом к разработке дифференцированных подходов в работе с населением и учету интересов различных его групп. К части подобных нововведений, затронувших личные интересы наших сограждан в наименьшей степени, большинство из них относится нейтрально, а в отдельных случаях даже положительно. Другая часть утрачивает свою актуальность в силу облегчения ситуации с коронавирусом и снятия ряда ограничений. В то же время некоторые новшества вызывают в обществе высокий уровень неприятия. Наиболее «острой» в этом свете

является ситуация с дистанционным образованием и (отчасти) с удаленной работой.

Ущерб, нанесенный пандемией как им самим, так и обществу в целом, по-прежнему оценивается большей частью наших сограждан как существенный. Примечательно, что на индивидуальном уровне наибольшие потери видятся россиянам даже не в области их доходов, а в психологическом состоянии, что говорит об общей усталости от постоянной тревоги и страхов, от ограничительных мер и масштабов изменений, случившихся в их повседневной жизни. Существенно, что на таком психологическом фоне приглушается бдительность, и снижается эпидемиологическая самоорганизованность населения. Большинство россиян заявляет об отсутствии у них страха заболеть коронавирусом, каждый пятый и после двух лет пандемии не планирует вакцинироваться. При малейшем послаблении ограничений они отказываются от следования масочному режиму и социальному дистанцированию, как будто опасность и в самом деле полностью миновала. Наряду с этим многие из них признают, что ковид был и остается для человечества опасным злом.

На уровне страны ущерб от пандемии представляется еще более существенным. Экономика и образование — традиционные лидеры по нанесенному им *COVID-19* ущербу. Снижается и фиксируемый ранее осторожный оптимизм в отношении сферы здравоохранения. Указанные тенденции — сигнал для укрепления социальной политики. На этом фоне противоречивы оценки общественной сплоченности, не позволяющие говорить об уверенности наших сограждан в эффективном коллективном противостоянии пандемии и схожим с ней вызовам.

Приведенные диагностические оценки — показатель сложной социальной, экономической и психологической ситуации в российском обществе. Отправной точкой в этом смысле стала не только пандемия, но и волна предшествующих ей кризисов, существенно сокративших адаптационный потенциал населения, а, следовательно, и его способность к эффективному противостоянию кризисным угрозам.

Вывод 9. В 2021–2022 гг. наблюдался рост доверия ко всем ключевым общественным и государственным институтам, в том числе и аутсайдерам — обеим палатам Парламента, органам местного самоуправления, судебной системе и политическим партиям. Иными словами, в целом общество консолидируется в своем доверии власти и общественным институтам.

Из властных институтов наивысшим доверием большинства наших сограждан пользуются Президент России и правительство России, в меньшей степени — главы субъектов Российской Федерации. Из силовых ведомств многие доверяют Российской армии, из общественных институтов — Российской академии наук, Церкви и, отчасти, общественным организациям. Фиксируемый в последние годы рост доверия к исполнительной власти и главам субъектов РФ свидетельствует о том, что россияне в целом одобряют их действия.

Вне зависимости от возраста и социально-экономического положения многие российские граждане критически относятся ко всем источникам информации — и традиционным, и цифровым. Уровень доверия к ним снижается, и, учитывая нередкое распространение как официальными СМИ, так и социальными сетями непроверенной информации, трудно ожидать, что ситуация в этом смысле будет улучшаться.

В российском обществе сравнительно давно сложился консенсус относительно ключевых социальных групп, способствующих или тормозящих развитие страны. Помимо крестьян и рабочих к способствующим последнему большинство наших сограждан относит предпринимателей, средний класс, молодежь, военных, руководителей предприятий и интеллигенцию, хотя в настоящее время положительная роль таковой отмечается заметно реже, чем 10–15 лет назад. Это может говорить о невыполнении данной группой тех социальных функций, которые на нее возлагает общество. Не улучшает ситуацию и реакция части интеллигенции на позицию России в отношении Украины, неизбежности проведения на ее территории специальной военной операции.

По сути дела, неожиданностью является то, что при довольно высокой степени консенсуса относительно доверия ключевым институтам и роли в развитии страны основных социальных групп россияне сравнительно невысоко оценивают уровень взаимовыручки в обществе — в среднем на 5 баллов из 10. Это не согласуется с уровнем доверия ближайшему окружению и объективными показателями готовности наших сограждан прийти на помощь друг другу, которые, напротив, очень высоки.

Уровень межличностного доверия среди россиян также высок: не доверяющих никому из своего окружения здесь практически нет. Естественно, что наибольшим доверием пользуются представители ближайшего круга — семья, родственники и друзья. В то же время за прошедший год уровень межличностного доверия,

особенно самым близким, несколько снизился, что может быть опосредовано неоднородностью отношения россиян к событиям на Украине.

Установлен социологический факт: восприятие текущей ситуации и психоэмоциональное состояние человека тесно коррелируют с тем, насколько он доверяет социальным и государственным институтам и своему окружению. Часть населения из группы «спокойных» обычно чувствует поддержку окружения, доверяет и ему, и основным общественным и государственным институтам и уверена в собственном будущем. «Катастрофисты», наоборот, чаще не доверяют не только действующей власти, но и ближайшим родственникам — их мир враждебен по отношению к ним, и в нем реже можно найти поддержку. Россияне же из группы «тревожащихся» находятся где-то между двух указанных крайностей.

Практически все наши сограждане рассчитывают на получение хотя бы хозяйственно-бытовой помощи со стороны и готовы оказывать ее сами. Это объективно свидетельствует о высоком потенциале взаимовыручки в российском обществе, проявившемся в период пандемии в повсеместном расширении волонтерского движения, различных благотворительных и гуманитарных акций.

Вывод 10. В массовом сознании россиян укрепляется новое видение России и ее будущего, сложившееся в общих чертах после того, как в начале 2000-х пошло на спад увлечение определенной части общества идеями либерализма и построения демократии по западным образцам. Путь, по которому следует Россия, оценивается большинством ее граждан как верный, а в перспективе — ведущий к положительным результатам. Имея в виду, что каждый второй россиянин настроен на перемены в обществе, значимым представляется то, что нынешний курс следования страны соответствует запросу как тех, кто ждет перемен, так и тех, кто ориентирован на стабильность.

В настоящее время наблюдается новое прочтение, переосмысление обществом самой идеи перемен и пути развития страны, их взаимосвязи: если год назад «перемены» означали для многих поиск некоего иного курса, то сегодня в сознании наших сограждан выбранная Россией дорога и «перемены» более не противоречат друг другу. Одновременно из образа «пути» уходят смыслы, связанные с ее движением в направлении прозападной модели: в настоящее время путь России понимается через концепт самобытной российской модели мироустройства, ее цивилизационного суверенитета.

Не отрицая ценности самой идеи демократии, общество переосмысливает ее основные принципы, относясь к ним куда более гибко, чем это предполагает демократия западного образца. Соглашаясь с тем, что демократия невозможна без оппозиции, россияне, тем не менее, хотели бы видеть в ней не политическую альтернативу действующей власти, формирующую критическую точку зрения на ситуацию, а конструктивного «помощника» властей.

Отношение к закону носит для большинства наших сограждан опциональный характер: главным приоритетом, согласно их устойчивой позиции, становится справедливость, а правительство должно иметь возможность влиять на правосудие, если этого требуют интересы государства. Наконец, свобода слова для СМИ и блогеров, по мнению многих россиян, может быть ограничена, если они нарушают последние. Разумеется, в обществе есть и те, кто последовательно придерживается демократических ценностей в их западном варианте, однако они составляют явное меньшинство.

Вывод 11. Нынешняя общественная ситуация, отраженная в динамике мировоззренческих установок россиян, во многом перекликается с ситуацией 2014 г. — периода воссоединения Крыма с Россией. И после начала военной спецоперации на Украине имеет место быть значительная консолидация социума по ключевым вопросам общественного развития. Динамика показателей общественных умонастроений накануне и после основных событий двух рубежных годов — «Крымской весны» 2014 г. и начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. — отражает сходные картины консолидации населения на фоне решительных действий международного значения, предпринимаемых Россией: растет уверенность в том, что страна идет по правильному пути, усиливается поддержка власти.

Вне рамок общественного консенсуса по важнейшим вопросам дальнейшего развития и устройства страны остаются россияне, не поддержавшие решение о проведении специальной военной операции, — группа сравнительно небольшая по численности, но внутренне консолидированная на позициях критики нынешнего курса руководства России.

Есть в ситуации, сложившейся после начала специальной военной операции, и еще одно важное обстоятельство, которое следует иметь в виду, в том числе оценивая варианты дальнейшего развития событий в стране. Из сложившегося к весне 2022 г. мировоззренческого консенсуса «выпадает» часть молодежи до 25 лет, и этим

нынешняя ситуация кардинально отличается от ситуации 2014 г. Если «после Крыма» молодые россияне, хотя и были в чем-то более критичны и либеральны, но в целом придерживались тех же базовых оценок, что и социум в целом, то в условиях проведения специальной военной операции они занимают особую позицию. Хотя и не в большинстве своем, однако заметно чаще, чем остальные группы, представители молодежной когорты считают, что нынешний путь России ошибочен, что ей следует жить по тем же правилам, что и современные зарубежные страны.

Вывод 12. Смысложизненные установки россиян, касающиеся жизни человека и принципов, которыми он руководствуется, демонстрируют более высокую устойчивость по сравнению с представлениями о векторе развития страны, ее цивилизационной модели, государственном устройстве. Речь идет о том, что «смыслы для себя» меньше подвержены изменчивости и составляют тот мировоззренческий базис, на который люди опираются в условиях высокой турбулентности общественного развития, усилившейся после начала проведения специальной военной операции на Украине. Тем не менее и в «смыслах для себя» наблюдаются некоторые изменения: они не ярко выражены количественно, но их согласованность свидетельствует об общем тренде, в котором проявляется защитная реакция общества на текущую ситуацию. Вектор данных изменений можно определить как ослабление энергетики развития и субъектности населения. С одной стороны, снижается восприятие россиянами самих себя как самодостаточных и независимых от поддержки государства людей, как «кузнецов своего счастья», ослабевают установки на активную защиту собственных прав и интересов. С другой — усиливается внешний локус контроля, их восприятие себя как людей, зависимых от государственной поддержки и внешних обстоятельств, а не от собственных усилий, ослабевают установки на активную защиту своих прав и интересов. Анализ структурных изменений, составляющих тренд на снижение субъектности, показывает, что наиболее уязвимыми и подверженными им оказываются малообеспеченные россияне, жители глубинки, а также люди в возрасте 46–55 лет.

На общем фоне ослабления установок на борьбу за собственные интересы в населении в целом выделяются группы, в которых данные установки выражены сильнее. Причем это группы, настроенные критично по отношению к нынешнему вектору развития страны: по сути, речь идет об энергии внутреннего протеста в обществе, но не об установках на защиту последнего от внешней

угрозы. Это выделенные в рамках двух подходов к мировоззренческой сегментации российского социума «нелояльные западники» и «демократы-западники», а также те, кто полагает, что главные опасности для России находятся внутри страны; кто не одобряет решение о проведении специальной военной операции на Украине; кто оценивает ситуацию в стране, регионе, месте проживания как катастрофическую.

В атмосфере сокращения под давлением внешних обстоятельств пространства субъектности укрепляется значимость ценности свободы. Повышенная чувствительность к ней фиксируется прежде всего в группах россиян, испытывающих дефицит свободы в разных смыслах этого слова. *Во-первых*, это люди, ощущающие «несвободу мысли»: «лояльные западники» (декларирующие поддержку власти и пути, по которому идет страна, хотя и желающие при этом видеть Россию устроенной по модели западной демократии) и те, кто полагает, что основные угрозы для России находятся внутри страны (что входит в противоречие с доминирующей в инфополе риторикой внешней угрозы). *Во-вторых*, это те, кто испытывает «несвободу действий», прежде всего 26–35-летние россияне, заменившие под давлением внешних обстоятельств установки на активную борьбу за свои права установками на приспособление к ситуации.

Вывод 13. На протяжении многих лет в системе мировоззренческих координат россиян наблюдается коллизия: установки на цивилизационный суверенитет России, ценности общности и коллективизма, которые важны людям с точки зрения общего вектора развития страны, связаны с приоритетом личных интересов над общественными, если речь заходит о повседневной жизни обычного человека. Однако в условиях ценностной мобилизации общества весны 2022 г. произошла определенная корректировка установок — всё большее число россиян отдает себе отчет в том, что события экстраординарны и требуют изменения отношения человека к стране и обществу. Единственная группа, выпадающая из данного контртренда, в которой установки на приоритет личных интересов, напротив, усиливаются, — часть молодежной когорты до 25 лет.

Сегодня общество переосмысливает концепт патриотизма. Одной из ключевых линий в его определении становится демаркация между людьми, считающими страну своего рождения единственным местом, где человек должен жить, и теми, кто допускает возможность жить там, где больше нравится. Ни одна из этих точек зрения не является сегодня доминирующей, в основе поддержки

каждой из них — мировоззренческие представления о том, каким путем следует идти стране, какова идеальная модель государственного и цивилизационного развития России, а также представления, определяющие отношение к специальной военной операции на Украине. И всё же основной трек, по линии которого распределяются мнения наших сограждан в данном вопросе, — возрастной. Молодежь и люди средних возрастов, включая группу 36–45-летних россиян, придерживаются точки зрения, согласно которой Родина не должна быть единственным местом проживания человека. Ценности «большого мира» уже стали частью мировоззрения и жизненных практик этих достаточно активных и трудоспособных групп российского населения, и вряд ли они откажутся от них в обозримом будущем.

Вывод 14. В процессе анализа позиций наших сограждан по вопросам, касающимся движения России в будущее («Какой россиянам хотелось бы видеть будущую Россию?», «Какие задачи предстоит решить, чтобы реализовать наши идеалы?», «Какие уроки следует извлечь из исторического опыта России на будущее?» и т.п.), удалось установить: традиционные социальные характеристики — род занятий, уровень доходов, место проживания и т.п. опрошенных — в большинстве своем оказывают на социальные установки и политические умозаключения россиян лишь незначительное влияние. В общем и целом, сторонники различных представлений о желаемом будущем России распределены по перечисленным социальным категориям в примерно одинаковых долях. Самым же сильным сегментирующим признаком является в этом плане личный выбор между двумя принципиально разными стратегиями развития страны, одна из которых ориентирована на следование западным образцам, а другая — на собственный опыт, ценности и, возможно, на некую историческую миссию, отличную от той, что олицетворяет и реализует Запад.

В настоящее время примерно треть россиян уже определилась со своей позицией по данному вопросу: 15% наших сограждан (которые для простоты восприятия были названы «новыми западниками») желают, чтобы Россия следовала по западному пути, в то время как другие 19% («государственники») предпочитают собственный путь. Эти два сегмента российского общества, для которых вопрос будущего страны продуман и во многом отражает их ценности и готовность к тем или иным действиям, примерно равны по численности и уравнивают друг друга. Учитывая же оставшиеся $\frac{2}{3}$ россиян, придерживающихся иных, менее

ярко выраженных, взглядов, но при этом не склонных стремиться к западному пути развития явным образом, оказывается, что «новые западники» пребывают в явном меньшинстве.

Две указанные выше группы наших сограждан значительно отличаются от остальных своим восприятием нынешнего миропорядка и видением того, какие действия для его улучшения следует предпринять. «Новые западники» выделяются наибольшей оторванностью от исторического прошлого страны, демонстрируют массовое недоверие ко всем уровням власти, наиболее чувствительны к вопросу защиты прав и свобод человека и не способны мириться с ущемлением прав меньшинств в угоду защиты прав большинства граждан. Они чаще не поддерживают государственные решения, принятые в последнее время, и чаще иных убеждены в том, что Россия в принципе идет не тем путем.

«Государственники» же, наоборот, глубоко чтят историю, причем не только страны, но и своей семьи. Историческая память выступает, по их мнению, одной из наиболее важных основ солидарности в обществе. Они в массе своей верят в особенный путь России и, будучи наиболее лояльны ко всем уровням власти, убеждены, что последняя знает, что делает, и все, что она предпринимает, делается во благо народа. Данная группа россиян наименее толерантна к инакомыслию и согласна с тем, что неудобные государственным интересам мнения и информация должны пресекаться, а их носители — ограничиваться. Будучи лояльными властям и доверяющими их решениям, «государственники» чаще остальных россиян поддерживают внешнеполитические решения последнего времени и не опасаются санкций со стороны Запада, полагая, что таковые принесут пользу российской экономике. По этим причинам именно они являются основными сторонниками еще большей централизации власти в стране.

Склонность придерживаться той или иной позиции практически не опосредуется базовыми социальными характеристиками опрошенных. Единственное значимое отличие, о котором можно говорить с уверенностью, — это большая доля «новых западников» среди молодежи в возрасте 18–25 лет. В остальном же, за мелкими исключениями, сторонники обеих точек зрения «рассредоточены» по всем возрастным когортам, типам поселений и профессиональным группам.

Вывод 15. Обращаясь к задачам, которые нашему обществу предстоит решить на пути созидания России будущего, большинство россиян, как и ранее, выдвигает на первый план борьбу с кор-

рупцией. Вслед за ней в разряд приоритетов попадают смягчение социальных неравенств и формирование эффективной наукоемкой экономики. По сравнению с данными годичной давности заметно увеличилась доля российских граждан, указывающих в числе собственных приоритетов укрепление суверенитета России и ее позиций на мировой арене (с четверти до трети опрошенных в 2021 г. и 2022 г. соответственно). А вот уменьшение санкционного давления на страну, похоже, не является для большинства россиян предметом особой озабоченности. В остальном сложившиеся в массовом сознании наших сограждан представления об актуальных задачах, стоящих перед Россией, на протяжении двух последних десятилетий практически не менялись. По-прежнему в числе главных приоритетов российского общества остаются обеспечение равенства всех перед законом и увеличение бюджетного финансирования медицины, образования, культуры. Вопросы же либеральной повестки (демократическое обновление общества, расширение прав и свобод, возможностей для свободного предпринимательства и т.п.) остаются на периферии внимания: в целом они давно уже не воспринимаются россиянами как значимые в плане коллективного целеполагания.

ОПИСАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАССИВОВ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Мониторинговые исследования РНИСиНП

Численность выборки общероссийского мониторингового исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем¹ колебалась в различных исследованиях 1994–2002 гг. в диапазоне от 1500 до 3000 человек. В разные годы опросы проводились от 1 до 4 раз. Квоты по возрастному представительству и социально-профессиональной принадлежности задавались на основе пропорционального соответствия их данным Росстата по составу населения по каждому региону в отдельности. Наряду с возрастным и социально-профессиональным составом в опросах соблюдались пропорции по типу поселения, полу и этнической принадлежности, что позволило обеспечить необходимую репрезентативность. В качестве регионов опроса, для каждого из которых составлялась самостоятельная подвыборка, были избраны 12 территориально-экономических районов России плюс г. Москва. Таким образом, выборка в каждом случае была двухступенчатой квотной — сначала определялась численность респондентов в каждом территориально-экономическом районе, а затем внутри региона задавались квоты по пяти признакам. Что касается отбора респондентов, соответствующих квотам, то выборка носила маршрутный характер с соблюдением квот при отборе единиц наблюдения. Замена в случае отказа производилась за счет

¹ В 2001 г. Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) был преобразован в Институт комплексных социальных исследований Российской академии наук (ИКСИ РАН). В 2005 г. последний вошел в состав созданного на базе трех академических институтов социологического профиля Института социологии РАН (ИС РАН), ставшего в 2017 г. основой образованного **Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)**. Таким образом, подавляющее большинство использованных в книге данных — результаты исследований, проводившихся хотя и разными по наименованию научными центрами, но в основе своей одной и той же научно-исследовательской группой.

следующего адреса по маршруту. Проверка качества интервью осуществлялась двумя путями: 1) за счет контроля по месту опроса (адресу) путем непосредственного посещения респондента или его телефонного опроса; 2) в процессе контроля качества заполняемости анкет. Процедура контроля охватывала 3–5% выборки. Статистическая погрешность составляла 2,5–3%.

«Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян», 2001 г.

Численность выборки репрезентативного общероссийского тематического исследования «Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян», проведенного ИКСИ РАН в ноябре 2001 г., составила 1736 человек в возрасте от 18 лет и старше. Эта выборка носила стандартный для большинства общероссийских исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН характер — сначала определялась численность респондентов в каждом территориально-экономическом районе, а затем внутри региона задавались квоты по пяти признакам.

«Богатые и бедные в современной России», 2003 г.

Исследование «Богатые и бедные в современной России» было проведено в марте 2003 г. ИКСИ РАН. Его основная выборка охватывала 2106 человек. Принципы ее носили стандартный для большинства общероссийских исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН характер.

«Экономическая элита России в зеркале общественного мнения», 2004 г.

Исследование «Экономическая элита России в зеркале общественного мнения» было проведено ИКСИ РАН в апреле 2004 г. Опрос проводился по стандартной общероссийской выборке. Численность респондентов составила 1750 человек.

«Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность», 2005 г.

Исследование «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность» было проведено ИС РАН в апреле 2005 г. Опрос проводился по стандартной общероссийской выборке. Численность респондентов составила 1750 человек.

«Социальное неравенство в социологическом измерении», 2006 г.

Исследование «Социальное неравенство в социологическом измерении» было проведено ИС РАН в марте-апреле 2006 г. Опрос проводился по стандартной общероссийской выборке. Численность респондентов составила 1751 человек.

«Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?», 2007 г.

Исследование «Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» было проведено ИС РАН в сентябре 2007 г. В ходе него было опрошено 2000 респондентов в возрасте от 18 до 65 лет включительно. При формировании модели выборки сначала производился экспертный отбор двух типичных субъектов РФ в 12 территориально-экономических районах страны согласно районированию Росстата (всего 24 субъекта РФ). Затем в них проходил отбор конкретных поселений. На первой ступени определение числа подлежащих отбору респондентов происходило пропорционально доле населения в возрасте 16–65 лет в каждом территориально-экономическом районе. Пропорционально распределялось и число подлежащих опросу респондентов в Москве, Санкт-Петербурге, областных центрах, районных городах и селах. На последней ступени отбор респондентов происходил с учетом требований двух моделей выборки. Одна из них носила покогортный характер, а вторая (в книге использованы данные именно этой части выборки) репрезентировала население страны в возрасте 18–65 лет. Квоты для второй модели соблюдались по полу, возрасту и социально-профессиональному признаку. Для сбора первичной социологической информации применялся метод индивидуального стандартизированного интервью.

«Малообеспеченные в современной России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?», 2008 г.

Исследование «Малообеспеченные в современной России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?» было проведено ИС РАН в марте 2008 г. Общероссийский опрос населения от 18 лет и старше был реализован с использованием аналогичной описанным выше модели выборки. Численность респондентов составила 1750 человек.

«Российская повседневность в социологическом измерении», 2009 г.

Исследование «Российская повседневность в социологическом измерении» было проведено ИС РАН в феврале 2009 г. по репрезентативной для населения страны в целом общероссийской модели выборки, аналогичной использованной в ходе описанных выше общероссийских опросов. Численность респондентов составила 1750 человек от 18 лет и старше.

«Готово ли российское общество к модернизации?», 2010 г.

Исследование «Готово ли российское общество к модернизации?» было проведено ИС РАН в марте-апреле 2010 г. и охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше – жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представляющих основные социально-профессиональные группы населения. Принципы построения двухступенчатой стратифицированной случайной выборки, использовавшейся в данном исследовании, были традиционными для других исследований ИС РАН, проведенных до 2014 г., результаты которых упоминаются в книге.

«20 лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Исследование ИС РАН «20 лет реформ глазами россиян» было проведено в апреле 2011 г. Принципы построения выборки, использовавшейся в этом исследовании, были традиционными для большинства других исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН, результаты которых анализируются в настоящей книге. Общая численность опрошенных составила 1741 человек в возрасте 18 лет и старше.

«О чем мечтают россияне: идеал и реальность», 2012 г.

Исследование ИС РАН «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» было проведено в марте 2012 г. Принципы построения выборки, использовавшейся в этом исследовании, были традиционными для большинства других исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН, результаты которых упоминаются в книге. Общая численность опрошенных составила 1751 человек в возрасте 18 лет и старше.

«Бедность и бедные в современной России», 2013 г.

Исследование ИС РАН «Бедность и бедные в современной России» было проведено в апреле 2013 г. Принципы построения выборки в данном исследовании были традиционными для большинства других исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН, результаты которых использованы в книге. Общая численность опрошенных в рамках репрезентативной для российского населения в целом части опроса составила 1600 человек в возрасте 18 лет и старше.

«Средний класс в современной России: 10 лет спустя», 2014 г.

Исследование ИС РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» было проведено в феврале 2014 г. Принципы построения выборки, использовавшейся в этом исследовании, были традиционными для большинства других исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН, результаты которых анализируются в книге. Общая численность опрошенных в рамках репрезентативной для российского населения в целом части опроса составила 1600 человек в возрасте 18 лет и старше.

Мониторинговые исследования ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН по проектам РФФ

«Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018);

«Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (2020–2022)

В книге использованы данные различных волн мониторинга, проводившегося сначала ИС РАН, а затем и ИС ФНИСЦ РАН. Исследования в рамках первого проекта были проведены в октябре 2014 г., марте и октябре 2015 г., марте и октябре 2016 г., мае и октябре 2017 г., марте и октябре 2018 г., а также в июне 2019 г. По второму проекту – в октябре 2020 г., марте 2021 г., марте 2022 г.

Объем выборочной совокупности исследований составлял в каждой волне от 2000 до 4000 респондентов, репрезентировав-

ших взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше. В отличие от исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН и иных упомянутых в данной книге исследований ИС РАН на первой ступени выборки районирование осуществлялось по федеральным округам, а не по территориально-экономическим районам. Вторая ступень формирования выборки предполагала выделение в составе каждого федерального округа типичных субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ рассчитывались квоты по типам поселений. На четвертой ступени, при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса, соблюдались квоты по социально-профессиональной принадлежности и полу, а также возрастные пропорции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГОРШКОВ Михаил Константинович – доктор философских наук, академик РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Член Союза писателей России. Один из ведущих специалистов в области методологии и методов конкретных социологических исследований, теории и практики изучения общественного мнения, социологии массового сознания, социологии молодежи, идентичности и российской повседневности. Автор, соавтор, ответственный редактор свыше 500 научных работ, ряда учебников и учебных пособий. Основные труды: «Общественное мнение: история и современность» (1988), «Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ)» (2000, 2003), «Прикладная социология: методология и методы» (2003, 2009, 2011, 2018, 2022), «Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Молодежь России: социологический портрет» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011), «Непрерывное образование в контексте модернизации» (2011, 2018), «Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики» (2011, 2016), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), “Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective” (2013), «Бедность и бедные в современной России» (2014), «Россия и Китай: молодежь XXI века» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (книги 1–5, 2015–2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках

и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), “Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries” (2018), «Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований» (2020), «Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае» (2021), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021), “Life Expectations of the People. Research Series on the Chinese Dream and China’s Development Path” (2021), «На переломе веков: социодинамика российской культуры» (2022) и др. Руководитель и участник более 100 крупных исследовательских проектов регионального, общероссийского и международного уровней, в том числе поддержанных ведущими российскими научными фондами.

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), “Poverty and Social Exclusion in the New Russia” (2004, 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018, в соавторстве), «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» (2022, в соавторстве). Ответственный редактор и автор глав в подготовленных по итогам крупных общероссийских исследований монографиях: «Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др. Автор глав в монографиях по результатам

международных проектов (“Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective” (2013), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021), ‘Life Expectations of the People’” (2021)). Руководитель и участник десятков крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по различной тематике.

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой истории и философии Всероссийского государственного университета кинематографии им. С.А. Герасимова, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Основные научные интересы: историческая память и образы будущего, социальные проблемы образования, социология интеллектуальных сред, социология ментальностей. Автор свыше 400 научных работ, ряд которых переведен на иностранные языки (изданы в Болгарии, Индии, Польше, Сирии, США, Финляндии, Швейцарии и др.). Основные труды: «Политическая психология» (2002, 2018), «Российское образование: социально-исторические контексты» (2008), «Социология техники» (2009, в соавторстве), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), «Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени» (2014), «От азбуки до университета: образование на Руси и в России до конца эпохи Просвещения» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017, в соавторстве), «Образование в русской культурной традиции: от возникновения до первой четверти XVIII века» (2021) и др. Руководитель и участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по различной тематике.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социальная структура российского общества, человеческий капитал профессиональных групп, социально-экономическая адаптация населения. Автор более 50 научных работ, в том числе статей в ведущих российских научных периодических изданиях и глав в коллективных монографиях

по результатам общероссийских и международных исследований: «Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021), «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» (2022) и др. Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

КОЛЕННИКОВА Нина Дмитриевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социальный статус и социальное благополучие, профессиональная структура общества. Автор более 15 научных работ, в том числе статей в ведущих научных периодических изданиях, информационно-аналитических докладов и резюме, глав в коллективных монографиях — «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» (2018), «Российское общество после президентских выборов — 2018: запрос на перемены» (2018), «Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты» (2019), «Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики)» (2021) и др. Участник проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры и социальной стратификации российского общества.

ЛАТОВ Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, главный научный сотрудник Академии управления МВД России. Основные научные интересы: теории социально-экономических систем и социально-экономического развития, институциональная экономика, социология общественного мнения, экономическая история, вопросы социальной стратификации новейшей России, человеческий капитал, теневые социально-экономические отношения, социология образования, запрос на перемены. Автор более 350 научных работ, в том числе статей в ведущих

российских научных журналах. Соавтор коллективных монографий «Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017), «Экономическая история России (опыт институционального анализа)» (2016), «Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование» (2017), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Научоемкие производства в системе взаимодействия институтов» (2021) и др. Участник крупных исследовательских проектов по проблемам социальной динамики, общественному запросу на перемены, вопросам модернизации российской экономики и общества, особенностям российской экономической ментальности.

ЛАТОВА Наталия Валерьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социально-психологические характеристики общественного сознания, социология образования, человеческий потенциал, этнометрия. Автор более 100 научных работ, в том числе монографии «Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование» (2017, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом коллективных монографиях по результатам международных проектов (“The Middle Income Group in China and Russia” (2021), “Life Expectations of the People” (2021)); глав в монографиях по итогам общероссийских исследований – «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Научоемкие производства в системе взаимодействия институтов» (2021), а также статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах. Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике процессов трансформации российского общества, человеческого капитала профессиональных групп, непрерывного образования.

СЕДОВА Наталья Николаевна – старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, советник генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Основные научные интересы: социальная структура

и социальная стратификация, ценности и установки, гражданский активизм, трансформация социально-трудовых отношений, досуговое поведение. Автор более 100 научных работ, в том числе глав в коллективных монографиях по итогам общероссийских исследований («Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения» (2018)), а также статей в ведущих научных журналах. Участник крупных исследовательских проектов по проблематике социальной структуры российского общества, ценностной трансформации, гражданского активизма, межнациональных и межконфессиональных отношений.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, социальное неблагополучие, малообеспеченность, бедность, социальное неравенство. Автор более 30 научных работ, в том числе статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» (2022) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества.

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Автор более 50 научных трудов, в том числе статей и глав в монографиях, посвященных изучению социальной структуры, вопросам социальной мобильности, социального неравенства и др. Среди них: «Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества» (2016), «Социальная мобильность в России: поколенческий аспект» (2017), «Социальное пространство российских регионов» (2017), «Особенности модернизации социальной структуры российского общества» (2018), «Социальная мобиль-

ность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты» (2019), «Малые города в социальном пространстве России» (2019), «Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва» (2020), «Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае» (2021) и др. Участник ряда крупных научно-исследовательских проектов, в том числе международных, поддержанных различными российскими научными фондами (РНФ, РФФИ, РГНФ и др.).

ТЮРИНА Ирина Олеговна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Специалист в области экономической социологии, социологии труда, социологии организации и управления. Автор / соавтор свыше 60 научных трудов, изданных на русском, английском и китайском языках, в том числе статей в ведущих рецензируемых научных журналах, глав в коллективных монографиях, научных переводах, учебных пособий для студентов и аспирантов высших учебных заведений. Основные труды: «Социология управления: фундаментальный курс» (2008, в соавторстве), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011, в соавторстве), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013, в соавторстве), «Россия и Китай: молодежь XXI века» (2014, в соавторстве), «Бедность и бедные в современной России» (2014, в соавторстве), «Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае» (2016, в соавторстве), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016, в соавторстве), “Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries” (2018, в соавторстве), “Life Expectations of the People. Research Series on the Chinese Dream and China’s Development Path” (2021, в соавторстве), «Научоемкие производства в системе взаимодействия институтов» (2021, в соавторстве) и др. Участник и координатор ряда научно-исследовательских проектов общероссийского и международного уровней.

ШЕРЕГИ Франц Эдмундович – кандидат философских наук, генеральный директор ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга». Один из ведущих специалистов в области методологии и методики социологических исследований, социального прогнозирования, социологии образования, социологии молодежи, социологии девиаций. Автор, соавтор, ответственный редактор более 200 научных публикаций, в том числе более 50 монографий,

учебников и учебных пособий. Основные труды: «Социология образования: прикладной аспект» (1977, в соавторстве), «Как провести социологическое исследование: в помощь идеологическому активу» (1985, 1990, в соавторстве), «Международные конфликты и проблемы беженцев» (1991, в соавторстве), «Основы прикладной социологии: Учебник для вузов» (1996, в соавторстве), «Социология образования: прикладные исследования» (2001), «Социология права: прикладные исследования» (2002), «Социология предпринимательства» (2002, 2018, 2019), «Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ)» (2002, в соавторстве), «Прикладная социология: Учебное пособие для вузов» (2003, 2009, 2011, 2019, 2022, в соавторстве), «Социология политики: прикладные исследования» (2003), «Социология девиации: прикладные исследования» (2004), «Национальный проект «Образование»: оценки экспертов и позиция населения» (2008, в соавторстве), «Молодежь России: социологический портрет» (2010, в соавторстве), «Взаимодействие науки и производства: социологический анализ. В 2-х частях» (2014, в соавторстве), «Россия и Китай: молодежь XXI века» (2014, в соавторстве), «Условия труда педагогов: хронометрический и социологический анализ» (2016, в соавторстве), «Образование, наука и бизнес в создании интеллектуальноемких сред» (2016, в соавторстве), «Кадры управления образованием. Социологический анализ» (2017, в соавторстве), «Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries» (2018, в соавторстве), «Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований» (2020, в соавторстве), «Наукоемкие производства в системе взаимодействия институтов» (2021, в соавторстве) и др. Руководитель (соруководитель) и участник более 100 крупных научно-исследовательских проектов отраслевого, регионального и общероссийского уровней.

Р76 **Российское общество и вызовы времени. Книга шестая /** ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. – 284 с.

ISBN 978-5-7777-0898-4

DOI 10.55604/9785777708984

В издании на основе результатов социологического мониторинга дается анализ состояния и динамики российского социума в 2020–2022 гг. Выявляются суждения и оценки россиян, их социально-психологические состояния, связанные с ключевыми внутренними и международными событиями и процессами данного периода. Наряду с этим исследуется общее и особенное в изменении социально-экономического положения различных групп населения в условиях антироссийских санкций. Особое внимание уделяется рассмотрению постпандемических последствий *COVID-19* и их влиянию на массовое сознание и поведенческие практики, состоянию доверия в обществе как фактору консолидации / деконсолидации духовной атмосферы социума, а также анализу смысложизненных установок наших сограждан в контексте их личных интересов и интересов страны в целом.

Предмет специального анализа – отношение россиян к Западу и их представления о друзьях и врагах РФ. В завершение дается социологическая характеристика существующих в массовом сознании образов России будущего.

Для социологов, политологов, философов, экономистов, историков, психологов, правоведов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

УДК 316.4
ББК 60.56(2Рос)

Научное издание

Российское общество и вызовы времени

Книга шестая

Под редакцией *М.К. Горшкова* и *Н.Е. Тихоновой*

Редактор: *В.А. Демьянович*
Корректор: *Е.В. Феоктистова*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка *С.А. Голодко*

Подписано в печать 07.12.2022
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 17,75. Тираж 750 экз.
Заказ № 568

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru
Тел. 8 (495) 632-47-04/06

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
Факс: +7 (496) 726-54-10, тел.: +7 (495) 988-63-87

В книге на основе результатов социологического мониторинга дается анализ состояния и динамики российского социума в 2020–2022 гг. Выявляются суждения и оценки россиян, их социально-психологические состояния, связанные с ключевыми внутренними и международными событиями и процессами данного периода. Наряду с этим исследуется общее и особенное в изменении социально-экономического положения различных групп населения в условиях антироссийских санкций. Особое внимание уделяется рассмотрению постпандемических последствий COVID-19 и их влиянию на массовое сознание и поведенческие практики, состоянию доверия в обществе как фактору консолидации / деконсолидации духовной атмосферы социума, а также анализу смысловых установок наших сограждан в контексте их личных интересов и интересов страны в целом.

Предмет специального анализа – отношение россиян к Западу и их представления о друзьях и врагах Российской Федерации. В завершение дается социологическая характеристика существующих в массовом сознании образов России будущего.

Для социологов, политологов, философов, экономистов, историков, психологов, правоведов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

ВЕСЬ
МИР

www.isras.ru

www.vesmirbooks.ru